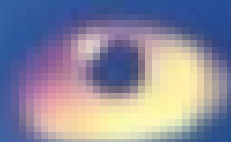

Я МИСС,
И МНЕ ПЛЕВАТЬ

Мечты Арьянэт о собственной швейной мастерской рухнули под гнетом обстоятельств. Выйти замуж за дерзкого мсье или стать валькирией? Выбор очевиден — перекроить судьбу и обстоятельства в свою пользу! Попутно найти настоящую любовь и спасти вселенную, в общем мелочи.

Глава первая

Мой отец был младшим магистром в ордене Желтого света. Он мог позволить себе отдать меня в пансион мадам Жижинды, где девочек обучали по их склонностям и способностям. Десять лет, проведенные в пансионе, пролетели, словно миг. Перебирая то, что осталась от такого долгого срока, я могла бы отыскать многое. Но обретенная дружба и сгладившееся отношение к себе и своей самости — пожалуй, самые ценные мои приобретения. Кроме того, я обзавелась умением шить, вышивать и создавать уникальные наряды. Они, постепенно накапливаясь, заполнили мой шкаф почти битком. Все это помогало отвлечься от потери близкого человека, и рана, оставшаяся после смерти отца, понемногу затягивалась.

После выпуска я планировала устроиться в небольшую мастерскую по пошиву одежды, неподалеку от пансиона. Гарантией мне служило приглашение. Хозяйка мастерской прислала его, сразу после моего участия в конкурсе дорожных костюмов. Эта милая улыбчивая женщина обещала выделить мне комнату.

Были и мечты, которые я опасалась лишней раз беречь. Например, своя швейная мастерская, задающая столичную моду. Каждый раз прокручивая эту идею в голове, я чувствовала, как верю в ее исполнение все больше и больше. Складывалось ложное ощущение неизбежности счастливого будущего. Поэтому я предпочитала думать о том, что точно случится лишь Вирипурия — ночь снятия печати.

В нашем мире все рождается с печатью, которая перекрывает связь с магическими потоками. После ее снятия резерв мага начинал постепенно наполняться, черпая энергию извне. Каждый «распечатанный» мог пойти обучаться в высшие учебные заведения столицы. Обязательным такое обучение являлось лишь для тех, кто имел повышенный магический резерв, следовательно и высокие способности к магии. Но такое всегда передавалось по наследству, и я могла не переживать. Мой отец за всю жизнь так и не смог подняться в ордене выше ступени младшего магистра из-за недостатка способностей. А мать по его рассказам имела совсем уж бедный резерв, как и все народы за Большим морем, из-за которого он ее когда-то привез.

До выпускного оставалось три месяца, когда мадам Жижинда собрала будущих выпускниц в Малой гостиной. Столы, обычно пустые, скрылись под толщей папок. Директриса, как всегда выглядевшая безупречно, отбивала туфелькой такт, нетерпеливо дожидаясь, когда мы зайдем.

— Девочки, организатор нашего пансиона при содействии Великой княжны, — она, по своему обыкновению, говорила очень быстро, — выделили средства, дабы вы смогли купить готовые платья или выбрать ткань и оплатить услуги портного. При рачительном расходовании денег Вам хватит также на обувь и украшения. В красных папках, — она изящным жестом указала на них рукой, — представлены эскизы готовых платьев. Их можно примерить по нажатию.

На этих словах мадам Жижинда распахнула папку нужного цвета и ткнула пальчиком наугад, облачившись в элегантное платье болотного цвета, практически лишенное украшений.

— Еще одно нажатие снимет платье, — наряд мгновенно исчез, подтверждая ее

слова. — В синих папках представлены отрезки различных тканей и рекомендации к ним. На выбор ткани у вас месяц, — она строго сверкнула очами, — если по истечении этого срока, я не получу от заявку в письменном виде, то буду считать, что вы остановились на одном из готовых вариантов. В остальных папках представлены аксессуары, которые примеряются так же, как платья. Вопросы есть?

Моя подруга Лисса спросила:

— На какую сумму мы можем рассчитывать?

— Четыре тысячи серебряных драконов.

Все присутствующие раскрыли рты от удивления и, после того как директриса, цокая каблучками по деревянному настилу, вышла, кинулись обниматься.

Вскоре количество занятий заметно сократилось, но свободного времени у меня не стало вовсе. Ведь возникла необходимость сшить наряды себе и подруге. Мелисандра попросила наряд, который, появившись такая нужда, можно надеть и в обычный день. Для нее я выбрала мягкую серую ткань с вышитыми на ней большими и маленькими красными маками. Платье прямого кроя без рукавов с воротником стоечкой и объемным капюшоном опускалось немного ниже колен. Чтобы сделать платье праздничным я выбрала серебряный пояс с инкрустацией полудрагоценных камней всех оттенков от синего до красного. Стоило заменить пояс на более простой, и наряд сразу превращался в повседневный.

Я работала не покладая рук, радуясь тому, что получаю опыт, который пригодится мне за стенами пансиона. Каждое утро, позавтракав (или лишь умывшись), я сверялась с выкройками и проверяла проделанную работу. Каждый вечер — моделировала и сшивала детали платьев, пытаюсь держать уставшие веки, Время пролетело незаметно, и я едва успела уделить время собственному наряду.

Для своего костюма я выбрала шелк разных оттенков желтого цвета. Ткань темнее пошла на расширяющиеся от колена брюки, а ткань светлее — на блузку с запахом и широкими рукавами. Талию перехватывал изумрудный, в цвет вышивки кушак. Последние стежки я делала уже утром праздничного дня, периодически откусывая от тоста с клубничным вареньем. Закончив работу, я облегченно выдохнула. Оставалось лишь привести себя в порядок, сделать прическу и макияж.

Когда наступил вечер, мы закончили наряжаться и стали крутиться перед зеркалом. Я в кои-то веки казалась себе красивой. Желтый цвет сочетался с глазами, оттенял мою смуглую кожу и служил некой данью верованиям отца. Достаточно было опустить руки вниз, чтобы ладони терялись в рукавах, скрывая от мира мою шестипалость. А рассыпанные по плечам завивающиеся темные волосы скрывали длинные ушные мочки. Лисса с завитыми и убранными вверх каштановыми волосами сияла рядом. В дополнение к поясу она отыскала серебряные сережки с фиолетовыми камнями.

— Выглядишь изумительно, — сказала я подруге.

— А ты просто с ног сшибаешь, красотка.

Мы, смеясь и шутя, спустились в просторный холл. Когда все собрались, мадам Жижинда повела нас из пансиона в сад, где укрытая дубовыми ветвями стояла маленькая часовня. Луна спряталась за тучами, и весь свет исходил только от разноцветных магических фонариков. Багряный, золотой и изумрудный, они раскрашивали белые каменные стены часовни в яркие цвета. А витраж окна розы приобрел собственное сияние.

Мадам Жижинда распахнула тяжелую дверь из черного дерева и вошла внутрь. Охваченные трепетом, мы последовали за ней. Я, как и остальные, была здесь прежде лишь

раз. Меня десятилетнюю это помещение, помнится, впечатлило.

Маленькая девочка, боявшаяся теней, теперь выросла и стояла рядом со мной. «Возьми меня за руку, и тени не смогут тебя увидеть», — шепнула я ей тогда. Лисса поверила и успокоилась, а потом и вовсе перестала бояться. Вокруг, как и в тот день, метались неверные тени, и стоял приятный свечной запах. Я почувствовала, как мягкие теплые пальцы коснулись моей ладони. Подруга взяла меня за руку.

Волновавшиеся девушки не смели даже перешептываться. Директриса встала прямо под куполом на мозаичный пол и велела нам встать вокруг нее, взявшись за руки. Стоило нам это сделать, как лунный луч проник внутрь и побежал, заставляя незаметные прежде кристаллы в стенах сиять. Мадам Жижинда затянула песню без слов, отчего кристаллы, стали сиять все ярче и ярче, пока не ослепили нас всех. В тот же момент голос взял высокую ноту и оборвался, отдаваясь звоном в дезориентирующей белизне. Когда свет рассеялся, я захотела протереть глаза, но побоялась выпустить руки стоявших рядом. Меня окружали ошеломленные лица, но мадам Жижинда улыбалась.

— Отныне вы освобождены от печати. Разомкните круг.

Мы спешно расцепили руки, и было в этом что-то комичное. Я не смогла сдержаться и засмеялась. На меня сразу же обратилось восемь пар изумленных глаз, но директриса лишь улыбнулась и направилась к выходу.

Серебристый свет, вышедшей луны, добавлял ночному очарованию капельку волшебства. Привычный сад казался загадочным и полным манящих тайн. Лица осторожно касалась ночная прохлада, кожу легонько обнимал легкий шелк, ноги уверенно пружинили при ходьбе. Ни одно испытываемое мною в тот момент ощущение не казалось необычным. Клариса шепотом поделилась теми же соображениями, но уверила нас: такое положение дел нормально, и изменения начнутся позже.

Под покровом ночи мы вернулись в здание пансиона и пошли в Общий зал, находясь в предвкушении того, что ожидает внутри. Все оказалось так, как я и представляла. На темно-коричневых стенах просторного помещения висели гирлянды, которые распространяли мягкий желтый свет и запах цветов. Нашлось там место и завязанным в венки колючим веткам хели. Развешенным на стенах с нарочитой небрежностью, они смешались с огоньками. Большой круглый стол, уставленный едой, занимал почти все свободное пространство. Горячее, сладкое, закуски — все стояло вместе. При желании можно было начать даже с пудинга!

Заскрипели резные деревянные стулья, воздух наполнился переливом девичьих голосов. Я почувствовала голод и с удивлением вспомнила, что не ела с самого утра. Стоило нам приступить к трапезе, как тяжелая дверь распахнулась и внутрь вошел мужчина.

Все разговоры мгновенно стихли. И это неудивительно, ведь в нашем пансионе были заняты исключительно женщины. Женщины были учителями и поварами, сами устранили поломки, а уборкой и стиркой занимались воспитанницы. Мужчин же на моей памяти никогда не пускали дальше порога, и то лишь при крайней необходимости. Но мсье в форме княжеского служащего, чеканя шаг, шел по Общему залу. Мадам Жижинда пришла в себя первой.

— Как Вы здесь оказались?

Тон ее голоса поменялся с недовольного на удивленный. Все мы разглядели на камзоле вошедшего знак Главного гонца. Золотая брошь размером с половину моей ладони изображала сапожок с крылышками. Ее обладатель лично доставлял письма Великого князя

по столице, а в исключительных случаях выезжал с этой целью за город.

Гонец молча передал ей свиток с восковой печатью и оттиснутом на ней княжеском гербе. Передав письмо, мужчина сразу же удалился. Мы затаили дыхание, когда директриса развернула пергамент и стала читать, перебегая глазами со строчки на строчку. Я не могла оторвать взгляд от ее лица и видела, как тонкие светлые брови сошлись к переносице. В Общем зале воцарилась тишина, едва нарушаемая приглушенным дыханием. Закончив, мадам Жижинда подняла голову и растерянно произнесла:

— Нам нужно ехать. Я все объясню вам в дороге.

Она впервые говорила медленно.

Глава вторая

Повозка остановилось после громогласного «Тпру!». Нас высадили перед входом, и, стоило всем выйти, извозчик уехал, торопясь освободить место следующему экипажу.

Здание, которое выросло прямо перед нами из земли, было не очень высоким, но широким. Неизвестный мастер сумел совместить разные породы камней, которые сменяли друг друга неожиданными переходами. Стены отступали, закругляясь. Из множества круглых окон лился свет, а ушей легонько касались отзвуки далекой музыки. Мы вошли внутрь, подгоняемые новоприбывшими.

Кипящий жизнью небольшой светлый холл княжеской усадьбы являлся полной противоположностью Общему залу, который нам пришлось покинуть в спешке. Даже такая деталь, как аккуратные венки из ветвей хели, развешенные строго между светильниками напоминала о том, что мы находимся не в гостеприимном пансионе, ставшим нам новым домом. Пушистые ковры скрадывали шаги, возвращая меня в коридоры, по которым в Общий зал вошли охваченные радостным волнением девушки, а вышли тихие тени с испуганными лицами.

Мы влились в образовавшуюся перед дверьми очередь. Рядом толкались, угрожая перемешаться группки выпускниц. Я краем глаза отмечала наряды, но старалась не терять из виду спину подруги и директрисы. Среди присутствующих я еще заметила мужчин разных возрастов, некоторые из которых в такой давке умудрялись переговариваться. В воздухе стоял густой запах смешавшихся духов и пота, что еще больше ухудшало мое и без того не лучшее настроение. Музыка стихла, и зычный голос не переставал объявлять гостей, когда мы приблизились к дверям вплотную, совсем рядом раздалось:

— Мадам Жижинда и ее выпускницы.

«Мадам Жижинда и ее товар», — такое объявление более уместно.

Признаться честно, прежде чем директриса раскрыла нам цель поездки, я успела надумать всякое. Воображение услужливо рисовало картины, одна ужаснее другой. Реальность оказалась довольно скучной.

— Мы едем на смотрины. Приглашены все титулованные горожане. Если кто-то из них выберет кого-то из вас в жены, она не имеет права отказаться.

— Доброго вечера! — поздоровался кто-то рядом со мной.

В бальном зале освещение было не таким ярким, как в холле, но шло отовсюду сразу. Мы стайкой двинулись за директрисой и, остановившись у трона, присели в реверансе, опустив очи долу. Я кожей чувствовала направленные на нас со всех сторон взгляды.

Пока правитель повторял нам стандартную форму приветствия, я успела украдкой его рассмотреть. Нашим Великим князем оказался высокий широкоплечий мужчина. Сидя, он на голову возвышался надо мной. А массивный трон многократно усиливал это впечатление.

Что уж говорить о миниатюрной Джессинде, которая рядом с ним в своем платье походила на маленькое, хоть и очень воинственное пирожное. Голову князя покрывал бархатный синий берет в цвет окрашенной бороды. Берет, этот атрибут, власти был единственным торжественным элементом в его одежде. Высокие ботинки из черной грубой кожи, темно-коричневые штаны из грубого полотна и льняная рубаха, лишенная каких-либо украшений — такую одежду носят большинство горожан. По правую руку от него восседала

княгиня, рассмотреть которую у меня не получилось. Огромное количество драгоценностей в ее туалете, казалось, питались светом и сияли, многократно его усиливая.

На фоне ослепительного великолепия Великой княжны мы все выглядели ничтожествами. У меня вдруг появилась надежда, что женихи обратят свое внимание на более красивых невест, к числу которых я не принадлежала из-за местных стандартов красоты. Практически целиком я пошла внешностью в свою заморскую мать. Прямой нос (против аристократического вздернутого), высокие скулы, удлиненные мочки ушей, пронзительные желтые глаза и, конечно, шесть пальцев на руках вместо обычных пяти. Стоя в тот вечер перед правящей четой, я впервые за всю жизнь порадовалась тому, что в глазах людей больше похожа на экзотического зверя, чем на прекрасную мисс.

Получив разрешение присоединиться к присутствующим, мы вновь смешались с толпой.
— Мадам Люсинда и ее выпускницы.

«Мадам Люсинда и ее...», — начала мысленно поправлять я, но осеклась.

Чтобы отвлечься, я стала нарочито внимательно оглядывать помещение. Мои ожидания увидеть поражающую воображение обстановку не оправдались. Несколько колонн поддерживали выдававшиеся вперед балконы. Стены, как и в холле, были очень скупо украшены праздничными венками. Большие окна, высотой во всю стену, слуги занавесили плотными бархатными шторами, будто выкрашенными кровью. Вдалеке угадывались мягкие диванчики и столики со съестным.

Множество девушек нашего возраста жались группками, а мужчины расхаживали вокруг и присматривались, не говоря ни слова. Женихи оказались абсолютно разными. Я заметила даже ветхого старичка с тростью в богато украшенном камзоле, который судя по всему плохо видел, но внимательно слушал своего слугу, нашептывавшего ему на ухо.

Ожидания оправдались: на этом невольничьем рынке меня почти не замечали. Огромный мужчина, больше похожий на медведя, чем на человека при виде меня сплюнул. А невысокого роста мсье, тонкий как тростинка, чье гладковыбритое лицо могло бы сойти за девичье, уставился на меня своими большими карими глазами и стоял так некоторое время. Остальные же, если и замечали, то бросали недоверчивый взгляд и, качая головой, отходили. Это при других обстоятельствах могло меня ранить. Однако в тот вечер такое положение дел позволило начать наслаждаться происходящим.

— Бал объявляется открытым! — голос Великого князя громогласно разнесся под каменными сводами, вызвав небольшое эхо, которое утонуло в хлынувшей отовсюду музыке.

Не имея желанья танцевать, мы с Мелисандрой присели в уголке рядом с журчащим фонтаном фруктового сока. Пока мы разговаривали, закончился первый танец. К нам подошел невысокий мужчина с проседью в висках и пронзительным взглядом светло-серых глаз. Обогнав обладателя, моих ноздрей коснулся запах свежее испеченного хлеба.

— Дамы, — произнес он с коротким кивком, — я Милихаинд Мист.

— Я Арьянэт Желтосветная.

Все послушники, вступая в орден, отрекались от мирской фамилии. Взамен они тешили гордость основателей и брали вторым именем название ордена. В детстве меня частенько дразнили «желторотой», отчего я не раз поминала глупые орденские порядки «добрым» словом и обижалась на отца.

— Я Мелисандра Боркская, — подруга помедлила и добавила, — из Квентона.

Мсье Мист пригласил мою подругу на танец, оставив меня в приятном обществе, наедине с собой. На нависавшем над танцевавшими парами балконе с опозданием

расположился певец. Под бодрую ритмичную музыку он исполнял популярные песни, проникшие даже за закрытые двери нашего пансиона. Через несколько танцев подруга вернулась ко мне запыхавшаяся и раскрасневшаяся.

— Рассказывай, — потребовала я.

— Мсье Мист, оказался владельцем «Горячего хлеба», та булочная рядом с пансионом. Он без конца делал комплименты моей внешности не совсем обычным образом: цитировал стихи и строчки из книг, — она закатила глаза. — Ты ведь знаешь мою любовь к чтению подобной литературы, — она налила себе лимонад в свежий бокал и сделала несколько больших глотков. — В общем, я не могу быть уверена, что он не придумал половину на ходу. Это вкус лимона?

Напиток в фонтанчике постоянно менял свой цвет, изменяя вместе с этим и свой вкус. Я набрала жидкость в пустой бокал, который беспокойно крутила в руках все это время. Я неверяще отхлебнула немного черного лимонада и удивленно покивала. Подруга продолжила рассказ:

— Был еще мсье Гловер, ты его, наверное, не видела. Высокий такой мужчина, чтобы разговаривать с ним приходилось постоянно задираТЬ голову. К концу танца мне показалось, что она у меня отвалится. Немного обидно, ведь весь разговор мы обсуждали погоду и то, какой этот вечер расчудесный.

— Прошу минутку внимания! — мелодичный женский голос разнесся по залу, и со своего места стала Великая княгиня. — Мне хотелось бы засвидетельствовать свое почтение мсье Ривзу, который, находясь в должности Главного гончего всего одну луну, успел отличиться доблестью и отвагой.

Толпа расступалась перед мужчиной, разглядеть которого за головами других гостей у меня получилось плохо. В абсолютной тишине он подошел к трону и преклонил колена.

— В награду я жалую тебе этот древний браслет. Руны на нем охраняют тебя от бед.

Подруги не было видно, потому я одна, не торопясь, стала протискиваться сквозь толпу. Награждение уже закончилось, вновь заиграла музыка, и пары пустились в пляс. Выбравшись, я увидела колонны и густую тень за ними. Юркнув в обнаруженное убежище, я врезалась в неожиданное препятствие и повалила его.

Препятствие, к моей неожиданности выдало шепотом раздосадованную тираду. Оказывается, я сбила одного из женихов! Щекам стало горячо. Торопливо встав, я отряхнулась и принялась извиняться.

— И здесь меня невесты отыскиали, — проворчал мужчина низким голосом, расправляя камзол.

— Простите, — я уже собралась покинуть едва нашедшееся убежище.

— Из какого вы пансиона, мисс?

— Я Арьянэт Желтосветная из пансиона мадам Жижинды.

Облик мужчины был большей частью от меня скрыт из-за тени, царившей за колоннами. Из-за голоса, однако, я представляла его похожим на Великого князя. Вздохнув с облегчением, он представился.

— Я Элион Ноэль. Простите мне мою неучтивость, мисс. Моя робость перед выпускницами мадам Люсинды вынудила меня искать здесь убежища. Едва я уверился, что спасен, как мне практически на голову свалились вы.

Причина, по которой эти мисс из большого количества женихов выбрали именно его, осталась неназванной. Уточнить ее я не решилась, все приходившее в голову сводилось к

вопросу: «А что в Вас, собственно, такого особенного?». Как бы там ни было, убежище оказалось занятым, и я стала оглядываться в поисках другого укромного места.

Решение пришло с неожиданной стороны.

— Мне в голову пришла идея сбежать в сад, не составите ли Вы мне компанию? — спросил мсье Ноэль.

Я опешила. Вдолбленная годами обучения осторожность в общении с мужчинами нашептывала: «Останься, в таком людном месте с тобой ничего не случится». Как я узнала позднее, магия, впервые пропитывая тело носителя, заставляет сердце наполняться весельем, чтобы тело легче перенесло адаптацию. Поэтому, или потому что я устала долго находиться в напряжении, я отмахнулась от осторожности.

— Но как мы выйдем? — понизив голос просила я.

— Я знаю путь, — ответил он и протянул теплую сухую ладонь.

Мгновение, и вот мы уже, хихикая, бежим по извилистым коридорам. Еще мгновение, и очередная дверь, открывшись, впустила душистый запах весенней ночи.

В лунном свете вырисовывались увитая плющом беседка и небольшая лужайка. Вокруг заградительным кольцом рос сад. Стоило сделать несколько шагов по полянке, как в воздухе загорелись крохотные огоньки, казавшиеся смутно знакомыми. Но мсье Ноэль не дал их рассмотреть, потянув меня внутрь. Я неуклюже споткнулась о порожек, и потянула его за собой. Мы повалились на подушки и устроили ими потешный бой. Отдышавшись же, уселись друг напротив друга, и я наконец получила возможность разглядеть внешность своего спутника.

Суровое лицо, казалось вырезанным из камня. Но озорная улыбка добавляла искорки фиолетовым глазам, смягчая черты и выдавая молодость своего обладателя. Густые каштановые волосы, перехваченные обручем с носовой стрелкой, рассыпались по плечам.

— У меня есть ежевичное вино, мисс, — молвил он и потянулся к полочке, на которой вряд выстроились несколько бутылок из темного стекла. Там же нашлись несколько чистых бокалов, того же цвета, что и бутылки.

— Называйте меня Арьянэт. А я, если Вы не против, буду называть вас Элионом.

Его улыбка сделалась еще шире.

— Я исполню твою просьбу, если ты исполнишь мою, — у меня перед носом возник бокал, наполненный дивно пахнущей жидкостью.

Мы осушили бокалы, прежде по традиции отсалютовав друг другу. Напиток сделал голову легкой, а мир ярким. Кончики пальцев легонько покалывали, но, в остальном, я пожалела, что никогда не пробовала его прежде.

Спустя пару бокалов мы бегали по лужайке, рассматривая огоньки. Они, как оказалось, имитировали существующие созвездия. Стоило в скоплении точек увидеть фигуру, в честь которой она получила название, и фигура появлялась. В одном месте била хвостом русалка, в другом пожирал себя гигантский змей. Элион провел меня сквозь плодовые дебри к огромному дереву, в нижней части которого обнаружилась маленькая дверь. «Говорят, к этой двери не подошел ни один ключ. Но, может, она ведет из другого мира сюда и потому открывается изнутри?».

Я гладила рукой маленькую копию простой деревянной двери, ощущая покрытую лаком шершавую поверхность, когда в голове у меня раздался голос: «Мадам Жижинда ожидает Вас в холле». Слова прозвучали так громко, что сбили бы меня с ног, не сиди я на траве. От этого коротко сообщения, голова загудела как колокол. Стоило некоторых усилий

вспомнить, где я нахожусь. Элион помог мне подняться.

— Тебе, видимо, нужно идти. Я провожу.

Обратно мы возвращались в тишине. На меня запоздало напала скромность, и щеки залил стыдливый румянец. Я почему-то вспомнила, что шестипалая и, по здешним меркам, некрасивая. Увидев в холле директрису и девочек, я поняла, что не заметила, как мы пришли. Обернувшись, чтобы поблагодарить провожатого, я не смогла его отыскать.

Едва я подошла, Лисса задала вопрос, смысл которого ускользал от меня, и я брякнула что-то невпопад. Мои мысли занимал Элион. «Увижу ли я его еще? Не был ли он плодом моего воображения? Быть может, я схожу с ума или Вирипурия играет со мной злые шутки?».

Оплеуха очень быстро очистила мое сознание, чтобы без лишних дум лицезреть обеспокоенное лицо напротив. Глаза цвета крови, вздернутый нос. Пухлые, четко очерченные губы раскрылись, обнажив белоснежные зубы.

— Арьянэт! Янэт!

Лисса трясла меня за плечи.

— Ты сейчас вытряхнешь из меня душу, подруга, успокойся.

Услышав мой обыденный тон, она успокоилась, но все же проворчала:

— Ты меня напугала.

— А чего мы, собственно, ждем? — я окончательно стряхнула с себя задумчивость.

— Нас будут вызывать по одной, чтобы объявить результат. Если кандидатов будет больше одного, то придется побеседовать с каждым и выбрать.

Я окинула взглядом ставший людным холл, насчитав больше пятидесяти девушек. «Ждать своей очереди придется долго».

Мое имя, как ни странно назвали скоро. Я обнялась с подругой и последовала за слугой. Извилистый путь закончился в кабинете, окутанном полумраком и дымом. В комнате стояло два кресла, в одном из которых сидел кто-то, пускающий кольца. Едва за мной закрылась дверь, знакомый голос произнес:

— Присядь, дитя.

Я поспешно склонилась в реверансе и присела, ожидая, что еще мне на этой неожиданной аудиенции поведает Великий князь.

— Мисс Желтосветная, сообщаю Вам, что Вас выбрали два жениха, — Великий князь не торопился. Создавалось впечатление, что мы встретились в этом кабинете случайно, и мое присутствие отвлекает его от куда более важного занятия — раскуривания трубки. Запах в воздухе сменился на вишню с нотками корицы.

В небольшом уютном кабинете, укутанном полумраком, стояли два кресла, против обыкновения, не разделенные столом. Они стояли не друг напротив друга, а рядом, превращая собеседников из двух противоборствующих сторон практически в приятелей. Я сидела в глубоком мягком кресле, повернув голову влево, и вперила взгляд в укрытого клубами дыма и неверным светом правителя, внутренне надеясь поторопить его. Это, к моему сожалению, не помогло, а на большее я не осмеливалась.

— Одним из двух этих претендентов на Вашу руку и сердце является Младший княжич. Однако для заключения брака детьми правящей семьи необходимо согласие обоих монарших родителей, как Вам, мисс, возможно известно, — я затаила дыхание, отчего сердце зашлось в бешеной скачке, — Князь вновь на время забыл о моем существовании и выпустил несколько дымных колец. Я старалась расслабиться, наблюдая, как они теряют форму и

рассеиваются в воздухе. — Если бы он был единственным претендентом, у нас бы не осталось бы выбора.

«Если бы». Глаза защипало. Стоило только потереть их тыльной стороной ладони, чтобы стало легче. Но такой жест неизбежно привлек бы внимание к моей мягкотелости. Меня обидело очевидное: отказ обусловлен моей внешностью и худородностью. Всеми двенадцатью пальцами я сжала подлокотники кресла, сдерживая порыв. Но вернее меня успокоила вовремя подоспевшая мысль: «Быть может Элион и есть тот второй претендент».

Еще немного насладившись дымом, мой собеседник продолжил:

— Для того, чтобы пообщаться с женихом тебе нужно зайти в ту дверь, — он ткнул в нужную сторону трубкой, зажатой в длинных мясистых пальцах, — и позвонить в серебряный колокольчик. Когда беседа закончится, вернись сюда.

Сказав это, он всем своим видом дал понять, что разговор окончен. Я расторопно присела в реверансе и проследовала в указанном направлении.

Проследовав указанным путем, я попала в маленькую комнату, которую уместнее назвать чуланом. Из обстановки там присутствовали только два простых стула и стол между ними. Стены, пол, потолок и даже вторая дверь были выкрашены одинаковым мышиным серым цветом.

Стул оказался тверже, чем я предполагала. Приняв максимально удобное в данных обстоятельствах положение, я взяла со стола маленький колокольчик и позвонила. Дверь открылась так быстро, будто жених стоял прямо за ней.

Он был одет в темно-серый кафтан, расшитый маленькими жемчужинами. Такая же жемчужина блестела в мочке его правого уха. Вошедшего мужчину я не знала, но что-то в нем показалось мне знакомым. Улыбка, приготовленная для встречи с другим, увяла в мгновение ока.

— Мое имя Хокен Ривз, — глаза, горевшие синим огнем, уставились прямо на меня. Я замороженно смотрела на маленькие пляшущие язычки пламени, но он отвел взгляд, разрывая контакт, и я вспомнила о правилах хорошего тона.

— Мое имя Арьянэт Желтосветная.

Мсье Ривз хоть и молодой, выглядел куда как старше меня. Его черные лоснящиеся волосы были собраны в тугий хвост на затылке, а вытянутое лицо с заостренным подбородком украшал такой же, как у меня прямой нос. Из-за бесстрастных гипнотизирующих глаз, его улыбка выглядела фальшивой и больше походила на ухмылку.

— Мисс Желтосветная, позвольте говорить с Вами на чистоту. Вам известно, какие обязанности исполняет Главный гончий?

Я кивнула. Персона Главного гончего обрастала невероятными слухами. Говорили даже, что в его поместье пропадают молодые девушки, но расходились в причинах. Одни утверждали, что он поедает свежим их нежное мясо, другие настаивали, что он пьет их кровь, третьи же считали, что одно другому не мешает. Формально же в обязанности Главного гончего входила «защита нашей страны от врагов внутренних и внешних».

— Я занял этот пост совсем недавно, и, полагаю, Вы понимаете, что у меня нет времени на жену.

После этих слов я вспомнила, где видела его. Великая княжна объявила на балу о его выдающейся доблести и наградила медным браслетом.

— Я вовсе не рвусь замуж, — я старалась добавить в голос как можно больше холода, но получилось неважно. — Вот только мне сказали, что выбора у меня нет.

— Что Вы мисс, выбор есть. Вам о нем еще расскажут. Всего хорошего.

Глава третья

Когда я открыла глаза, за окном солнце уже приблизилось к зениту. Я пошевелилась и поняла, что все мышцы ноют. «Видимо это тоже последствия снятия печати» — подумала я. Все-таки поменяв положение тела, я повернула голову и в поле моего зрения попала соседняя кровать и спящая на ней Лисса. События вчерашнего дня навалились одновременно, смешавшись в одну большую кучу. Я никак не могла вычленить оттуда информацию об участии моей лучшей подруги.

— Лисса, дорогая, проснись!

Я нависла над подругой, потрясая ее за плечо. Мелисандра лениво разлепила один глаз и уставилась им на меня.

— Чего тебе, Янэт? — раздраженно буркнула она.

Я лишь улыбнулась, настолько мне пришлось по душе это привычное ворчание.

— Сколько женихов тебя вчера выбрали?

Она погрозила мне пальцем.

— Один? Кто?

— Старичок, — она зарылась лицом в подушке, отчего ее стало хуже слышно. Его сопровождал мсье Лягушонок. Как его там? Алигер, кажется.

Остатки сна слетели с меня окончательно.

— И ты теперь станешь его женой?

— Нет, я выбрала «путь валькирии», а теперь отстань, — мне в голову прилетела подушка, и я, побежденная, поползла обратно. Вернувшись в царство одеяла, я погрузилась в сон.

Через несколько часов мы с подругой все же соскребли свои тела с кроватей и спустились к завтраку, который для всех остальных был обедом. За столом мы сидели одни, других выпускниц мы, сколько ни старались, высмотреть не смогли.

— Возможно, они все еще спят, — предположила я, отправляя в рот ложку овощного рагу.

— Или их очень быстро поженили и отправили жить к мужьям, — хмыкнула Лисса, разрывая пресную лепешку на десяток маленьких кусочков, чтобы потом смешать их с рагу.

— Но почему так быстро? И откуда взялась эта необходимость в обязательном замужестве? — в тот день в столовой подавали горячий облепиховый чай, которому я просто не могла не выказать почтение.

— Думаю, об этом не сказали даже нашей многоуважаемой мадам Жижинде. Нам и подавно никто ничего объяснять не будет, — она закончила терзать хлеб и стала помешивать его, чтобы тот пропитался соком тушеных овощей.

— Но ты ведь знаешь, все знают, как сложно пройти путь валькирии до конца. Можно ведь даже не пройти отбор. А в таком случае тебя просватают за этого мсье Лягушонка.

Подруга засмеялась.

— Посмотрим, как ты будешь веселиться, когда он тебе сделает ребенка, которого ты будешь вынуждена выдавать за настоящего наследника, чтобы тебя не изгнали с позором.

— Мама мне еще лет в пятнадцать рассказала о существовании лунного чая, принимая который можно избежать беременности, — Лисса посмотрела на меня с усмешкой. — Но

ты, полагаю, сказала это не для того, чтобы я устранила пробелы в твоих знаниях.

— Я предлагаю бежать. Даже если у нас ничего не получится, мы хотя бы будем уверены, что сделали все, что смогли.

Она в задумчивости покрутила серебряную ложку.

— Вряд ли нас за это повесят, поэтому я согласна.

Занятий больше не было, поэтому мы с чистой совестью закрылись у себя в комнате и устроили мозговой штурм. Едва начав, мы пришли к выводу, что легче всего будет сбежать сразу из пансиона. Но прежде, чем строить план, необходимо было проверить, все ли обстоит также же, как и прежде. Начать решили с осмотра выходов, которых в пансионе было всего два: парадный и хозяйственный. Для этой цели мы разделились, мне достался парадный вход.

Я выпорхнула на свежий воздух, словно из клетки.

— Куда Вы направляетесь, мисс? — послышался сзади неприветливый голос.

Я обернулась. У дверей стояли двое мужчин в форме княжеской гвардии. Они оба были в металлических масках, изображавших гротескные маски радости и печали, сквозь прорези которых трудно было различить даже глаза. Привыкнув различать людей по их лицам, я немного замешкалась. Но судя по тому, что «радостный» был, в отличие от «грустного», широким и полнотелым, я предположила, что он старше и голос принадлежал именно ему.

— Я хотела погулять по саду, — ответила я первое, что пришло на ум, обращаясь к радостной маске.

Голос предательски дрогнул, создавая ощущение, будто я вот-вот расплачусь.

— Сожалею, мисс. Велено не выпускать никого без письменного разрешения мадам Жижинды.

Я бросила взгляд на ворота. Там тоже стояли двое стражей, один из которых был «испуганным», а другой — «удивленным». Пришлось понуро войти внутрь, бормоча извинения. Разглядывая пол под своими ногами, я насчитала пять ступенек, ведущие в холл. Обратный путь я проделала без свидетелей, отчего казалось, будто я добралась обратно в комнату в мгновение ока. Подруга уже ждала меня, и по тому, как нахмурились ее брови и обиженно надулись губы, было видно, что на хозяйственном выходе дела обстоят также, как и на парадном.

— Два княжеских гвардейца? — угрюмый кивок. — У меня еще двое на воротах.

— Как думаешь, можно ли подделать разрешение? — спросила подруга без особой надежды.

— Допустим, что разрешение не защищено магическим отпечатком. При этом на нем наверняка стоит обычная печать, — я стала загибать пальцы. — Предположим, что мы раздобудем ее, подделаем почерк директрисы и пойдем на выход. Придется распрощаться с большей частью вещей и собрать весь скарб в маленькую сумку и разделить по времени, а лучше по ходам. Но это не страшно, проблема в другом. Как ты считаешь, гвардейцы, которые наверняка знают нас в лицо, отпустят нас в город без сопровождения? — все шесть пальцев по итогу оказались собранными в шиш.

Мелисандра разочарованно вздохнула и присела у окна, впериw печальный взгляд кроваво-красных глаз в доступный из наших окон кусочек сада.

— У меня есть еще одна идея, — подруга заинтересованно обернулась.

Обсуждать план мы закончили поздней ночью, но, снедаемые волнением, смогли заснуть только под утро. Когда по комнате разнеслось властное «Просьпайтесь!», мы

подскачили. Оказалось, что нас навестила мадам Жижинда, с целью пожелать удачной дороги и попрощаться. Казалось, что я закрыла глаза буквально мгновение назад, но возбужденный организм переполняла энергия, от которой меня немного потрясывало.

Мы с Мелисандрой еще накануне обдумали, какие вещи будут удостоены чести быть уложенными в небольшую сумку. Самой подходящей к такому случаю одеждой мы посчитали дорожные костюмы. Это была та самая модель, с которой я победила на конкурсе. Узкие штаны из тянущейся ткани, легкая блузка с укороченным рукавом и плотный жилет с капюшоном. Наши наряды отличались только цветом: мой был темно-коричневым, а ее темно-зеленым. Образ завершали высокие сапоги и перчатки.

Директриса, как всегда выглядевшая безупречно, была одета в кремовое шерстяное платье, единственным украшением которого была тонкая шоколадная бахрома на рукавах и по подолу. Мадам Жижинда всегда выбирала такие наряды: простые, но элегантные. От этого наблюдения к глазам подступили слезы. За десять лет эта женщина, создававшая при личном общении из-за своей манеры речи не самое хорошее впечатление, но при этом бывшая отзывчивой к своим воспитанницам, отчасти заменила мне погибших родственников. Но настал день, когда пришла пора потерять и ее.

За воротами пансиона директриса расцеловала нас в обе щеки и обняла. Я сдержала подступившие сентиментальные слезы, и было видно, что Мелисандра поступила точно также. Распрощавшись с мадам Жижиндой, мы сели в маленький неприметный экипаж, сильно отличавшийся от того, в котором мы ехали в княжескую усадьбу. Прибывшая в то утро за нами повозка была простой и грубо сработанной, а места в ней хватило бы разве что на троих, если те трое были бы такими же стройными девушками, как мы с подругой. На козлах рядом с кучером сидел пухлый пожилой мужчинами, который мягкими розовыми руками сжимал лекарский сундучок. Для сопровождения нам выделили гвардейцев с испуганной и злой масками, которые скакали рядом с возком по обеим его сторонам.

«Это было только полтора дня назад, а кажется, будто в прошлой жизни». Мне вспомнился Элион, но я поспешно отогнала от себя эти мысли. Накануне, когда я не могла заснуть, я убеждала себя в том, что «я его совсем не знаю» и в том, что «мы не пара». К своему сожалению мне удалось в этом преуспеть, и теперь я очень раздражалась, когда с непрошеной нежностью вспоминала его фиолетовые глаза.

Намного сильнее подстегивало воспоминание о великолепных, но пугающих глазах Хокена Ривза, который должен был стать моим супругом в случае провала. Мне часто вспоминались его холодные слова «у меня нет времени на жену», и я думала, не было ли в них скрытой угрозы. Подруга тронула меня за руку, и я увидела, что ее лицо покрылось красными волдырями, размером с ноготь. Выпитое заранее зелье, которое давно пылилось у меня в закромах на случай, если захочу пропустить занятия, подействовало вовремя. В окошко было видно, редкий пролесок, сквозь который просматривались приближающиеся бурлящие темно-серые воды реки Езинь.

— Пора.

Мы не стали обниматься, потому что волдыри, как и предполагалось, появились по всему телу, при этом причиняя подруге боль, но та лишь морщилась, стараясь не показывать мне насколько ей неприятно. Я несколько мгновений помассировала лоб, постаравшись предать своему лицу обеспокоенное выражение. Но особенно стараться не пришлось, волнение от предстоявших действий явственно отражалось на моем лице и голосе.

— Мсье, помогите моей подруге плохо, — мы ехали достаточно медленно, чтобы

«испуганный», к которому я обратилась, меня расслышал.

Время с каждой секундой замедляло свой бег. Казалось, что «Тпру!» разнеслось эхом. Я будто во сне вышла из остановившегося экипажа, чтобы освободить место лекарю, который заходил очень медленно. Сначала он поднял правую ногу со сбитой внутрь подошвой ботинка. Потом он взялся за специальную ручку внутри и, подтянувшись, поднял вторую ногу. Ему пришлось повернуться боком, чтобы в проход поместился его массивный зад.

Я увидела, как изменилось его лицо при виде результата выпитого заранее зелья. Оба сопровождавших гвардейца уже спешили и подходили к лекарю, который раздавал поручения, доносившиеся до меня будто сквозь вату.

От белого в яблоках скакуна меня отделяла пара шагов, которые я преодолевала нарочито медленно, убеждая себя в том, что вид Лиссиной физиономии отвлечет их на какое-то время. Так и произошло, но этого времени оказалось меньше, чем я думала. Не успела я прищипорить коня, как меня заметил один из гвардейцев:

— Ты что делаешь? — я не знала их голосов, но мне отчего-то показалось, что маска на задавшем этот вопрос гвардейце должна быть злой.

Оборачиваться не было времени, потому вместо ответа я лишь толкнула коня пятками, пустив его галопом. В спину мне полетели ругательства, а вскоре и топот копыт. Я мысленно поблагодарила ненавистную прежде учительницу по конной езде, и сосредоточилась на дороге, вздрагивая каждый раз, когда лошадь четырьмя копытами отрывалась от утрамбованной земляной дороги.

В ушах свистел ветер, но даже сквозь этот шум, моего слуха касался топот преследователя. Впереди показался поворот, на котором и держалась моя хрупкая надежда на спасение. Конь, согласно плану, должен был пробежать еще какое-то расстояние и отвлечь, хоть и ненадолго, преследователя. Я крепко сжимала скакуна пятками, шептала ему на ухо мольбы вперемешку с ласковыми обращениями и, как только мы скрылись за поворотом, прыгнула.

Совершая этот маневр, я чудом не застряла ногой в стремях, но покотившись вниз по склону, я об этом не думала. Верх перепутался с низом, запад — с севером, отчего меня замутило. В глаза, которые я с глупым упрямством держала открытыми, попала земля. Я ушибла спину, голову, ногу. Когда движение, наконец, остановилось, я встала, схватившись за дерево. Мир продолжал вращаться, и я помянула добрым словом пропущенный завтрак, который в такой обстановке весь оказался бы на влажной лесной почве.

Когда деревья перестали вращаться, я, прислушиваясь, двинулась на звук воды со всей скоростью, на которую была способна. Но получалось не так быстро, как хотелось бы. Когда я перешла маленькую речушку, впадающую в главную реку страны — Езинь, то упала без сил. В голове поплыло: «Кажется, эта речка называется Хельдовой. Как там Лисса?».

Очнувшись, я сразу вспомнила, где и почему нахожусь. Все еще было утро, из чего я сделала вывод, что отключилась совсем ненадолго. Но даже за столь короткий срок все тело успело затечь, и даже ногу свело от неудобной позы, в которую упала. Однако все это было не важно, необходимо было продолжать путь, пока мысли оставались ясными. Ведь сколь долго это продлится, предсказать было нельзя, я могла свалиться от усталости вновь через несколько шагов.

Хельдовая продолжала веселенько журчать, и к ее песне примешивалось множество других звуков. Слабый ветер колыхал ветви красных деревьев, отчего их твердые иголки стучались друг от друга, издавая громкий шорох. Вспорхнула красная птица, невидимая

прежде среди деревьев. Казалось, я даже слышала, как дышит медленно и глубоко дышит влажная земля.

Позади меня хрустнула ветка. Я повернула голову назад очень медленно, желая не делать этого вовсе, желая исчезнуть, проснуться, но только не увидеть, что позади стоит веригот и буравит меня своими черными глазками-бусинками. Этого не случилось, но попавший в поле зрения оскалившийся серый волк не способствовал появлению облегчения. Эта громадина, стоя на четырех лапах, доставала мне до плеча. С клыков его капала слюна, и не трудно было догадаться, кого он посчитал завтраком.

В ответ на мой маленький шаг назад хищник рыкнул, но с места не сдвинулся. Ругая себя последними словами (мадам Жижинда была бы мною недовольна) за то, что решилась на этот непродуманный побег, я лихорадочно соображала, что могу предпринять. Хотелось повернуться к нему спиной и побежать с криками, но я понимала, что такое поведение будет самоубийственным. В сумке лежал припрятанный перочинный ножик, но у меня имелись большие сомнения по поводу того, что успею им воспользоваться.

Рука легла на шершавую рукоять, пока нога делала еще один шагок назад. Всего мгновение потребовалось для того, чтобы понять, что земли не было там, где я рассчитывала ее найти. Едва не упав, я попыталась сохранить равновесие, отчего под тяжелой подошвой жалобно хрустнула веточка. В связи с этим обстоятельством выяснилось, что волк был подслеповатым, отчего ориентировался преимущественно на звук.

Говорят, что перед смертью вся жизнь вспоминается и проносится перед внутренним взором. Но в моем случае с восприятием времени приключились иные метаморфозы. Животное очень резко взяло с места, быстро приближаясь ко мне. Однако прыжок, который должен был повалить меня на лопатки перед смертью, выглядел замедленным. А потом тело волка и вовсе замерло передо мной изваянием.

«Вот как, оказывается, выглядит смерть. Теперь я проведу вечность, застыв в миге перед ней». С такого расстояния можно было рассмотреть каждую шерстинку и пересчитать оскаленные зубы, лишь немного тронутые желтым налетом. Учувя неприятный запах, исходивший из пасти, я немного отошла.

Понадобилось еще несколько мгновений, чтобы до меня дошло, что Хельдовая не останавливала свой бег, и что ветер шевелит шерстинки на теле волка. Когда неподалеку прополз ежик, торопясь по своим делам, в мою голову и вовсе закралось подозрение, что я все еще жива. Я огляделась в поисках того, что заставило волка застыть в таком неудобном положении, и от ближайшего дерева отделился силуэт.

— А я уж было подумал, что Вы будете глядеть на него до вечера.

На этот раз мсье Ривз был одет просто: в походные шаровары из плотной ткани и льняную некрашеную рубаху. От весенней прохлады его защищал длинный меховой жилет. Синие глаза смотрели мимо меня, в них все также плясал огонь. Однако без зрительного контакта, он не оказывал на меня гипнотического влияния.

— Я никак не ожидала, что Главного гончего пошлют по мою скромную персону. Или мсье Ривз поменял свое мнение насчет женитьбы? — я почти слышала громкий треск, с которым попытка побега провалилась. В связи с этим я не могла отказать себе в удовольствии поплевать ядом.

— А я никак не ожидал, что какая-то малознакомая мисс за несколько дней создаст мне столько проблем, — таким бесцветным голосом люди просят подать овсянку на завтрак.

Я попыталась решить, от чего я закипаю сильнее: от его слов или от его тона.

— Мсье Ривз, вы своими речами склоняете меня к согласию на этот, столь обременительный для Вас, брак, — я выжала из себя улыбку, которая, судя по внутренним ощущениям, получилась ехидной.

— С каждым Вашим словом я все более склоняюсь к тому, чтобы отпустить зверя и дать ему избавить меня от проблем, вызванных Вашим непрошеным присутствием в моей жизни.

— Я с каждой минутой все больше желаю, чтобы Вы поступили так, как намереваетесь. Ведь это решит и мои проблемы, связанные с вашим непрошеным присутствием в моей жизни! — я взбесилась настолько, что даже и не думала пугаться.

Хокен Ривз начал злиться. И, хоть его лицо, как и прежде, являло собой маску безучастности и безразличия, трудно было не заметить, что воздух накаляется.

— Однако, — я заставила себя говорить спокойно, — я готова простить Вам ваши нелестные высказывания и даже не выкажу сопротивления, пока вы будете меня конвоировать.

— Я в состоянии отвезти Вас и против вашей... — его голос стал резким, но останавливаться я не собиралась.

— Вы не дали мне договорить, — легкие обжигал каждый вздох. — Взамен я хочу шкуру этого волка. Из нее я сошью вам дорожный камзол, и вы примете его, как дар от своей невесты. Вы все еще считаетесь моим женихом, и я намерена соблюдать приличия.

Мсье Ривз медлил с ответом. По его лицу, как и прежде, понять что-либо было невозможно, но воздух вновь стал прохладным. Двумя большими шагами покрыв расстояние, отделявшее его от волка, мой спутник взял животное за загривок и с силой тряхнул. От животного, весившего в два раза больше меня, осталась лишь провисшая шкура, да пепел, разлетевшийся от легкого дуновения ветерка.

Мы двинулись через лес. Я не понимала, как мой провожатый ориентируется в таком скоплении одинаковых коричневых стволов, но покорно следовала за ним. Очень скоро мы вышли к разбитой дороге, на которой пролегли глубокие колеи. Рядом к дереву был привязан один пегий конь. Мое лицо, видимо, выражало полное недоумение, потому что Главный гончий небрежно бросил:

— Да, я сяду сзади и буду Вас обнимать всю дорогу, чтобы не свалились. Ведь вы, мисс Желтосветная, как вы любезно мне напомнили, остаетесь пока моей невестой.

Говоря это, он неторопливо убирал добытую шкуру в седельную сумку. Когда моя челюсть от такой наглости была готова капитулировать в направлении сырой лесной почвы, мой спутник рассмеялся. Его бархатный смех разлетелся маленькими зелеными птичками, появившимися ниоткуда и упорхнувшими в лес. Когда он замолк и посмотрел мимо меня, лицо его вновь ничего не выражало. Я бы всерьез задумалась о своем душевном здравии, если бы его тон не оказался дружелюбным.

— Вы поедете в одиночестве, мисс. Этот конь без остановок довезет Вас до места назначения. Мне придется остаться и закончить дела.

Я посмотрела по сторонам: вокруг были только дорога и лес, обступивший ее с двух сторон. «Какие тут могут быть дела?». Но я решила, что благоразумнее будет молча уехать, пока мсье Ривз не передумал. Я грациозно взобралась в седло и, попрощавшись, тронула коня пятками. Он понес галопом, и мне оставалось только крепко держаться. Мимо проносились деревья, солнышко согревало спину. Я отпустила мысли на свободу и просто наслаждалась ездой.

Когда конь привез меня к воротам резиденции, навстречу вышла маленькая старушка, одетая, как и весь персонал, в черное с желтым. Несмотря на свой почтенный возраст, кастелянша держалась прямо. Спешившись, я, согласно правилам хорошего тона, представилась:

— Здравствуйте. Я Арьянэт Желто..., - но она оборвала меня на полуслове.

— Я знаю кто ты, маленькая беглянка, — строго произнесла она, глядя на меня с укором, — попадись ты мне при других обстоятельствах, я бы высекла тебя розгами.

Бросив мне в лицо эти нелестные слова, она вошла внутрь. Я, не видя альтернативы, поспешно вытащила волчью шкуру и последовала за ней. Путь наш пролегал по подсобным помещениям. Мимо прачечной, заполненной паром, мимо кухни, из которой пахло специями и жареным мясом, отчего мой желудок невоспитанно заурчал. Мимо посудомоек, бодро трущих и скребущих посуду, мимо помещений с инвентарем, в которых царил идеальный порядок. Из последнего мы вышли во внутренний двор, в котором голубыми лепестками цвели ледяные вишни, распространяя вокруг приятную прохладу. Любуясь деревьями, я заметила башню только тогда, когда мы к ней подошли.

Вблизи она казалась очень высокой. Красный камень, из которого она была сложена, местами потрескался, но выглядел надежно. Войдя внутрь через окованную железом дверь, мы стали подниматься по винтовой лестнице. Преодолев пять этажей, старуха остановилась у одной из множества непримечательных синих дверей с небольшим номерком «7» по центру. Я не была суеверным человеком, но все же испытывала к «несчастливым» числам некоторую неприязнь. Неприятное ощущение усилилось, когда кастелянша вдруг улыбнулась и произнесла:

— Вот твоя комната.

— Мне нужно принять ванну с дороги и сменить одежду, где я могу это сделать?

Старуха молча отперла дверь ключом из большой связки. Он, к слову, сильно выделялся на фоне своих отполированных частым использованием собратьев. Это знание радости мне не прибавило. Справившись с замком, кастелянша что-то проворчала себе под нос и ушла. При мысли о том, чтобы догнать и расспросить поподробнее, я почувствовала себя неловко. «Наверное, она сказала, что все необходимое я найду внутри», — успокоив себя этими словами, я шагнула внутрь.

Комната оказалась небольшой и неожиданно уютной. В ней помещались шкаф, кровать и даже кресло, спрятавшееся рядом со шторой. Рядом с мягким креслом в стене располагался маленький светильник, который, тем не менее, горел очень ярко. Среди обшитых деревянными панелями стен я не сразу заметила еще одну дверь, которая, на мою радость, вела в уборную. Внутри обнаружили простую, но изящную ванну и унитаз. Из кранов текла горячая и холодная вода, а на полочке я нашла мыло и несколько полотенец. «Что ж, это определенно лучше, чем ничего».

Отогревшись после блуждания по лесу с мокрыми ногами и помывшись, я посмотрела на сваленный в углу дорожный костюм. Он был сильно испачкан после частых контактов с влажной лесной почвой, и я поставила себе мысленную галочку «отдать его в стирку».

Обмотавшись самым большим полотенцем, я вернулась в комнату и обратила свой взор

на шкаф. За его дверцами скрывалась тайна. «Есть ли внутри одежда? Может там черно-желтая форма с передником и шапочкой? Что ж, выглядит она неплохо, лишь бы с персоналом меня потом не путали». Я потомилась еще немного, представляя, что обнаружу внутри, и распахнула дверцы. На вешалках висели четыре одинаковых серых платья, которые при ближайшем рассмотрении еще и оказались безразмерными. Когда я натянула это через голову, то обнаружила, что поместиться туда могла бы еще одна я. Это платье, как и три других больше походило на изощренную форму наказания за попытку побега. Вредная старуха, наверное, злобно хихикала, когда распорядилась поместить этот ужас в мою комнату.

Однако вскоре это перестало меня беспокоить по нескольким причинам. Во-первых, потому что я прибыла в резиденцию, не для того, чтобы красоваться. Во-вторых, я подогнала все платья по фигуре и немного видоизменила их (благо я не смогла расстаться с иголками, ножницами и нитками и взяла их с собой). В-третьих, я предположила, что всем девушкам дали одинаковую одежду. Но, даже если предположение мое было неверным, это не имело значения из-за пункта первого.

Едва я управилась с последним из платьев, в дверь тихонько постучали. Я спешно запихнула все платья в шкаф, опасаясь быть пойманной с поличным, и, предав себе независимый вид, открыла дверь. За ней левитировал поднос с едой, который немедленно был сцапан внутрь. Обед состоял из горячего лукового супа, свежей пшеничной лепешки и политых медом ягод на десерт. Еще на подносе умещался чашка и небольшой чайничек, распространявший аромат травяного чая.

Откушав, я выставила поднос за дверь, а он, будто этого и дожидался — сразу же улетел. Пришло время вновь приниматься за работу и, если работа с бесформенным серым тряпьем не заняла много времени, то со шкурой пришлось повозиться. Первым делом я решила ее самостоятельно постирать, волнуясь о том, успеет ли она высохнуть за время моего пребывания здесь. Но оказалось, что она уже чистая и даже приобрела прохладный аромат ледяной вишни. «Интересно, — подумалось мне, — мсье Ривзу нравится этот аромат из-за того, что лепестки этого растения похожи по цвету на его странные глаза?».

Вскоре я целиком погрузилась в работу, забыв обо всем на свете. Мне уже приходилось изготавливать одежду без снятия мерок, но я немного нервничала, из-за чего перепроверяла все по нескольку раз. Закончив, я устала так, что сил хватило лишь на то, чтобы выключить светильник. Сон, не церемонясь, застал меня в кресле, в котором я так удобно расположилась за работой.

Когда я открыла глаза, в комнате было светло. Дверь была раскрыта, и, пока я сонно думала, что бы это могло значить, вбежали две, незнакомые мне, обеспокоенные девушки. Одеты они были одинаково: в черные полу-облегающие платья с желтыми кружевными передниками и желтыми же шапочками. Одна из девушек, та, что была рыжей (редкий для этих земель цвет волос), показала на пустую кровать и что-то быстро затараторила. Видимо во сне я накрылась камзолом, и невнимательная служанка меня не разглядела. А, увидев пустую кровать, подумала, что я снова сбежала. Искала ли она меня в шкафу или хотя бы в ванной, я так и не узнала. Смекнув, из-за чего поднялась паника, я решила подать голос.

— Покажите и мне, что такое пугающее обнаружилось на кровати.

Рыженькая замерла, будто увидела привидение, а вторая лишь грозно на нее зыркнула и удалилась. Видя, что мой вопрос остался без ответа, я решила задать другой.

— Неужели уже пора спускаться на отбор? — эти слова служанке, очевидно, напомнили

о цели ее визита.

— Да, мисс.

«Видимо тихий стук подноса с едой я проспала», — подумала я, и нельзя было сказать, чтобы эта мысль меня обрадовала. Пока я потягивалась, разминая затекшие от сна в кресле конечности, служанка достала из шкафа серое платье, похожее на то, в которое я была одета. Я не удержалась и фыркнула, вспомнив прошлый день и первое знакомство с этими нарядами.

Рыженькая девушка, которую звали Ирма, терпеливо ожидала, пока я оденусь. Платье, выбранное ею после пережитых им трансформаций, приобрело (кроме подгонки по фигуре) сборки у пояса и укороченный рукав. Облачившись в него, я выпрямилась и посмотрела на реакцию служанки. Ее лицо имело на себе отпечаток удивления, но трудно было сказать точно, чем оно вызвано.

— Я могу попросить тебя отнести мой костюм в прачечную? — спросила я ее.

— Конечно, мисс. Я верну его Вам выстиранным и сухим.

После этого короткого диалога Ирма повела меня вниз. Когда я насчитала пять этажей, то подумала, что она отведет меня обратно в резиденцию, но ошиблась. Мы спустились еще на один этаж и оказались в просторной гостиной.

Часть кресел их была занята. Как я и предположила, все девушки были в одинаковых серых нарядах, только обувь различалась. У некоторых наблюдались украшения, вроде поясов или диадем. Я внимательно всмотрелась в лица присутствующих. Худая девушка с темной, как ночь, кожей, теребила прядку своих распущенных серебристых волос. Взгляд ее серых глаз перебежал с одной девушки на другую и остановился на моей скромной персоне. Я подверглась придирчивому осмотру, по окончании которого, если судить по выражению ее темного лица и скривившемся черным губам, была признана негодной. Сидевшая справа от нее на кованом стуле девушка будто проглотила шест. Ее пшеничные волосы были стянуты в тугую пучок на затылке, а взгляд больших миндалевидных голубых глаз замер на сложенных на коленях руках. Пару слов можно было сказать о каждой из оставшихся четырех девушках, но самым главным было то, что Мелисандры среди них не было. С плеч у меня будто гора свалилась. Ирма собралась уйти, но я дернула ее за рукав.

— Помнишь кафтан из волчьей шкуры? Отправь его Главному гончому, мсье Хокену Ривзу.

— Хорошо, мисс, — в ее глазах промелькнуло любопытство, и я уверилась в том, что моя просьба станет поводом для сплетен между служанками.

Тайная глава

В небольшой приемной сидели двое. Для наблюдавшего из потайного хода, скрытого за гобеленом человека, была видна лишь женщина. Ее любовь к драгоценностям была безгранична и выражалась в обильном присутствии последних в ее туалете. Среди прочих, сияющих при малейшем повороте, камней выделялись рубины разного размера. Они были вделаны в диадему, в ожерелье, в тонкие браслеты на молочных запястьях и повторяли цвет глаз своей обладательницы. Отчего создавалось ощущение, будто женщина видит все, глядя через свои рубины.

— Я приготовила ей вот это, — голос ее, не смотря на возраст, был мелодичным и звонким. Тонкий палец с золотым перстнем, в котором красовался рубин, размером с голубиное яйцо, указал на бумажный пакет, стоявший на кофейном столике между собеседниками.

Тот, кто сидел напротив, извлек оттуда широкий медный браслет и маленькую коробочку. Браслет он положил обратно, а коробочкой заинтересовался. Рассмотрев то, что находилось внутри, он вернул ее в пакет.

— Долго ли мне еще прятаться? — голос говорившего оказался низким и тяжелым.

Его собеседница нахмурила брови.

— Меня и саму гложет нетерпение, дорогой, но жрицы молчат. Нам остается лишь исполнять оставленные указания и ждать.

Подслушивавший человек увидел достаточно и ушел так же бесшумно, как и присутствовал.

Не желая идти через всю гостиную под пристальными взглядами, я заняла свободное место рядом с дверью в тяжелом деревянном кресле и сразу же поймала пальцем занозу. Некоторое время мы сидели в тишине, чтобы придушить зарождавшееся волнение, я стала размышлять. В столице, как мне помнилось, было как минимум шесть пансионатов. Если судить по балу в резиденции Великого князя, в каждом из них было примерно от восьми до пятнадцати выпускниц. Я взяла среднее значение — двенадцать. Из чего можно было сделать вывод, что принуждение к замужеству получили около семидесяти двух девушек. И только семь из них (если считать и мою сбежавшую подругу) отказались и выбрали долгое и трудное обучение, называемое «путем валькирии». В конце него можно было стать валькирией, девой-воительницей с уникальными боевыми навыками. А можно было умереть, едва начав или почти закончив обучение. Звучит очень соблазнительно, не правда ли? Но к этому «лакомому кусочку» допускались лишь те, кто прошел отбор.

Прервав мои думы, вошел мужчина. Высокий и сухопарый, он был одет в черный строгий костюм, который состоял из черных штанов прямого покроя, черной рубашки с наглухо застегнутым воротником и черного же пиджака, застегнутого на одну пуговицу. Даже его кожаные ботинки были черными, их начищенные носы блестели в свете ламп. Его длинные седые волосы были заплетены в косу. Вошедший обвел присутствующих взглядом узких черных глаз, похожих на маленьких жуков с лоснящимися спинками.

— Мое имя Салдор Сван. Я буду проводить отбор. Не переговариваться! Вопросов не задавать! Говорить только, когда я велю! А теперь отвечайте, вам понятно? — голос его оказался грубым и резким, под стать его словам. От такого обращения я на несколько мгновений впала в ступор.

Мы нестройно произнесли: «Да».

Мужчина встал в центр комнаты и провел ногой черту, разделявшую помещение на две половины. Когда ботинок оторвался, заканчивая линию, она засияла тусклым белым светом.

— Встать в две шеренги на расстоянии одного шага от черты. Три туда, три сюда. Лицом друг к другу. Живее!

Когда мы, путаясь и перебегая, построились, он подал знак. В гостиную вошла та служанка, которая утром вместе с Ирмой рассматривала пустую кровать. Она была полноватой и округлой, но двигалась уверенно. На вытянутых пухлых руках она внесла большое серебряное блюдо, на котором в кучу были свалены арбалеты. Пока я лихорадочно думала, что это могло бы обозначать, нам было велено взять оружие. В довесок к арбалету шла стрела, которую девушка в черно-желтом одеянии ловко выуживала из висящего на ее плече колчана. Я никогда прежде не держала в руках орудий смерти, кроме, может, ножей и вилок. Кисти рук нервно дрожали. И не только у меня.

— Стрелы наложить, — скомандовал мсье Сван. Арбалеты были удачной альтернативой

лукам, с которыми мы, скорее всего, возились бы многим дольше.

Салдор Сван выдержал паузу, он выглядел возбужденным, его глаза азартно блеснули.

— Вы должны выстрелить в стоящую напротив девушку на счет три.

Напротив меня стояла та самая девушка с пшеничными волосами. Я ожидала увидеть в ее голубых глазах испуг, но прогадала. Она уверенно, даже с некой ожесточенностью, держала арбалет. Девушки, которых десять лет воспитывали, как юных мисс, нацелились друг на друга, держа оружие холеными мягкими пальцами. «Линия магическая. Скорее всего, она защитит от стрелы. Но уверенности в этом нет. Я не готова платить чужой жизнью за свою свободу», — эти мысли, не до конца сформулированные словесно, пронеслись у меня в голове, пока Салдор Сван произносил:

— Раз, два... три!

Я ослабила судорожную хватку и опустила арбалет вниз. Подняв глаза, я успела отметить, что стоявшая напротив меня девушка немного опустила арбалет, так что кончик болта смотрел мне в ноги. Когда я уже было решила, что она подумала о том, о чем и я, она нажала на спусковой крючок. Я не успела даже испугаться за те короткие мгновения, пока несколько стрел вырвались с тихим свистом и с пшиком растворились, столкнувшись с преградой, созданной светящейся линией.

Я ошеломленно посмотрела на свои ноги, потом на девушку с пшеничными волосами, потом снова на свои ноги. Хотелось закричать: «Как ты могла», — но я не проронила ни слова, лишь продолжала переводить взгляд с ног на девушку. Мсье Сван никак не оценил то, как мы справились, лишь велел свалить оружие по центру комнаты. Образовавшуюся кучу, быстро собрал служанка, материалом, которым были окованы арбалет, касался серебряного блюда с тихим позвякиванием.

Стоило ей шагнуть обеими ногами за порог, комната, в которой мы находились, преобразилась. Теперь девушки в домотканых серых платьях сидели за столами в большом сером кабинете, каждая за своим. Столы стояли двумя рядами. Всего по три в каждом ряду, итого шесть по числу «участниц».

Передо мной лежал пергамент и самопишущее перо. С одной стороны посередине пергамент каллиграфически была выведена надпись: «Участница № 7». Я предположила, что «участницей № 6» была Лисса. Все мы сидели лицом к стене, в которой было вставлено большое зеркало, которое не отражало присутствующих и показывало лишь серый клубящийся туман. В стену над ним были вделаны песочные часы. У каждой на столе стояла незажжённая небольшая масляная лампа, весь свет, как и прежде, давали магический кристаллы, свисавшие с потолка.

Салдор Сван стоял напротив зеркала, спиной к нему. Стоило ему заговорить, как в кабинет вошел еще один мужчина. Высокого роста, бритый, он был одет просто: штаны и рубаха из грубого полотна, тяжелые высокие ботинки. На поясе, вдетый в ножны у него висел кинжал. Приметным в нем было то, что все открытые участки кожи были испещрены шрамами, словно страница книги письменами. Войдя, он молча замер рядом с дверью.

— Я наблюдатель и буду смотреть за происходящим через это зеркало. Внимательно слушайте, что я говорю. Повторять не буду, — он сделал паузу и пошел вдоль рядов, заглядывая девушкам в лица. — Я не стану извиняться за стресс, который вам сейчас пришлось пережить. Это было необходимо. Стойкость — важное качество в эти сложные времена. Ведь если Вы не в состоянии пройти отбор, то и с обучением вы не справитесь, — он сказал «вы не справитесь» резче, чем все остальное.

— Тест сравнительно прост, однако он позволит определить, кто из вас отправится отсюда к жениху, а кто — в путешествие, — на этих словах он закончил обход и вновь встал спиной к зеркалу. — Есть лишь один вопрос, от вас требуется всего один ответ, — глазючки перебежали с одного лица на другое. Когда они остановились на мне, я отвела взгляд от пронизывающего холода, который стали излучать. — В этой комнате не действует никакие правила, кроме тех, которые я вам озвучу. Если Вы заговорите со мной или со стражем, — он указал на верзилу, — вы будете исключены, — он загнул узловатый палец с пожелтевшими ногтями. — Если испортите свой пергамент, намеренно или случайно — вы будете исключены, — эти три слова мсье Сван говорил с особым удовольствием. — Если вы решите покинуть комнату по какой-либо причине — вы будете исключены, — три загнутых пальца отметили три озвученных правила. — Вопросы есть?

Взгляд мсье Свана вызывал сосание под ложечкой. Он не добавил «отвечайте», поэтому и еще, потому что вопросов не было, я решила промолчать. Также поступили и остальные девушки.

— Вы получаете один час на размышления, — песочные часы стали медленно переворачиваться.

После этих слов он вышел. Как только за ним закрылась дверь, песчинки начали свой отсчет, шурша в полной тишине. Я перевернула пергамент и обнаружила, что противоположная сторона абсолютно чистая. Я повертела его так и сяк в поисках вопроса, но не обнаружила ничего, кроме надписи «Участница № 7». Посмотрев по сторонам, я поняла, что у всех «участниц» ситуация одинаковая.

Нервное ерзанье на неудобных стульях заглушил скрип пера, и все взгляды обратились в сторону источника звука. Им оказалась девушка за первым столом второго ряда. Она еще скрипела пером, низко согнувшись над столом, когда к ней подошел Страж, взял за плечо и потащил на выход. Она закричала:

— Нет, нет, нет!

Из ее печальных темно-серых глаз по щекам лились слезы. Девушка была так сильно расстроена тем, что ее исключили, что мне было сложно представить, что за монстр-жених ее ожидает. Или ее эмоции были вызваны тем, что она мечтала быть валькирией? Так или иначе, крики лишь накалили атмосферу, а ей самой пользы никакой не принесли. Верзила вышвырнул ее за дверь, которую сразу же закрыл.

«Если испортите свой пергамент намеренно или случайно — вы будете исключены».

«Беречь свой пергамент, не разговаривать с Наблюдателем или Стражем, не покидать комнату, — перечислила я в уме. — Нельзя разговаривать только с ними, между собой разговаривать можно». И пока я сомневалась и думала, есть ли какие-то подводные камни, которых я не вижу, темнокожая девушка с серебряными волосами (мысленно я назвала ее «участницей № 5», так как она сидела в первом ряду за третьим столом, слева от меня) заговорила:

— Кто-нибудь знает вопрос? — ее голос оказался глубоким с заметной хрипотцой.

Ответом ей послужило молчание.

— Бойтесь рот раскрыть, и, как видно, мозгами пораскинуть тоже бойтесь, — она покивала своим мыслям. — Слушайте, чтобы найти вопрос нам нужно работать в команде.

Ей ответила пухлая девушка с вьющимися рыжими волосами, сидевшая передо мной («участница № 4»).

— Нет никакой уверенности в том, что мы не являемся конкурентами.

— Конкурентами мы можем быть только в ответе на вопрос. А сообщая вопрос будет найти легче, — возразила ей ничем не примечательная девятая.

«Участница № 1», та самая, что выстрелила в меня из арбалета, предложила первый вариант:

— Мне известно, что существуют невидимые чернила. Масляные лампы нам помогли бы их увидеть, но, как я вижу, ни у кого нет огонька, — слова прозвучали тихим шелестом.

Многие стали рассматривать лампы, стоявшие у них на столах.

— Я уже все рассмотрела, на ней есть только регулятор пламени, — заметила первая.

На что девятая ей возразила:

— Лампы могут отличаться, и в какой-то одной может оказаться магический огонь.

Я сомневалась, что нам дали разные лампы, но пренебрегать не стоило никакой идеей, и я взялась за дело. На моей лампе тоже был только регулятор пламени, как выяснилось позднее, как и на всех лампах.

Я постоянно посматривала в сторону Стража и никак не могла понять, что меня в нем смущает. Шрамы, покрывавшие каждый квадратный сантиметр видимой кожи, вне всякого сомнения, выглядели ужасно, но вписывались в общую картину. В очередной раз уставившись на верзилу, я, наконец, поняла, что меня смущало. Сердце забилось чаще от осенившей меня догадки.

Прежде, чем встать я перебрала в уме правила, не одно не запрещало передвигаться и обшаривать Стража. Сделав такой вывод, я встала и подошла к нему. Сначала я просто встала напротив и ожидала реакцию, когда никакой реакции не последовало, я засунула руку ему в карман штанов. В правом кармане было пусто, кто-то выкинул похабную шуточку, по голосу я узнала пятую.

— А вот и огонек, — я подняла руку с зажатой в ней маленькой самовоспламеняющейся свечкой, которая нашлась в левом кармане Стража. Я протянула находку «первой». — В чем состоит проверка?

— Нужно подождать, пока лампа нагреется и провести пергамент перед стеклом. Если там есть невидимые чернила, они либо проявятся от тепла, либо будут видны на просвет, — она удостоила меня улыбкой.

Я решила немного прояснить ситуацию.

— Нам стоит проверить каждый пергамент. Вы помните, что сказал мсье Сван? «Вопрос один». Это также может обозначать, что он написан лишь на одном из пергаментов. И еще, я правильно понимаю, что существует риск испортить пергамент при контакте с нагретым стеклом?

Первая подумала, нахмутив светлые брови, отчего на ее молочном лбу появилась морщинка, и согласно кивнула.

— Я предлагаю, чтобы ты, как предложившая идею, проверила все пергаменты. Но твой пергамент проверю я. В случае если один из них испортится, никто не будет исключен, потому что в правилах звучало «если испортите свой пергамент...».

Пятой не терпелось начать, и она поспешила прояснить ситуацию:

— Все согласны с тем, что предложила шестая?

Кто-то закивал. Кто-то сказал «да». А я не стала исправлять ее, и называться «седьмой». Все предоставили свои пергаменты, а я, в свою очередь отложила в сторону тот, что принадлежал первой, чтобы избежать путаницы. Но приниматься за дело не пришлось, невидимые чернила обнаружили на моем пергаменте.

— Вопрос один, что это значит? — спросила пятая, а первая кинула на меня непонятный взгляд своих огромных голубых глаз, но промолчала. Она, в отличие от остальных, обратила внимание на цифру семь.

— Так сказал мсье Сван, — ответила я, и в голове зазвучал его голос. «Есть лишь один вопрос, от вас требуется всего один ответ». Все молчали, напряженно думая. Я стала расхаживать перед зеркалом.

Девушки расселись по своим местам, а я продолжала мерить шагами комнату, слушая мерное шуршание песочных часов. Ответ пришел неожиданно и был таким элементарным, что я сначала не поверила своим мыслям. С осознанием пришел истерический смех, ведь, если я была права, то могла дать всем возможность пройти это испытание. Раздался обворожительный низкий голос среброволосой:

— Чего ты гогочешь, как ненормальная?

Пришлось отдышаться и заставить себя успокоиться.

— Я знаю вопрос.

Третья вскочила с места и, выхватив из ножен Стража кинжал, подставила его к моему горлу. Она прошипела мне на ухо:

— Ты скажешь его мне, — в нос ударил резкий запах ее дыхания.

Я хотела испугаться, но вместо этого снова истерически засмеялась. Сквозь смех я едва смогла вымолвить:

— Если ты убьешь меня, то избавишь от огромного множества проблем. Но при этом, — меня снова разобрал смех, — ты не узнаешь вопрос.

На нас смотрели несколько пар глаз. В некоторых из них было изумление (среди них была пятая), в каких — то — удовлетворение, в каких-то — страх (среди них была первая). Разум возобладал и, заставив себя прекратить смеяться, я произнесла:

— Мы не соперники. Я собиралась сказать вопрос всем.

Кинжал, прижимавший мое горло, ослабел, а позже и опустился.

Я прочистила горло, и, выдержав томительную паузу, заговорила:

— Вспомните, что говорил Смотритель. «Вопрос один», — я взяла еще одну паузу, давая им осознать. Судя по их виду, они все еще не понимали, о чем я говорю. — Он задал лишь один вопрос, — огоньки осознания начали зажигаться в их глазах. — Вопросы есть?

Воцарилось ошеломленное молчание, но пока никто не совершил опрометчивых действий, я решила уточнить.

— Однако, нам все еще остается неизвестным, портит пергамент любое слово, написанное на нем или только неправильный ответ.

Все задумались, но девушка с пшеничными волосами сказала то, что я и ожидала услышать.

— Мы все можем обменяться пергаментами, и написать ответ.

Песок в часах высыпался едва ли на половину, когда мы все расселись с чужими пергаментами перед собой. Скрипнули перья, мы замерли, ожидая, что же произойдет. Когда тишина стала такой напряженной, что, кажется, готова была взорваться, дверь открылась, и вошел Салдор Сван.

— Испытание окончено.

— Ты хорошо справилась, — голос шептал ей на ухо, отдавался в голове и будто бы всюду сразу.

Она справилась. Эта мысль приносила невиданное прежде удовлетворение. Никогда за всю ее жизнь она не была так довольна собой. Закаты и рассветы, вкуснейшие плоды, занятия пением или любовью — ничто не радовало ее так, лишь служение в угоду Истинному богу. Он ласково взял ее за руку, его худые кисти с длинными пальцами скрывали черные, в тон плащу перчатки.

— Теперь мы должны уходить.

«Должны уходить». Эта мысль привела ее в замешательство. Столько усилий было потрачено на то, чтобы привести Кодарда к триумфу и власти. Теперь ее возлюбленный возвысился, она должна быть рядом с ним, чтобы направлять и помочь подняться еще выше, превзойти ложных богов в своем могуществе.

Аризна медлила, бессмысленно уставившись на чужую ладонь.

— Я вижу грех в сердце твоём.

Эти слова отдавались набатом в голове. Она ведь так преданно служила и так точно исполняла указания дерилидоса, как же могла она согрешить? Только единственным путем.

— Все что я делала, все грехи мои были во славу твою, — горячо зашептала она, упав на колени.

— Ты грешна, дитя. Но я милостив и хочу избавить тебя от кары грядущей.

Она с надеждой подняла на него свои кроваво-красные глаза.

— Твоя помощь неоценима, дитя. Следуй за мной, чтобы продолжить торжество истинной веры.

Между высокими деревьями пробивался свет, принимавший зеленый оттенок из-за листьев, сквозь которые он проходил. Но в складках глубокого капюшона дерилидоса угадывалась лишь тень, будто поглощавшая свет, нахально пытавшийся раскрыть личность Истинного бога. Что значат чувства одного человека в божественной игре? Достаточно и того, что благосклонность Истинного бога не знала границ, и в отличии от лжебогов он щедро одаривал ее за исполнение Его воли.

Первым даром, что она приняла, была способность очаровать мужчин. Очарованные, они охотно слушали все, что она скажет, а позже думали, что сами дошли до тех идей, что ими овладели. Ей пришлось много потрудиться, чтобы исполнить указания дерилидоса. Но она справилась и нашла подход к множеству мужчин, которые в дальнейшем стали основными сторонниками Кодарда и своим примером убедили остальных.

Она поднялась и крепко стиснула чужую ладонь, в мгновение ока переместившись в другой мир. Она оказалась на вершине гигантской башни и смогла разглядеть простор, стелящийся у ее ног. Небо было затянуто мглой, за которой угадывались красные всполохи. Везде, куда простирался взгляд, вздымались волны черного камня. Аризна предположила, что некогда вокруг плескалось море, а монолит черного камня, указующий в небеса, словно одинокий перст, некогда был маяком. Но произошло что-то ужасное, и смерть, черной тучей окутала все вокруг, заставив даже волны стать камнем.

Даже воздух здесь был мертвым, лишенным ароматов цветов и соленого запаха

прибрежных вод. Это знание поселило в ее душе беспокойство. Однако жрица знала, что знания Истинного бога простираются куда шире, чем ее собственные. И, если они прибыли сюда, то именно это по какой-то причине необходимо, а задавать вопросы лишь пустая трата времени, которая никогда не поможет ей постигнуть всю суть Его замыслов.

Человек в плаще, никогда не снимавший капюшона, безмолвно стоял позади, и, казалось, читал ее мысли.

— Необходимо еще кое-что, дитя.

Аризна обернулась, в ее сердце с новой силой загорелась готовность исполнить все, что было необходимо. Человек в черном плаще, полы которого трепетали на ветру и хлопали его по ногам, обутое в черные сапоги, говорил, по своему обыкновению звуча везде.

— Ты отправишься в людские земли, чтобы нести свет Истины им.

Жрица преклонила колени.

— Все что угодно, мой господин.

— Встань, дитя, чтобы принять новый дар, — голос как всегда легким шепотом касался уха, звучал в голове и одновременно раскатывался вокруг, эхом отскакивая от черного камня. Но на этот раз Аризна хотела слышать в нем нежность и услышала ее.

Она встала, склонив голову.

— Ты больше не будешь отмечена принадлежностью к проводникам. Я освобождаю тебя, — с этими словами он коснулся ее щеки.

Сперва жрица не чувствовала ничего, только прикосновение мягкой ткани к коже, которую через мгновение будто стали сдирать сотни невидимых ножей. По щекам покатались слезы, наружу рвался крик, но она лишь крепче сжала зубы, принимая свою новую суть. Когда резкая боль утихла и сменилась своей слабой пульсирующей сестрой, она осмелилась открыть глаза и увидеть внешние перемены.

От изумрудной глубины ее кожи не осталось и следа, теперь ноги, руки, каждый пальчик, все, что она могла охватить взглядом, стало молочно-белым.

— Ступай, дитя.

В глаза ударил слепящий свет. Силы оставили Аризну, и она упала на теплую влажную землю.

После теста нас распустили по своим комнатам, не объявив результатов. Я успела расправиться с обедом и с ужином, прежде чем ко мне вновь пришла Ирма и проводила в гостиную. Мы расселись, вошел Салдор Сван и объявил, что нас ожидают одиночные собеседования. Комната вновь преобразилась, и я оказалась в небольшом помещении, похожем на то, в котором я впервые беседовала с Хокеном Ривзом. Однако на этот раз напротив сидел мсье Сван. Он сложил на столе сухие руки, кожа на которых была такой сухой, что походила на пергамент.

— По какой причине Вы, мисс, не исполнили приказ выстрелить в стоявшую напротив девушку? — черные жучки изучали мое лицо.

Успешное прохождение теста затмило это воспоминание, и я уже отбросила сомнения в том, что прошла отбор. Но «невыполнение приказа» заметно стусеивало мое настроение, и я решила сказать правду.

— Я видела сияющую линию и предположила, что она защитит от стрелы. Однако я не могла быть в этом уверена, а выкупать свою свободу ценой чужой жизни я не была готова.

Салдор Сван посидел еще немного в молчании, после чего попросил вытянуть руку. Он провел ладонью над моим запястьем, вызвав легкое покалывание. Когда он убрал руку, я смогла разглядеть метку, изображавшую три тонких горизонтальных линии.

Оторвав взгляд от своего запястья, я увидела, что вновь оказалась в гостиной, как и три другие девушки. Голубоглазая первая, среброволосая пятая и нервная четвертая, в чью комнату я свалилась, прошли отбор. По всему выходило, что «третья», та что на испытании угрожала мне кинжалом, больше не с нами. Прислушиваясь к себе, я не обнаружила радости от произошедшей «справедливости». Все те, кто выбрал путь валькирии, казались мне невероятно ценными и то, что кого-то еще из них лишили возможности отправиться в путешествие, меня угнетало.

Наш «Смотритель и Наставник» ушел, но вошла кастелянша и сказала, что нам разрешили прогуляться напоследок по городу.

— Если вы попытаете сбежать, — она зыркнула на меня, — не важно, получится это или нет, вас в скорейшем времени отвезут жениху и лишат полученных результатов.

Нас отправили собираться в свои комнаты. Я обнаружила в шкафу два чистых серых платья и выстиранный дорожный костюм, который даже в отсутствие украшений выглядел хорошо, куда как лучше, чем выделенные нам наряды. Когда я была готова, Ирма вновь проводила меня в гостиную. Я ожидала увидеть кастеляншу или мсье Свана, но никак не четверо мужчин, одним из которых был Хокен Ривз, одетый в волчий камзол. Судя по тому, что другие девушки отсутствовали, я была первой прибывшей (или первой собравшейся, смотря что брать за основной критерий). Пока я замедленно соображала, жених сделал шаг в мою сторону:

— Мое почтение, дорогая Арьянэт, — Хокен Ривз взял мою ладонь и запечатлел на ней поцелуй.

Элегантный костюм моего жениха вкупе с учтивостью вызывал удивление, с такими переменами было трудно сказать, что он выкинет в следующий раз. Участницы номер один и номер пять все не появлялись. Поэтому остальные женихи все внимание решили уделить

внимание нам и пялились во все глаза, заслышав такое обращение. Один из них — невысокий мсье средних лет с проседью в волосах, забыл опираться на костяную трость. Оно было и неудивительно, ведь так было принято обращаться лишь к горячо любимым людям, а ситуация, прямо скажем, не располагала, но я не растерялась:

— Мое почтение, дорогой Хокен, — слова давались с трудом, даже язык как будто бы отказывался повиноваться. Я присела в реверансе. Он успел лишь шепнуть мне на ухо что-то вроде: «Мы пойдем другим путем», и крепко сжал мое запястье. Все вокруг завертелось, и мы оказались на ярморочной площади.

Никто не обратил внимания на наше появление, торговцы продолжали перекрикивать друг друга, нахваливая свой товар, покупатели продолжали, торгуясь, перекрикивать продавцов, а детишки продолжали бегать, кричать и мешаться под ногами. А жених продолжал держать меня, когда я попробовала высвободить руку, он снова приблизился и шепнул на ухо:

— Вы же не хотите потеряться? Это может быть воспринято как очередная попытка побега, — мне захотелось почесать место, где стояла отслеживающая метка.

Его блестящие черные волосы, по обыкновению собранные в хвост, распространяли вокруг аромат ледяной вишни. Главный гончий продолжил вести меня через толпу, пока я глазела по сторонам. В поле моего зрения попал лоток с деревянными бусами, лоток с пирожками и лоток с лимонадом. Я видела увешенные копчеными окороками и уставленные сладостями прилавки.

Наконец мы остановились рядом с дверями неприметного заведения. Выцветшая вывеска изображала две кружки: с пивом и с молоком. Мой сопровождающий попросил меня надеть капюшон. Войдя внутрь, мы оказались в заполненном табачном дымом помещении. В клубах угадывался небольшой зал с незатейливыми столами и стульями. Пол был грязным, стены закопченными. Мне пришлось приложить усилия, чтобы не закашляться, отчего-то я была уверена, что привлечь внимание в таком месте оказалось бы плохой затеей.

Хокен Ривз приветливо поздоровался с мужчиной, стоявшим за стойкой, и потащил меня дальше. Я, осторожно оглядывая помещение из-под глубокого капюшона, увидела, что сидевший рядом со стойкой неприятный тип проводил нас заинтересованным взглядом, от которого стало зябко. То, что наш путь пролегал в подвал, заставило меня занервничать.

Деревянная лестница со скрипучими ветхими ступенями заканчивалась маленьким закутком, все освещение в котором исходило от масляной лампы, которую следовало называть коптильной. Там же обнаружился одетый в доспехи громила с парой кинжалов, охранявший дверь. Судя по въедавшемуся в ноздри запаху застарелого пота в металлической броне было довольно жарко.

Главный гончий всего лишь поздоровался, но этого хватило, чтобы стражник посторонился и дал нам пройти. Чтобы это сделать, в открывшийся проем пришлось протискиваться боком. Я практически не сомневалась в том, что мы пришли в одно из зланных мест столицы, в которое я бы никогда не решилась наведаться даже из любопытства. Но в компании мсье Ривза было совсем не страшно.

Когда внутри загорелся свет, я утвердилась в своем мнении: в узком и длинном помещении на постаментах вдоль стен стояли статуи обнаженных девушек. Каждая из них замерла в той или иной соблазнительной позе. Щекам стало тепло.

— Я не хотел тебя смутить. Просто подумал, что получить какой-то необычный опыт

перед путешествием тебе будет полезно.

Мы прошли в дальний конец помещения, где выстроились стулья и мягкие диванчики. Они были грязными и протертыми, а местами прогрызены молью. Я присела на стул, посчитав, что диваны, выглядящие столь непрезентабельно, наверняка кишат насекомыми. Мой спутник в тоже время подошел к одной из статуй. Постамент оказался шкафчиком, внутри которого стояли чистые стаканы. Хокен ловко выудил два из них и, засунув монетку, непонятно как оказавшуюся у него в руках, в узкое отверстие между грудей девушки наполнил два стакана молоком, полившимся из ее правого соска.

Тожe выбрав стул, он уселся рядом и протянул мне один и стаканов.

— Это обычное молоко? — решила спросить я, логично рассудив, что не было нужды забираться в этот подвал, чтобы попить обычного молока. Мы его могли и на ярмарке купить.

Мой спутник, не медля, признался:

— Ты и сама понимаешь, что нет, — на этих словах улыбка приклеилась к его бесстрастному лицу. — Начинать понемногу пить, а я тебе про него расскажу, — сказал он и сам сделал первый глоток.

Я поболтала белую жидкость, глядя как она оставляет белесые следы на прозрачных стеклянных стенках. На вкус напиток был почти как молоко, только сладкое и с едва чувствовавшимся горьким травяным привкусом.

— Помнишь мужчину за стойкой? Опиши, каким ты его увидела?

— Староват и толстоват. У него непричесанные жиденькие седые волосы. Одет был во что-то темное, из-за дыма и плохого освещения мне не удалось разглядеть больше, — то, что я опасалась его разглядывать, я решила не озвучивать.

— На самом деле он талантливый молодой алхимик. Ему очень хорошо удаются некоторые зелья, которые в нашем государстве практически невозможно достать. Однако, не подумай, их редкость происходит вовсе не из того, что они запрещены. Причинами этого являются редкость ингредиентов и то, что рецепты были изобретены за морем. А тамошние алхимики, которые именуют себя Хранителями, все сплошь зловредные и не желают делиться знаниями.

Он пригубил молоко, и я решила воспользоваться паузой.

— Какой эффект имеют эти зелья?

— Дают возможность увидеть мир в истинном свете, — сказал он серьезно, но потом рассмеялся, вновь дав жизнь нескольким зеленым птичкам. — Это, конечно, слишком громкое утверждение. Ближе к правде будет назвать их действие «срывающим покровы», — на этом моменте он бросил взгляд на мой стакан, в котором напитка осталось меньше половины.

Я подивилась тому, как быстро и незаметно его опустошила, и вновь подняла глаза на своего собеседника, ожидая продолжения. Но вместо этого я столкнулась с синим огнем. В первый миг эффект был таким же, как и в прошлый раз: замороженность. Но спустя несколько мгновений на меня смотрели обычные человеческие глаза глубокого фиолетового цвета. Посмотрев по сторонам, можно было разглядеть плотную голубую сеть, окутавшую все мое тело. Я вновь подняла глаза, но Хокен улыбнулся и отвел взгляд. Улыбка его выглядела тепло и по-человечески, но угадывалось за ней что-то плотоядное. Я решила, что он просто привык всегда прятаться за маской и плохо управляет со своим лицом.

— Хочешь, я поделюсь своим любопытным наблюдением? — спросил Хокен, снова

глядя мимо, хоть глаза его для меня и оставались фиолетовыми.

Я была заинтригована и опьянена происходящим: сделанным открытием, необычностью обстановки и неожиданной приятностью общества моего жениха, и нетерпеливо кивнула.

— Посмотри на свои руки, — я ожидала, что он назовет меня по имени, ничуть не удивившись возможности отбросить условности, но он этого не сделал. Я повиновалась, но увидев свои кисти, едва не вскрикнула. За много лет шитья я привыкла к их виду настолько, что отсутствие шестого пальца оказалось невероятным потрясением. По сравнению с этим, то, что цвет кожи сменился на индиговый, казалось сущим пустяком.

— И уши у тебя абсолютно обычной формы, — он разглядывал меня без удивления, но с любопытством, будто чего-то подобного и ожидал.

— Но как? Почему я не вижу привычных шести пальцев? Почему я синяя?!

Хокен выглядел абсолютно спокойным, но угадывалось за этим спокойствием что-то, для чего я не могла найти слов. Проморгавшись, я убедилась в том, что мне просто померещилось.

— Знаешь, мне и самому хотелось бы знать. Могу лишь только предположить, что кто-то наложил на тебя в детстве очень сильный морок. Ты бы очень сильно выделялась, расхаживая в таком виде по улицам.

Мы проговорили до вечера, после чего он вернул меня обратно, сказав напоследок:

— Доброго вечера! — с этими словами он поцеловал мне ладонь и исчез.

Глава шестая

Я пропустила ужин и долго лежала, смежив веки, пока меня не сморил сон. Мне приснился Элион, он бежал куда-то, увлекая меня за собой. Вокруг все смазывалось и обстановку нельзя было разобрать. Ноги подкашивались, но я упорно переставляла их, пока сил не закончились. Мой спутник не обращал на меня никакого внимания и продолжал тащить вперед. По щекам потекли слезы, и я выкрикнула его имя, надеясь на передышку и объяснения. Когда он обернулся, его фиолетовые глаза стали гореть синим огнем. Я резко села на кровати, не понимая, где нахожусь, пока сквозь темноту ночи не проступили облики шкафа и кресла.

«Это только сон». Я попыталась понять, что же меня так напугало, но не смогла. Успокоив себя тем, что увиденное навеяно событиями последних дней, я полежала еще немного, слепо уставившись в темноту. Вскоре темный и зыбкий сон без сновидений милосердно принял меня в свои объятия.

Разбудили меня первые лучи весеннего солнца, шаловливо бегавшие по моему лицу и нагло пользуясь тем, что накануне вечером я забыла задернуть шторы. По ощущениям я проспала целую вечность, но я чувствовала себя помятой и не выпавшейся. Поднос, в скором времени постучавшийся в дверь, немного поднял мне настроение. Овсяная каша с ягодами, пара поджаренных хлебцев с маслом и стакан молока. На подносе даже нашлось месту маленькому букетику из полевых цветов, распространявших тонкий ласкавший ноздри аромат. Молоко я, однако, попробовать так и не решилась, вспомнив то, что пережила накануне. Возможность того, что здесь каким-то образом оказалось зелье из закромов молодого алхимика, была ничтожно малой. Но, как бы то ни было, я не чувствовала в себе готовности столкнуться с такой непривычной, но по всей видимости реальной своей внешностью.

Вновь пришла Ирма, и, я, надев одно из двух оставшихся платьев, вновь последовала за ней в гостиную. Сначала я мысленно возмутилась тому, что нас принимают за маленьких детей, которые не в состоянии дойти самостоятельно, но, вспомнив свои блуждания по круглому без лестницы коридору на своем этаже, перестала быть столь критичной. В гостиной обнаружили только знакомые лица «первой» и «пятой». Но вот уже вошел и Салдор Сван, который приходил только тогда, когда мы уже были в сборе. На ум просился простой вывод: четвертая не прошла последнюю проверку встречей с женихом и покинула нас, отказавшись от этой опасной затеи. Что ж, за это я ее винить не могла. Наш наставник заговорил, грубым резким голосом, который разрезал тишину, словно горячий нож масло:

— Как Вы могли заметить, из малого числа претенденток осталось лишь половина. К концу обучения, и даже раньше, может не остаться никого, — он сделал драматическую паузу, поочередно въедаясь в каждую глазами. Как я заметила, никто не отвел взгляд. — Но, в отличие от тех девушек, что покинули нас на этом этапе, вы, вероятнее всего, погибнете. Поэтому я даю вам последний шанс отказаться от выбранного пути, — ему, видимо, не нравилась наша непоколебимая уверенность. Его стал раздраженным, полосую воздух, как кинжал.

Мы сохраняли молчание, мсье Сван повысил голос:

— Отвечайте, вы хотите начать обучение? — его тон приобрел раздраженные нотки.

— Да, — ответили мы почти одновременно.

— Хорошо, — это слово, произнесенное его голосом, утратило свой смысл. — Сейчас я расскажу вам о том, как оно будет проходить. Слушайте внимательно, повторять я не буду, — после этих слов он начал расхаживать и скупно жестикулировать. — Вы будете отправлены в путешествие по мирам, в каждом из которых сможете приобрести уникальные знания, навыки и опыт. Путешествие закончится тогда, когда придет время. Когда придет время заранее сказать нельзя. Это значит, что обучение может продлиться всего два дня или растянуться на десятилетия, — очередная попытка заставить нас сдаться выглядела совсем неубедительно.

По знаку мсье Свана в гостиную вошла служанка с тремя простыми железными браслетами, в каждый из которых был инкрустирован драгоценный камень. Мне достался тот, что был с сапфиром, первой — с изумрудом, пятой — с рубином. Я повертела украшение в руках, оно казалось слишком большим для моей руки, и я стала опасаться, что браслет станет болтаться и потеряется ненароком. Но стоило мне его надеть, как он уменьшился, надежно обхватив запястье.

— Камень в браслете активирует возвращение сюда, в эту резиденцию. Но вы должны понимать, как это произойдет. Нажатие откроет проход между мирами, который затягивает в себя, — когда наш Наставник вновь поочередно пробуравил нас взглядом, мне стало казаться, что черные жучки, на которые были похожи его глаза, сейчас слетят и вцепятся мне в лицо. — Это притяжение не является точечным, оно распространяется на небольшую область. Вы должны понимать, что в случае, существования опасности переноса в наш мир посторонних существ, ход останется закрытым. Вы должны понимать, что этот артефакт, скорее всего, не спасет вас от опасности.

Дав нам время обдумать сказанное, он продолжил и рассказал нам о том, каким образом мы будем перемещаться между мирами. Если не вдаваться в детали и подробности, выдавая каждую из которых Салдор Сван неумолимо буравил нас своим недружелюбным холодным взглядом, суть оказалась довольно короткой. Все сводилось к тому, что портал, которым мы выйдем из резиденции, приведет нас в закрытую систему, сотканную из обломков иных миров. Такой механизм был необходим по той простой причине, что количество других миров бесконечно, в отличие от наших жизней.

— Вам выдадут карты, которые будут меняться каждый раз, оставаясь достоверными.

На этих же картах, как нам сразу же и продемонстрировали, красной точкой был обозначен переход.

— Если вы посчитаете, что достаточно узнали или что мир, в котором вы оказались слишком опасен, сразу уходите, — тон его голоса был таким, что начини мы сразу следовать его указаниям, должны были срочно ретироваться.

Также выяснилось, что карта показывает не весь мир, а лишь его часть, что было логично. Даже обломок мира мог охватывать огромные территории. Карта же, отражающая весь такой кусок окажется слишком неточной, чтобы по ней можно было ориентироваться на местности.

Кроме всего прочего, мсье Сван отметил, что единых правил при путешествии не существует из-за слишком сильно различающихся порой обстоятельств пребывания. Однако он посоветовал по возможности запасаться едой, как можно убедительнее смешиваться с толпой и никому не доверять.

— А теперь отвечайте, есть ли у вас вопросы? — выглядел он при этом так, что

казалось, появишься у нас вопросы, и он приложит все усилия, чтобы в путешествии нас скоро настигла мучительная смерть.

— Может ли случиться что-то, что выкинет нас в открытую бесконечность миров? — первая была весьма и весьма смышенной, мне и в голову не пришло спросить об этом.

Черные глаза Салдора Свана вперились в девушку, от чего та съежилась и, казалось, пожалела о своем вопросе.

— В теории это может случиться, мисс. Однако на практике такого никогда не происходило, — он поджал губы. — Вам встретится много других опасностей, о которых стоит переживать.

Пятая заинтересованно подалась вперед, откинув со лба серебристую прядку:

— Какого рода напасти нас ждут?

Наставник перевел взгляд на нее, однако в этот раз желаемой реакции не получил. Темнокожая девушка лишь гордо вздернула подбородок, сжала черные губы и уставилась на него в ответ.

— Мне неизвестно заранее, в какие из миров вы попадете. Но могу вас уверить, многое из того, что вы способны вообразить на вашем пути повстречается. Людоеды, свирепые великаны, демоны, желающие заполучить ваши души, — от этих слов мне стало немного не по себе.

Я не удержалась от вопроса:

— Значит ли это, что опасности главным образом будут появляться из нашего воображения?

Если бы взгляд мог убивать, я бы уже лежала с перерезанным горлом.

— Мне неизвестно до конца, как устроен механизм перемещения.

Его поджатые бледные губы затряслись от того, как сильно он их сжал. Я прикидывала в уме, что его могло так разозлить: наша словоохотливость или правильно заданные вопросы?

Закончив буравить нас недовольным взглядом, мсье Сван ушел, чеканя шаг. Сразу после его ухода в гостиную вошла та самая пухлая служанка, которая прежде раздавала нам оружие и браслеты.

— Прошу вас следовать за мной, — ее голос оказался неожиданно высоким и писклявым, угрожавшим сорваться в визг.

Не задавая вопросов, чтобы вновь его не услышать, мы молча встали и двинулись за ней. Девушка в черно-желтом одеянии, которое было скроено так, что подчеркивало каждую из пяти складок на ее животе, повела нас вниз по лестнице, хоть мы и без того уже находились под землей. Я не была до конца уверена, было ли гнетущее ощущение, сжавшее мое сердце, следствием этого знания. Во всяком случае, я пыталась убедить себя в том, что это произошло не от того, что с каждым ступенькой над моей головой нависало все больше безразличного камня и земли.

Подъем в собственные покои мне казался куда более коротким, чем этот спуск, но, наконец, преодолев два этажа, мы зашли в огромный уютный зал, поделенный пополам. Везде, куда простирался взгляд, виднелся лишь голый серый камень с черными пятнами копти там, где стояли факелы. Однако, огонь не мог разогнать царившую кругом тьму, из-за чего ему в помощники отрядили два магических светильника. Несмотря на их совместные усилия, внутри все было таким тусклым, будто мир вмиг растерял все свои краски.

У порога возник смуглый худой мужчина с черными, как смоль волосами, собранными в тугую пучок на затылке. Его медового цвета глаза бесстрастно пробежались по нашим

лицам. Я так и не поняла, вышел он из тени или появился из ниоткуда.

— Я мастер над оружием, остальное вам знать ни к чему, — его голос был таким тихим, что приходилось прислушиваться, чтобы понять, что он говорит. — Перед вами стоит задача выбрать себе оружие, — он тщательно проговаривал каждое слово, из-за чего его речь казалась замедленной. — Однако не забывайте о том, что ваши возможности ограничены объемом рюкзака и тем, что вы можете унести на себе. Можете приступать, — он изобразил приглашающий жест и ушел с дороги.

Служанка, которую я мысленно стала называть Пчелкой, выдала нам пыльные рюкзаки, которые прежде лежали сваленные в углу. Внутри каждого обнаружилась карта, такая же, какую нам показывал Наставник. Пока я чихала, пытаюсь засунуть свернутый пергамент обратно, «участница № 5» уже решительно подошла к кинжалам и стала перебирать их, уверенной темной рукой откладывая приглянувшиеся в сторону. Мы с голубоглазой первой переглянулись и последовали ее примеру.

Вдоль неприветливых серых стен были расставлены стойки с оружием, чтобы подробно рассмотреть которое, нужно было идти очень медленно. В глазах рябило от многообразия кинжалов и ножей. Каких там только не было! Все они чем-то отличались: формой клинка и рукояти, материалом, из которого были изготовлены их части, и украшениями. Уделив достаточно времени их изучению и даже случайно порезавшись, я продолжила изучение арсенала.

Мечи, которые я увидела, не уступали, а может даже превосходили кинжалы в бесчисленности форм. Мое внимание привлек посеребренный меч, длиной доходивший мне до плеча, в рукоятку которого был вделан сапфир, размером превосходивший тот, что был вставлен в браслет.

— Нравится? — в манере, с которой говорил мастер над оружием, эти слова прозвучали скорее как утверждение.

— Да, но мне его, наверное, даже не поднять.

Мужчина усмехнулся, отчего в его потухших глазах зажглись проблески жизни. Легким движением, он снял меч со стойки и протянул мне.

— Попробуй.

Мне стало так неловко, что я успела пожалеть о своем ответе, но меч все же приняла. Несмотря на то, что в этом глубоком подземелье держалась ощутимая прохлада, рукоять была теплой и согревала.

— Возьмись двумя руками.

Я сделала, как он сказал, и вытянула меч перед собой, неожиданно обнаружив, что оружие легкое.

— Оно зачарованное? — восхищенно выдохнула я.

— Можно сказать и так, — этот ответ показался мне слишком уклончивым, но в тот момент практически все мое внимание было поглощено мечом.

Я сделала несколько рубящих движений, наслаждаясь свистом, с которым клинок рассекал воздух. Мне захотелось побегать по залу, размахивая мечом, но я осеклась, вспомнив о том, зачем сюда пришла. Эдакая громадина оказалась бы лишь помехой в путешествии по мирам, особенно, если учитывать то, что в пансионе не обучали фехтованию. Пришлось с грустью повесить оружие обратно и продолжить осмотр.

Трезубцы, пики, двуручные лабрис-топоры, палица и даже кистень не смогли затмить произведенного посеребренным мечом впечатления. Чтобы отвлечься, я взялась попросила

мастера снять кистень. Схватившись за грубую деревянную рукоятку, я смогла только со скрежетом протащить по полу шипастый шар, позвякивая на ходу соединявшей их цепью. Возвратив неудобное оружие на место, я заметила, как «участница № 1», взявшись за пику, сняла ее со стойки. Воображение подсказало комичную ситуацию, в которой девушка пытается протиснуться в проход между мирами с этим длинным древком и наконечником длиной с половину моей руки. Я практически наяву видела, как она тащит ее по винтовой лестнице, цепляя стены и ступени и отборно ругаясь своим звонким девичьим голосом. По тому, с каким выражением, первая прислонила пику обратно к стене, я решила, что она подумала о том же самом.

Дальше располагалась секция со стрелковым оружием. Луки из разных пород дерева, на некоторых из которых были для украшения вырезаны фигуры, не могли мне подойти хотя бы из-за своего размера. По той же причине пришлось отвергнуть арбалеты и вернуться в начало к стойкам с кинжалами и ножами.

Приглядевшись к представленным экземплярам внимательнее, я сняла и стала вертеть в руках один, с позолоченной рукояткой в виде змеи, державшей в зубах рубин. Однако с таким приметным оружием могло возникнуть множество проблем. Кто угодно мог напасть на меня, прельстившись драгоценной рукоятью. Поэтому я выбрала легкий нож с небольшим широковатым лезвием, заточенным с обеих сторон, и деревянной рукояткой, покрытой черной кожей. К нему нашлись легкие кожаные ножны, которые крепились к бедру и на проверку оказались удобными в носке. В довесок я выбрала россыпь метательных снежинок, которые не занимали много места, будучи сложенными в холщовый мешочек.

Определившись с оружием, я аккуратно уложила холщовый мешочек в рюкзак и перешла на другую половину. В шкафах без дверей на многочисленных полках стояло множество всяких вещей, многие из которых на вид казались совершенно бесполезными. Первым на глаза мне попался маленького размера фонарик, стенки которого были обклеены картинками. Эти картинки были примечательны тем, что неведомый мастер не стал пользоваться краской, а лишь тонко вырезал контуры, слегка обозначив образы. Вверху фонарика располагалась ручка, при вращении которой картинки начинали двигаться. Если внутри горел огонек, то можно было поднести фонарик к стене и увидеть короткую историю. В карманчике, вделанном в дно, нашлись дополнительные карточки, которыми можно было заменить нынешние.

Еще на одной из полок обнаружился кубик, который состоял из четырех одинаковых кубиков поменьше, каждая грань которого была выкрашена в определенный цвет. Если поменять их местами, можно было собрать с каждой стороны кубика свой цвет.

Немного покопавшись, я решила-таки обратиться за помощью к мастеру над изобретениями. Этот среднего роста мсье, молчаливо взирал на мои действия своими болотного цвета глазами, блестящими из-под темных кустистых бровей. Он в ответ на мою просьбу о помощи, шутя, предложил большой медный компас, который я могла держать только двумя руками. По весу он, казалось, превосходил двуручный меч. Внутри по кайме тремя рядами были изображены множество мелких картинок, обозначающих предметы и животных.

— Этот компас предсказывает возможное будущее, мисс. Это артефакт из другого мира, где живут говорящие медведи, носящие доспех и у каждого человека с рождения есть свой зверь, которых местные обитатели называют деймонами. Немногие могут читать по нему, в том мире этому знанию надо долго учиться.

Стрелки задвигались, стоило мне взять компас в руки. Черный человек, кость, пес, курица, череп. Когда я попыталась трактовать увиденное, у меня чуть не лопнула голова. Единственным предположением, которое у меня возникло, заключалось в том, что тень попытается накормить пса голой костью. После чего пес разозлится и отобедает курицей, серьезно обглодав ее череп.

Я ощущала, как прохладный металл нагрелся от тепла моих рук, но, сколько не вглядывалась, видела одно и то же. Разочарованно вернув вещицу мастеру, я попросила его показать мне что-нибудь более практичное, чем загадочный тяжелый компас, который одним своим присутствием в рюкзаке съел бы половину свободного места.

После посещения минус третьего этажа в жерло рюкзака отправились десяток самовоспламеняющихся свечей, вертелок, равномерно прожаривавший насаженную на него пищу, фляжка бесконечной воды и... фонарик с картинками, благо много места он не занимал. Я решила, что в другом мире эта вещь может оказаться ценной. Было бы неплохо при необходимости обменять его на что-то уникальное, что-то, что поможет мне выжить.

К поклаже также прибавился маленький кошелек, набитый поровну золотыми и медными монетами, и мешочек соли, любезно предоставленный Ирмой по моей просьбе. Я добавила к этому неразлучные со мной набор: иголку, моток ниток и ножницы, после чего в рюкзаке осталось совсем немного свободного места. Последним штрихом был плед, плотно свернутый рулетом, который я прикрепила под днищем.

Отправление было назначено на следующее утро, а до вечера еще оставалось время. Я с удовольствием растянулась на кровати и уставилась в бессменный потолок. К моей досаде, подобное времяпрепровождение стало входить в привычку. В комнате, однако, заняться было решительно нечем. Меня, признаться, посетила мысль создать буфы на шторах, но я не была уверена в том, что не получу нагоняй за самоуправство.

Раздался легкий стук в дверь, и, не давая себе времени обдумать есть ли у меня желание есть, я бодро встала и пошла открывать подносу дверь, чтобы занять себя хоть чем-то. За дверью вместе с подносом обнаружилась моя рыжеволосая служанка. Она вошла в комнату и, когда у меня освободились руки, протянула небольшую коробку, запакованную в красивую бумагу, на которой были нарисованы цветы.

— Что это, Ирма? — спросила я, с любопытством крутя коробку в руках.

— Это Вам прислал ваш жених, мсье Ривз.

— Спасибо.

Когда служанка вышла, закрыв за собой дверь, я начала свою любимую пытку ожиданием. Первым делом, я с нарочитым интересом изучила содержимое подноса. На этот раз, на обед были два блюда вместо привычного одного: миска яичного супа с лапшой, тушеная кроличья ножка с кусочками моркови и целый чайничек облепихового чая. Я, как могла, медленно смаковала каждый кусочек, но все же управилась с едой слишком быстро. Налив себе чая, который мне так нравился, я стала аккуратно разворачивать упаковку, стараясь ее не порвать. Когда и с этим было покончено, я помедлила в предвкушении еще немного и только потом открыла коробку. Сверху обнаружилась черная лакированная коробочка, внутри которой на подбитой бархатом подушечке лежали крошечные серебряные серьги и наплечный медный браслет.

Хоть у меня и не было серьезных оснований ждать подвоха от своего жениха, я все же перебрала в уме известные мне брачные традиции. Ни одна из них не предупреждала о том, что принятие подарка меня обяжет. Разве что кольцо из медных колец, которое было

символом то ли верности до смерти, то ли чего-то еще, я точно не помнила. Но его к моей радости в комплекте не было. Так как подарки были просто подарками, я принялась за примерку.

Сережки сияли, когда на них падал свет, и выглядели изумительно. Но браслет поразил меня куда как больше. Стоило мне его надеть, как он растаял, превратившись в черную татуировку, повторявшую узор украшавших его рун. Я ахнула, вспомнив, что видела этот браслет прежде. Великая княжна подарила его Хокену на балу в честь смотрин. Я была поражена тем, какую ценную вещь мой жених прислал мне в подарок.

Когда первое впечатление прошло, я вспомнила о том, что под коробкой лежало что-то еще, тоже обернутое. Тут я уже не церемонилась, и, разорвав бумагу, уставилась на то, что находилось внутри. А там оказалась новая книга знаменитой в столице мастерицы пера Азалии Долгоцветной «Смерть дракона Малцкозндзара от руки великого рыцаря Пересвета Лучезарного, свершившего сей подвиг во имя прекрасной принцессы Андеи, первой носительницы своего имени».

Я провела рукой по тисненым буквам на обложке и вспомнила о Мелисандре. Помнится, она в шутку сказала, что, если ей удастся сбежать, то она станет называться именем этой писательницы.

— А на расспросы буду отвечать, что, мол, маменька так любила книги мадам Азалии, что назвала дочку в ее честь, — я вспомнила, как, сказав это, она озорно улыбнулась, что делала постоянно.

Мысли завертелись вокруг подруги и ее участи, но размышления были бесплодными и лишь нагоняли грусть. Мягкая книжка в руках манила, обещая утешение, и я поддавалась на ее уговоры.

Чтобы отвлечься, я стала читать первую страницу и не заметила, как чтение захватило меня. А волнение, еще недавно грозившее запустить в мое сердце свои цепкие лапки и начать медленно пожирать изнутри, отступило. Насладившись историей, полной любви и приключений, я успела и уснула. С утра я чувствовала себя замечательно и встретила вошедшую Ирму с улыбкой.

— Доброе утро!

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Доброе, мисс! Вы так радостны, это приятно видеть.

— А что, пятая... другие девушки грустят?

— Мне это неизвестно. Я подумала лишь, что я бы чувствовала себя иначе на Вашем месте, но, — она развернула сверток, который держала в руках, — я принесла вам одежду.

Она развернула новенький дорожный костюм, который оказался точной копией, придуманной мной модели, это оттенило мое хорошее настроение минуткой оправданной гордости. От того, в котором я сюда прибыла, его отличало лишь то, что ткани были более плотными, а на перчатках были укороченные пальцы. С последними вышла неувязка, ведь, рассчитанные на обычную ладонь, они не имели отверстия для дополнительного шестого пальца. Я вспомнила то, что видела под воздействием «молока» и попробовала просунуть руку. Но шестой палец, каким бы иллюзорным он не был, влезать не хотел. Решение нашлось быстро: я взяла перчатки от своего костюма.

Перед выходом я окинула взглядом комнату и увидела прочитанную накануне книгу. Я, особенно не надеясь на успех, все-таки решила ее засунуть в рюкзак, а когда у меня получилось, чуть не запрыгала от радости. Меня переполняла энергия, и, хоть я и не знала

из-за чего точно это происходит, мне это нравилось.

Спускаться пришлось довольно долго и мне пришло в голову считать ступеньки. Когда их количество дошло до ста пятидесяти трех, я сбилась и бросила это бесполезное занятие. Мы спускались все ниже и ниже, пока не оказались так глубоко, что я почти физически ощущала весь вес камня, нависшего над нами. Здесь в большом и абсолютно пустом помещении, где отсутствовали магические источники света, и весь свет давали несколько чадающих факелов, моя провожатая и остановилась. В дальней от входа стене виднелась большая черная, обитая железом, двустворчатая дверь.

В этот раз мы прибыли первыми и, когда рыженькая служанка покинула меня, я осталась наедине с плотной тишиной, разбавляемой лишь потрескиванием факелов. Я чувствовала себя крохотной, думая о громаде, вздымавшейся надо мной, что не могло не угнетать. Это ощущение немного отступило, когда «пятая» вошла вместе со своей служанкой. «Первой» все не было, и мне от чего-то с грустью подумалось: «А я ведь даже не знаю их имен». Когда я уже начала думать, что она по каким-то причинам выбыла, вошла и она. Вскоре появился и мсье Сван.

— Путешествие начнется, когда вы по одной пройдете в ту дверь. Порядок определяется, согласно вашим порядковым номерам.

Он бодро прошел к черной двери, за ним следовал звук шагов, отражавшийся от каменных стен. Но вместо того, чтобы достать, как кастелянша, огромную связку ключей и начать ею бряцать, стараясь отыскать нужный, делая наше ожидание еще более напряженным и невыносимым, он коснулся двери рукой. Насколько можно было судить по звуку, его движение запустило какой-то механизм, однако больше ничего не происходило. И, только когда все звуки внутри двери затихли, наш наставник поманил рукой «первую».

— Проходите! Желаю Вам удачи!

Раскрыв одну створку, девушка постояла несколько мгновений в раздумье, после чего сделала неуверенный шаг вперед и исчезла в темноте проема. Дверь закрылась за ней, а мсье Сван подозвал «пятую».

— Проходите! Желаю Вам удачи!

Пятая фыркнула и, распахнув дверь, скрылась за ней прыжком. Настала моя очередь.

Я приблизилась: от двери веяло холодом.

— Проходите! Желаю Вам удачи!

Неизвестная глава

Жрица понемногу обживалась среди людей. Когда жрицу, лежавшую без чувств, отыскивали рыбаки, они стали допытываться какого она рода племени и как здесь очутилась. Очнувшись, Аризна первым делом увидела три склонившихся к ней смуглых и заросших бородой лица. Она с удивлением отметила, что три пары глаз, вперивших в нее свой взгляд, были слишком блеклыми: серыми, голубыми, светло-зелеными. Стоило ей начать рассматривать их, как один из них, тот, что был голубоглазым, отпрянул. Другие молчаливо трепетали, не смея двинуться.

«Ты отправишься в людские земли, чтобы нести свет Истины им».

Про людей Аризна слышала лишь по коротким обмолвкам дерилидоса, но все они были столь туманными, что давали лишь одно знание: по другую сторону Большого моря живут существа, глухие к гласу ложных богов.

Она глубоко вздохнула, принимая ответственность за новую миссию, возложенную на нее дерилидосом, и встала. Отчего зеленоглазый обрел дар речи.

— Кто ты и откуда ты взялась?

— Я жила в землях по другую сторону моря, когда налетел ураган. Волны сомкнулись над моей головой, не давая дышать, и я закрыла глаза, приготовившись к смерти. А открыла их здесь.

Существа, не знавшие еще света Истины, не только поверили этим рассказам, чего жрицы было бы итак достаточно, но и стали почитать ее как высшее существо, выброшенное морем, чтобы указать им путь.

Воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, Аризна велела выстроить для себя отдельный дом, который стал считаться священным местом. Когда она обустроилась, дерилидос вновь снизошел до встречи с ней.

— Мы стоим в начале длинного и извилистого пути, дитя. Я хочу поручить тебе нечто важное, это заложит основу для освещения темных разумов светом Истины.

— Все что угодно, мой господин.

— Ты зачнешь ребенка, дитя.

Сердце Аризны, практически без остатка преданное Истинному богу сжалось от страха. Ложные боги предостерегали проводников от продолжения рода. Они говорили, что в таком случае жизнь одного из родителей угаснет, полностью перейдя в ребенка. «Уста ложных богов источают сладкий яд. Он прикрывается благими намерениями, но имеет своей целью лишь отвращение людей от света Истины», — пред внутренним взором жрицы предстал Кодард, выступающий перед толпой с пламенными речами.

— Все что угодно, мой господин.

Жизнь, отданная в услужение высшим целям, была самой главной ценностью жрицы. По крайней мере, в этом она пыталась себя убедить

Раскрыв дверь, я сделала осторожный шаг вперед, опасаясь не нащупать опору. Но нога моя нащупала твердую почву, и я уже увереннее сделала второй шаг. Когда глаза привыкли к полумраку, я смогла разглядеть, что стою на возвышении в огромном помещении, потолок и стены которого находились очень далеко от меня. Разведав обстановку, я узнала, что стою на возвышении, пол под моими ногами искусно имитировал белую чешую, но был очень грязным. В связи со сделанными открытиями мне в голову пришла мысль, что я попала в мир великанов, в одно из их заброшенных зданий.

Проверить свое предположение мне так и не довелось. Не зная, чем еще заняться, я стала искать лестницу, которая нигде не обнаруживалась. Тем не менее, у меня получилось взаимодействовать окружающим миром, хоть и весьма неожиданным образом. Всего лишь надо было с досады крепко приложить тяжелой подошвой пол, отчего началось землетрясение.

Как я ни старалась удержаться на занятом мною возвышении, меня стряхивало все ближе к краю. Где-то в глубине под моими ногами стремительно нарастал рокот. Через несколько мгновений он достиг высшей точки и вылился в громогласный рев, от которого я потеряла слух. Вокруг воцарилась гнетущая абсолютная тишина, я в испуге коснулась пальцем уха и обнаружила кровь. Но происходившие события не дали мне времени обдумать произошедшее, ведь пол только что бывший относительно ровным стал вертикальной поверхностью. Падая, я успела заметить огромный вертикальный зрачок в глазу лишенном цвета, который открылся в белой чешуе. И я умерла, то ли от испуга, то ли от удара об землю.

Через мгновение я открыла глаза под палящим солнцем в пустыне: везде, куда простирался глаз, я видела лишь песок, отражавший яркий свет мне в глаза. От пережитого (или вернее сказать «от переумеретого»?) у меня подкашивались ноги, а все тело колотил озноб. Я накинула капюшон и попыталась сесть на горячий песок спиной к солнцу, но поняла, что в этом мире солнц несколько, и они освещали эту выжженную землю с трех сторон, а от песка мои ягодицы, казалось, начали поджариваться даже через плотную ткань штанов. Я сильно вспотела буквально за несколько мгновений. Но делать было нечего.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я отстегнула и расстелила плед, сложенный в несколько раз. Полученная толщина некоторое время позволяла терпеть жар. Вспомнив о рюкзаке, который к счастью, при перемещении остался при мне, я извлекла из него флягу и стала жадно пить, пока организм не запротестовал, заставив часть воды вылиться обратно. Рука лихорадочно потянулась к ножу, висящему на бедре, с целью укоротить одежду так сильно, как только возможно, но, неизвестно откуда взявшаяся в моем воспаленном мозгу разумная мысль, заставила меня остановиться. Следующий мир мог быть любым, например, обжигающе ледяным, поэтому целая одежда могла мне еще пригодиться.

Побив себя по щекам, я, насколько это было возможно при тех обстоятельствах, сосредоточилась и достала из рюкзака карту. Надежда на то, что клочок пергамента покажет мне, где заканчивается пустыня, затеплившаяся было у меня в душе, была раздавлена девственной чистотой карты. Я повертела ее так и сяк, подула и даже потерла, но чуда, как и

следовало, не случилось. Меня понемногу охватывала паника, усугубляемая невероятной жарой. Плотный капюшон не помогал, и голову все равно напекало. На открытых частях тела появились ожоги, которые мало того, что болели, еще и ужасно чесались. Время прекратило свое существование и одновременно простиралось далеко вокруг, я будто застряла в гигантских песочных часах. Мне хотелось лишь одного — поскорее умереть и упокоиться навсегда. Я легла животом на нагретый плед и надела рюкзак, чтобы прикрыть спину, после чего бессильно уронила голову и потеряла сознание.

Когда моей кожи коснулся холодок, я решила, что нахожусь в раю. Плед еще оставался горячим, поэтому я отпихнула его, оказавшись на голой земле. Время шло, холод становился сильнее, и обманывать себя дальше я уже не могла. Это место не было раем, мое путешествие продолжалось, а вокруг раскинулся очередной негостеприимный мирок.

Я заставила себя подняться. Это оказалось непросто, тело едва подчинялось моим приказам. Получилось только перевернуться на спину, бухнувшись на рюкзак. На обожжённую кожу падали хлопья снега, заставляя меня морщиться от неприятных ощущений. Меня окружал хвойный лес, вместо привычного красного бывшего зеленым. «Здесь наверняка водятся опасные дикие звери», — пробежала ленивая мысль. Лежать, постепенно накрываясь пушистым одеялом было приятно, только холодно, но с каждой минутой это имело все меньше и меньше значения.

Когда я сомкнула уставшие веки, в правой руке появился зуд. Будучи сначала незаметным, он нарастал. И если сперва я могла его игнорировать, все быстрее отдавая жизнь холоду, то уже скоро я не смогла сдержаться и непослушными пальцами попыталась почесать плечо через блузку. Несколько волдырей из множества покрывших ожоги, стали лопаться, разрывая едва образовавшуюся тонкую новую кожу. Пальцы стало колоть множеством острых иголок, но я продолжала чесать все сильнее зудевшее плечо.

Но вместе с болью пришли и воспоминания. В голове будто рассеялся туман, обнажив, кто я и как тут оказалась. Чья-то рука легла на мне на плечо, и я увидела, будто наяву стоявшего рядом со мной Хокена и то, как его глаза стали фиолетовыми. Воспаленная кожа с волдырями и струпьями стала слезать с меня, отваливаться клочьями, обнажая глубокую синеву. Такой привычный мне шестой палец отвалился и растворился, не успев коснуться снега. С мороком, так долго укрывавшим меня уходили усталость и боль. Холод беспокоил меня все меньше, к концу «превращения» исчезнув совсем.

Новая я деловито расправила плед и, усевшись удобнее, оборвала рукава у блузки и обрезала ножом штаны. Она сняла также жилетку и сложила ее в рюкзак. Потом она сняла ботинки и отставила в сторону, и, задышав, наконец, полной грудью, стала обдумывать свое положение, опустив ступни ног в снег, казавшийся ей теперь мягким и немного теплым. Все это время мой ум был будто поделен на две части. И, когда одна из них окончательно угасла, уступив другой, я почувствовала себя...иначе. Трудно описать, но я будто бы вышла на свободу после долгого заключения. «Почему я все еще жива?», — спрашивала я себя, не в состоянии найти ответ на вопрос. Тогда я решила зайти с другой стороны: «Что произошло после того, как я вошла в ту злополучную дверь?».

На это ответить было уже легче. Я дважды умерла и оба раза воскресла. При этом я никак не могла припомнить, чтобы мсье Сван рассказывал нам о таком способе перемещения между мирами или хотя бы упоминал вскользь. Вспомнив о наставнике, я достала карту, которая на этот раз не стала притворяться чистым листом. На ней был изображен лес, в котором я, по всей видимости, и находилась. Среди кривовато

нарисованных деревьев была обозначена хижина лесника, недалеко за границей леса расположилось море и гавань, в которой обозначенная красной точкой и находилась нужная мне дверь. Результат меня удовлетворил, но прежде чем идти через лес, раскинувшийся, судя по карте на огромном пространстве, нужно было определиться с направлением.

Все деревья казались одинаковыми. Я вспомнила об определении сторон света по солнцу, но тут же усомнилась в этой идее, вспомнив три солнца в предыдущем мире. Когда я уже почти смирилась с тем, что мне придется вновь умереть для перехода в другой мир, в голову постучалась неплохая мысль: залезть на одно из деревьев и посмотреть с какой стороны море. Находясь внизу, было трудно определить высоту деревьев, смыкавшихся у меня над головой, поэтому я выбрала обладателя самого толстого ствола, рассудив, что растет оно дольше всех, значит должно быть и самым высоким. Лезть было неудобно, но, в конце концов, я взобралась практически на самую верхушку и то, что предстало моему взгляду, было поразительным.

Далеко во все стороны простиралось зеленое море, но с одной из сторон оно обрывалось, открывая вид на узкую морскую кромку. Запомнив направление, я спустилась и начала движение. Лес вокруг меня казался одинаковым, деревья походили друг на друга и, боясь заблудиться, я еще дважды влезала на верхушки. Окончательно убедившись в том, что я продолжаю двигаться в правильном направлении, я слезла с дерева в третий раз. Пройдя еще немного, я, к своей радости, наткнулась на хижину лесника, что лишний раз подтвердило правильность выбранного пути.

Называть плотный деревянный сруб хижинкой язык больше не поворачивался. Над крышей вился дымок, а в единственном окне виднелся свет. Я решила, что тот, кто обитает в этом домике, сможет накормить меня и дать немного еды в дорогу, если, конечно, он окажется дружелюбно настроенным к чужакам. О противоположном исходе я старалась не думать, зная лишь то, что если меня убьют, я перемещусь в другой мир, а так или иначе это тоже было бы результатом.

Прежде чем стучать в дверь я решила заглянуть в окошко и посмотреть, сколько человек обитает внутри, и кто они. Позднее я благодарилась себя за подобную предусмотрительность, ведь то, что я увидела внутри, повергло меня в полнейший ужас. На большом столе боком ко мне была растянута нагая девушка со спутанными светлыми волосами. Помимо нее в помещении находились еще двое мужчин, один сидел в уголке и натачивал топор, а второй, вооружившись тонким ножом, стал медленно и осторожно надрезать кожу у нее на ноге.

Я очень хотела думать, что незнакомец просто лекарь и совершает эти действия из необходимости. Но стоило только увидеть его перекошенное безумием лицо, чтобы прекратить себя обманывать. Когда девушка раскрыла рот в немом крике, я узнала в ней первую и едва сдержала свой испуганный вскрик. Я понимала, что одна с двумя крепкими мужчинами не справлюсь и, скорее всего, займу место голубоглазой девушки, когда они закончат начатое. Сердце металось в груди испуганной птичкой, но я хотела ей помочь.

В голове зарождался план. Я почти ползком обошла домик кругом и нашла дверь, которая открывалась наружу. Как можно тише, сдерживаясь, что не перейти на бег я устремилась в чащу. Отойдя недалеко, но так, что хижина скрылась из виду, я выбрала большую ветку и прыгнула на нее, повиснув. Я с силой раскачивалась на ней, пока она не сломалась с глухим треском. Надеюсь, что в домике звук никто не услышал, я тихонько по своим следам вернулась обратно. Еще раз заглянув в окно, я убедилась, что мужчины продолжали заниматься своими делами и «участница № 1» еще цела. Лишь несколько

порезов прибавилось на ее светлой коже.

Я достала из рюкзака книжку и несколько самовоспламеняющихся свечек. У меня не было большого опыта в разведении огня, но я отчаянно желала, чтобы у меня получилось. Несколько вырванных из «Смерти дракона Малцкозндзара...» страниц перекочевали в промежутки между бревнами. Я взяла ветку, которую принесла из леса и аккуратно, стараясь не шуметь, подперла дверь. Придав огню засунутые страницы, я также втиснула туда и сами свечки, которые горели не переставая.

Труднее всего было ждать, притаившись под окном. Деревянный сруб был влажным после снегопада и занимался плохо. С каждым новым, слабо сочащимся кровью надрезом на теле первой, сердце мое колотилось все быстрее, и я уже начала думать, что его звук скоро станет слышно внутри. Когда появилась струйка дыма, я выдохнула и приступила ко второй части плана. Руки дрожали, пока я доставала из рюкзака мешочек со снежинками. Взяв его в руки, я надела рюкзак на спину, готовая в любой момент побежать. «Пора», — решила я и локтем выбила стекло.

Тот, что орудовал ножом, вскинул на меня блеклые глаза, полные животной злобы и побежал к двери, которая пока не поддавалась. Косматый низкий мужчина, точивший топор, обратил на меня внимание не сразу. Пока я нетвердой рукой сжимала снежинку с остро наточенными лезвиями, он медленно поднимался, будто не понимая, что происходит. Хотелось зажмуриться и проснуться в своей кровати в пансионе, но попасть с закрытыми глазами у меня вряд ли бы получилось. Глубокий вдох и выдох, я метнула в него оружие, метя между маленьких близко посаженных глазок, но промахнулась, попав в ухо. Отвисавшая массивная челюсть моего противника с силой захлопнулась, когда он вышел из оцепенения и с рыком кинулся на меня, размахивая топором. Я лихорадочно нащупала следующую снежинку и с силой кинула ее в него, чтобы просто замедлить. Это у меня получилось, он вдруг осел, и я увидела, что круглый металлический диск с зазубринами почти целиком вошел ему в грудь.

Мне казалось, что красная струйка бежала из его рта целую вечность, но заняло это не больше двух ударов сердца. Первая капля крови, разбившись, ударилась об пол, и время понеслось с бешеной скоростью. Я лишь заметила, что другой противник, все также пытался выбить дверь, не обращая ни на что вокруг. Прежде чем я успела подтянуться и влезть в окно, моих ноздрей коснулся запах дыма.

Забравшись внутрь, я выхватила из руки трупа топор и с громким криком обрушила его на голову мучителя. Лезвие раскрошило череп, но при ударе сила отдалась мне обратно в руки, из-за чего я не смогла удержать равновесие и упала. Сразу же вскочив, я огляделась, тяжело дыша: к моим ногам с двух сторон подступала кровь. От вида густой темной жидкости меня замутило, а когда я увидела открывшиеся мозги, не смогла удержаться, и меня вывернуло.

В воздухе повисла еще неплотная дымовая завеса, я, поборов желание упасть в обморок, кинулась к прикованной девушке. Она была без сознания. Я выдернула из ножен нож и стала пилить крепкие веревки, с каждой секундой становилось все труднее дышать. Запасной план, оборачивался ловушкой. Закончив, я побила «участницу № 1» по щекам, но она никак не приходила в себя, и я испугалась, что она умерла. Не давая себе времени отчаяться, я подтащила ее тело к окну и, выбравшись сама, вытащила ее.

Лихорадочно вдохнув свежий воздух, я поволокла ее израненное тело подальше от горящего строения. Когда домик скрылся за деревьями, я позволила себе остановиться.

Обнаженная девушка с изрезанной ногой и прекрасными пшеничными волосами, превратившимися в грязный колтун, не подавала никаких признаков жизни. Я оцепенела, не в состоянии пошевелиться и послушать ее сердцебиение. В моей душе поднимал голову страх его не обнаружить. Я побила себя по щекам и прильнула к ее груди ухом. Мое собственное сердце бухало, отдаваясь в ушах с такой силой, что я не могла ничего расслышать. Моля богов, я облизнула палец и поднесла его к маленькому вздернутому носу. Облегчение, которое я испытала, почувствовав слабое дыхание, просто невозможно описать.

Я достала из рюкзака фляжку и обмыла ее раны, заметив, что на тонком запястье больше нет возвращающего домой браслета. Закончив, я закутала девушку в плед и стала думать, что делать дальше, ведь вокруг сгущались сумерки. Я беспокоилась за здоровье своей спутницы, ведь оказать необходимую лекарскую помощь было не в моих силах. Я погладила камень в браслете. «Вернет он домой меня или того, на ком надет?».

Была еще одна идея: убить девушку, отчего она переместится в другой мир и сможет продолжить путешествие. «Сможет ли?» — вопрошал внутренний голос. Но с места стоянки нужно было уходить, у тех убитых могли оказаться друзья, а мы находились совсем рядом с местом преступления. Я вспомнила, как нам выдали арбалеты и наказали стрелять друг в друга, как первая выстрелила в меня. Тогда я тоже была почти уверена, но стрелять не стала. Я, чертыхаясь, сняла браслет, который легко поддался, и надела его на запястье девушки. Ее же пальцем нажав на камень, я побежала от нее так быстро, как только смогла.

Когда артефакт сработал по назначению, не произошло ничего особенного. Небеса не разверзлись и не обрушились с грохотом, не заиграла музыка, весь звук наоборот будто исчез. Оказалось, что даже царившая прежде тишина была разбавлена какими-то едва уловимыми шорохами. Однако мне пришлось несладко, не только от внезапной глухоты, но еще потому, что проход затягивал с такой силой, что мне пришлось схватиться за опасно кренящееся дерево. Крепко обхватив его руками и ногами, я чувствовала, что дерево едва противится притяжению, и уже готово последовать в мой мир за «участницей № 1», прихватив туда и меня за компанию. Я закрыла глаза и смирилась с тем, что мое путешествие окончено, когда все прекратилось.

Расцепив закаменевшие конечности, я отвалилась от помогавшей мне опоры, как насытившаяся пиявка. Дерево, за которое я держалась, было отчасти вырвано из земли. Теперь настала очень заняться собой и возможной погоней. Мои темно-синие ноги оставляли следы на снегу, поэтому мне пришлось замысловато петлять до тех пор, пока не закружилась голова. И даже тогда, я пробежала еще немного, пока окончательно не запуталась, где нахожусь.

Забравшись на самое большое дерево, которое смогла отыскать, я как смогла удобно устроилась в его ветвях. Во сне я могла вывалиться из своего убежища, потому решила, что посплю позднее. Однако, когда это «позднее» наступит, сказать точно не решилась бы. Я свесила ноги и стала ждать, появиться ли хоть какое-нибудь живое существо в этом мертвом лесу. О том, что могло случиться, если оно меня заметит и сможет взобраться так высоко, я предпочитала не думать.

Шло время, становилось все темнее, и я обнаружила две вещи. Первая заключалась в том, что ноги, как и все тело, стали затекать. А это значило то, что появилась необходимость время от времени менять позу, поднимая шум, хоть и небольшой, но заметный в тихом ночном лесу. Вторая вещь заключалась в том, что я обнаружила у себя способность видеть в темноте. Я одновременно видела, что света нет, и видела предметы освещенными. Пока я

сидела на затекших ногах, боясь пошевелиться, я думала о судьбе голубоглазой девушки с пшеничными волосами, имени которой так и не узнала и о наших судьбах в общем. Воспоминание о том, что я убила двух живых людей, которые, хоть и, несомненно, это заслуживали, все же были людьми, я старалась не бередить. Но стоило хоть ненадолго прикрыть глаза, как перед глазами вновь представала подступавшая ко мне с двух сторон кровь, распространяя тяжелый металлический запах.

Как нам объяснил Наставник, лабиринт, по которому мы путешествуем в поисках нового опыта, соткан из обломков миров. Их количество специально ограничено, чтобы наши блуждания не продлились вечно, но все же было достаточно большим. И я не понимала, как произошло так, что мы с другой участницей оказались в одном и том же.

От мыслей о том, что я на ее месте могла оказаться я, становилось дурно. Но хуже было от другого: смерть, хоть и служила средством перемещения в следующий мир, все же могла оказаться очень мучительной. При этом я ведь могла лишиться всех своих вещей и, конечно, самой ценной из них — карты. Рука, уже привыкшая к браслету, казалась мне слишком легкой и свободной. Вместе с браслетом я лишилась и возможности сбежать отсюда, если передумаю. Замерев на ветке дерева в неудобной позе, трудно было оценить такой изменение, как хорошее или плохое.

Я решила на мгновение отвлечься от размышлений, потому что мне почудился посторонний звук в этой тишине. Но, как я не прислушивалась, ничего услышать не вышло, и я расслабилась, когда кто-то неизвестный заключил меня в большие пушистые объятия. Я старательно визжала, приглушаемая лишь толщиной меха, пока непонятное существо перепрыгивало с дерева на дерево, держа меня под мышкой. Спустя некоторое время я замолчала, осознав, что в тот момент меня никто мучительно убивать не собирался. Равномерные прыжки продолжались долго, мех существа был теплым и приятно пах, и я не заметила, как стала клевать носом, а потом и заснула.

Проснувшись, я сладко потянулась и привычно повернулась на правый бок, чтобы посмотреть на соседнюю кровать: спит Лисса или уже проснулась. Однако вместо этого я увидела спящего и прекрасного, не смотря на его необычность, смуглого юношу. Всю сознательную жизнь я провела в пансионе и встречала мужчин нечасто, но все пробелы с лихвой восполнились на балу. В столице большинство мужчин носили длинные волосы, часто убранные в прическу. Его же волосы были коротко подстрижены, а лицо обросло жесткой густой щетиной. Это было бы самым настоящим вызовом, если бы находились в моем мире, но мы, как я к тому моменту уже успела вспомнить, находились не в нем. Помимо всего прочего он был нагим, и лишь поза, в которой он спал, служила ему прикрытием.

Я тихонечко поднялась, стряхнув насыпавшийся на меня за время сна снег, и заметила любопытное: незнакомец, в отличие от меня, был настолько теплым, что вокруг него образовалась растаявшая прогалина. Я выпрямилась во весь рост и решила осмотреться: мы находились на плато невысокой горы! Под ногами серел пологий каменный склон, на котором то тут, то там проросла чахлая желтая травка. Там, где заканчивалась гора, выросла густой хвойный лес, простирившийся везде, куда мог дотянуться взгляд. С другой стороны возвышался пологий склон, ведущий к вершине, которая находилась недостаточно высоко, и рваные облака проплывали мимо, не останавливаясь.

Я, опомнившись, стала озираться в поисках рюкзака. Он обнаружился неподалеку от спящего незнакомца, припорошенный снегом. Я торопливо вытащила карту и, развернув ее, поняла, что горы на этом клочке не обозначены. От такого поворота у меня непроизвольно вырвался вздох огорчения.

Позади меня заворочался красавчик.

— Ты уже проснулась? А почему меня не разбудила? — голос его был мягким, но уверенным, как походка кота.

Эта претензия в устах похитившего, судя по всему, меня незнакомца казалось настолько наглой, что истощила мое терпение. Я вытащила из рюкзака жилетку и не глядя бросила ее парню.

— Прикройся, — я старалась сохранять голос спокойным. Когда он, не хотя, последовал моей просьбе, я села напротив него, скрестив ноги в обрезанных по колено штанах, и продолжила. — Кто ты? Как тебя зовут?

Моя вещь не подошла ему по размеру, и он просто накрыл ею ноги. Глаза его оказались цвета летней травы, и он, казалось, выглядел озадаченным и немного смущенным.

— Я оборотень и твой будущий муж. Мое имя Джек.

«Даже здесь, там не знаю где, нашелся еще один жених!», — подумала я, но вслух лишь спросила:

— Почему ты считаешь себя моим будущим мужем, зверь?

Джек неправдоподобно скривился.

— А ты грубая, синяя незнакомка.

Едва договорив, он неожиданно взвился с места и повалил меня, нависнув надо мной всем телом.

— Я отвечу на твой вопрос, если ты извинишься за свои грубые слова поцелуем.

Я только фыркнула, настолько мой собеседник сейчас был похож на ребенка, сиявшего озорством своих прекрасных глаз.

— Отпусти меня.

— Отпущу, если поцелуешь.

Я не могла противостоять его обаянию и продолжать сердиться, потому, улыбнувшись, спросила:

— То есть за один поцелуй я получу и свободу, и объяснения?

— Конечно, нет! За два.

Я потянулась и дважды чмокнула его в небритую щеку, после чего он скатился, вновь прикрывшись жилеткой. Я снова уселась, скрестив ноги.

— Рассказывай.

— Мне оракул предсказала, что в чужом мире я встречу синюю деву с желтыми глазами и татуированным плечом. Еще она сказала, что ты станешь моей судьбой. А как ты можешь стать моей судьбой, если не через замужество?

Татуировка, которая каким-то образом была предсказана оракулом, появилась от подарка Хокена. И морок, о существовании которого я узнала с помощью Хокена, исчез, когда я почесала татуировку. «Мог ли он знать пророчество и подстроить нашу встречу? А даже если и мог, то зачем ему это понадобилось? Что бы у меня был союзник или чтобы отделаться от меня?», — самые разные предположения наводнили голову с такой скоростью, что я схватилась за нее, боясь, что она сейчас лопнет. Понадобилось десять глубоких вдохов и выдохов, чтобы отвлечься.

— Я не могу стать твоей женой Джек, — он вопросительно поднял бровь. — У меня уже есть жених, он находится в том мире, из которого я сюда и прибыла.

— Знаешь, — он резко сменил тему, выпрямляясь, отчего прикрывавший его ноги жилет сполз, и мне пришлось прятать глаза, — я схожу, поохочусь, чтобы у нас была еда. Жди меня здесь, без меня ты можешь заблудиться в горах и пропасть.

Я в ответ я лишь кивала, у меня итак не было желания сбегать из общества адекватного человека, особенно при воспоминании о том, в каких обстоятельствах я накануне встретила в лесу голубоглазую Первую.

Видя мое спокойствие и согласие, мой собеседник добавил:

— И, разведи костер, если в твоём рюкзаке найдется что-то для этого подходящее, — я краем глаза заметила, что после этих слов его тело затряслось, пошло рябью и стало обрастать перьями. Через несколько мгновений передо мной возвышался огромный сапсан, который издал громкий клекот и улетел.

Прежде мне не доводилось видеть превращения оборотней, и увиденное произвело на меня неизгладимое впечатление. Проводив взглядом исчезающую за поворотом птицу, я еще немного посмотрела в пасмурное небо, готовое в любой момент разразиться новыми снежными хлопьями, и встала.

— Разведи костер, — проворчала я, — если в твоём рюкзаке найдется что-то для этого подходящее. Что? Он думает, что я ношу в рюкзаке хворост? Ух, пернатый! Пернатый оборотень? — последняя мысль отчего-то меня позабавила.

Я знала лишь о существовании оборотней-волков, а этот парень прямо на моих глазах превратился в птицу. Помнится прошлым вечером, когда похитил меня, он был большим покрытым мехом существом и перемещался легкими прыжками. Не успела я погрузиться в

раздумья на эту тему, как сокол вернулся, неся в клюве козленка. Бросив козленка, он вновь обернулся человеком.

— Слушай, Джек, а у вас в мире принято ходить без одежды? — спросила я, глядя себе под ноги.

— Нет, мы носим там зачарованную одежду, которая не рвется при трансформации.

— Как же вышло так, что...

— Подними, пожалуйста, на меня свои замечательные желтые глаза. Я прикрылся.

Когда я, не торопясь, исполнила его просьбу, он продолжил:

— Я потерял свою одежду в одном маленьком приключении, хочешь послушать?

Мне, конечно же, стало интересно, но сосущее ощущение в животе и понемногу накатывавшая слабость диктовали свои условия.

— Сначала приготовим мясо, а потом поговорим.

Так мы и сделали. Между делом Джек показал мне, как свежевать тушу. Орудовать снятым с бедра ножом было непривычно, лезвие то и дело соскальзывало, но кожу не травмировало. В связи с обнаруженным знанием я решила провести эксперимент. Крепко сжав рукоять, я провела острым концом по тыльной стороне ладони. Остался короткий порез, потому что стоило мне почувствовать боль, с какой лезвие разрезало кожу, я сразу же отдернула нож. Оборотня пришлось долго уговаривать, прежде чем он согласился взять в руки нож. У него, как ни странно, не получилось прорезать кожу. Из произошедшего я сделала вывод, что новообетенная индиговая кожа заменит иную броню, до тех пор, пока я сама не захочу быть раненой.

Когда встал вопрос, как пожарить мясо, я вовремя вспомнила о том, что у меня есть вертелок. Мы решили жарить козла по кусочку, насаживая каждый отдельно. Мясо было жестким и практически безвкусным (но тут я почти светясь от гордости за собственную предусмотрительность, достала соль), но голод утоляло. После трапезы мы напились из фляжки бесконечной воды. Из вежливости я прежде предложила напиться своему спутнику, а напившись после него, запоздало подумала о том, что питье из одной фляжки было похоже на отсроченный поцелуй. Мне стало неловко, и я поспешила отвлечься разговором. Мы находились на открытой солнечным лучам возвышенности, но воздух, казалось, даже не нагрелся. Поделившись своим наблюдением с Джеком, я получила в ответ:

— Я думаю, что тепло не имеет власти над этим краем. Здесь живут монстры, с виду похожие на людей. Но в душе их чернота, они делают плохие дела, наполняя этой чернотой все вокруг, отчего здесь никогда не бывает тепло.

— Откуда ты знаешь, какие здесь люди?

Он разлегся, вытянувшись во весь рост на камне.

— Это связано с моей историей.

ДЖЕК

Я родился пятым сыном в семье своего вождя-отца Ролана, третьего своего имени. Вождь был высоким мускулистым мужчиной со смуглой кожей. Его коротко остриженные русые волосы торчали задорными вихрами, превращая серьезного зеленоглазого Ролана в мальчишку. Не смотря на то, что он был пятым сыном, в клане все признавали превосходство вождя и его мудрость, которые он неоднократно доказывал. Его старшие братья умерли еще до вхождения в возраст зрелости двое от болезни, которую занес торговец игрушками, и которая унесла жизни многих детей. Один умер во время рождения, а еще один ушел из города, чтобы путешествовать по миру.

Я пошел внешностью в отца и с детства показывал отличные способности к оборотничеству. Однажды в детстве даже сумел превратиться в мышку, чтобы стащить с кухни кусок любимого мною тогда ягодного пирога. Я подождал, пока все заснут и, обернувшись, засеменял в нужном направлении. Практически сразу я отметил два главных недостатка такой затеи. Во-первых, мышьяная сущность боялась любого шороха и норовила подавить меня своим страхом, отчего постоянно приходилось бороться с желанием забиться в темный угол и сидеть там, пока маленькой сердечко не перестанет колотиться. Во-вторых, хоть я и старался перебирать лапками быстро, путь от моей комнаты на втором этаже до кухни на первом этаже казался бесконечным.

Вожделенная дверь попала в поле зрения спустя вечность, когда я уже так устал, что хотел сдаться. Едва я проник внутрь, прошмыгнув под дверью, план дал сбой: маленькой мышке не унести большой кусок и ножом, чтобы его отрезать, не воспользоваться. Поэтому пришлось вернуть себе человеческий облик и поспешно съесть добычу на месте. Моя мать, бывшая в те дни беременной, проснулась с желанием съесть что-нибудь вкусное и спустилась на кухню как раз тогда, когда я практически расправился с отрезанным куском. Застав меня на месте преступления, она лишь рассмеялась своим мягким бархатным смехом и стала мне помогать в уничтожении пирога.

Поговаривали, что правители древности имели невероятные способности. Четырехпалый Гарт, по легендам, когда на их город напало войско неприятеля, принял облик всех известных ему зверей. Армия, которой он стал, насчитывала тысячи животных, и он, управляя всеми ими сразу, смог защитить свой народ. Роберион Великолепный прославился тем, что предотвратил все напасти заранее, он принял облик гигантского зеленого дракона и пролетел над чужими землями, сея страх. Это отвратило разбойников от его краев на долгие столетия. Но все эти истории были древними, а среди живых не было никого, кто был бы свидетелем подобных чудес. Не было даже тех, кто лично знал таких свидетелей. Потому нам приходилось довольствоваться единственной формой за раз и использовать лишь облики животных.

Мои старшие братья, как члены правящей семьи, а значит и носители древней крови, могли обращаться в двух животных против распространенной среди нашего народа единственной формы. У самого старшего брата, будущего наследника власти были традиционные лев и ворон, у второго по старшинству, как у возможного его приемника, были те же самые. У третьего были лиса и гадюка, а у четвертого — волк и лебедь.

Взрослея, я тоже остановился на двух: лесной медведь и сапсан, но других форм не потерял. Я долго избегал испытания на зрелость, потому что считал, что четверых взрослых воинов в услужении моему отцу было достаточно, но вечно это продолжаться не могло. В двадцать три года, по нашим меркам поздно, я решился покончить с этим.

Подобные испытания у нас проходят эффектно. На специально отведенной под эти цели арене собирается весь город, и боец пред всеми ними должен сразиться с древним чудовищем. Убивать его нельзя, но можно сильно калечить до тех пор, пока оно не сдастся, тем самым давая вождю возможность провозгласить победу бойца. Однако чудовищу убивать не запрещалось, но смерть в таком поединке служила избавлением от того позора, который ложился на проигравшего.

Накануне вечером перед днем поединка я сильно волновался, буквально не мог заснуть, потому что у меня, как у сына вождя, хоть и младшего, не было права на поражение. Оттого в бой я пошел перевозбужденным. Небо было ясным, будто кто-то, готовясь к этому дню, стер тряпочкой все облака. Яркое солнце согревало воздух. Я помню, как ревела толпа, приветствовавшая меня, помню лязг, с которым поднималась решетка, закрывавшая ход в подземелье, где обитал мой противник, помню, как, опережая его на несколько шагов, на меня дохнуло зловоние.

Но, когда я принял форму медведя, все кроме боя перестало иметь значение. Чудовище атаковало стремительно и с силой, которой могли бы позавидовать многие животные. Прежде чем медведь обессилел от полученных ран, и его сознание стало угасать, я успел серьезно ранить чудовище несколько раз. Однако только когда я принял форму сокола и яростно атаковал сверху, враг отступил. Ключевым шагом было вернуть себе человеческий облик и встать во весь рост, принимая победу, что многим, как ни странно, давалось с трудом.

Я не без труда поборол агрессивность соколиной сущности и, успокоившись, принял человеческую форму. Все горожане рукоплескали мне стоя, но в тот миг всеобщего признания вместо того, чтобы радоваться я чувствовал горечь. Мой противник, с урчанием уползший обратно в свое подземелье, тоже был оборотнем. Я почувствовал это тем внутренним ощущением, которое в зверином обличье позволяло отличить обычного зверя от собрата по крови.

Позже я так и не смог спросить об этом у отца или у кого-то еще из прошедших это испытание. Ведь все знали об этом, но никто не поднимал шума, значит, так и должно было быть. Может быть, при других обстоятельствах я бы и сомневался, но мой родитель, наш вождь был мудрым. Я решил, что когда-нибудь сам пойму причину того, что нашего собрата держат в таких условиях. И причины того, почему он таким стал.

После обряда вступления в зрелость, отец отправил меня к оракулу. Им была девушка с темно-синими волосами с такой ярко-красной кожей, что казалось, будто кожи не было, лишь оголенные мышцы. Несмотря на внешнюю молодость, она была такой древней, что ее возраст никто не мог точно назвать. Отец как-то рассказал даже, что она была оракулом при его отце и при отце его отца, и при его деде, а наше племя живет долго, дожить до ста пятидесяти лет считается нормальным.

Оракул обитала в большом деревянном храме на самом краю поселения. Толкнув дверь, я увидел черноту, которая всасывала в себя свет снаружи. Братья предупреждали меня, что внутри меня может ожидать что угодно, но моей жизни ничего угрожать не будет. Несколько поколений моей семьи и семей горожан приходили к ней и возвращались обратно

невредимыми. Я был готов к неведомому и уверенно шагнул внутрь, позволяя мраку обступить меня. Свет снаружи должен был проникать во множество незанавешенных окон, видных с улицы, но отчего-то не проникал. Я сделал пару шагов вперед, и, когда почувствовал, что меня кто-то крепко схватил за руку, даже не вздрогнул.

Вокруг зашелестели голоса, говорившие на неизвестных мне языках. Им вторил голос оракула. Все смолкло также внезапно, как и началось. Вдалеке во тьме загорелся огонек, манящий меня к себе. Пальцы, крепко державшие меня, разомкнулись и безликий голос рядом с самым ухом тихо произнес:

— Иди.

Я двинулся вперед, воздух стал плотным и вязким, словно я угодил в болото. Дыханию это не мешало, но движения мои становились все медленнее, а усилий для каждого из них приходилось прилагать все больше.

— Ты живешь во мраке, — голос звучал прямо в моей голове, — бессмысленно барахтаешься в том, что намного больше тебя, всех когда-либо живших, ныне живущих и тех, что будут жить после тебя. Я дам тебе прикоснуться к истине, но на то, чтобы понять хотя бы малую ее часть у тебя уйдут годы.

С каждым мгновением дышать становилось все труднее, но я упорно переставлял ноги и тянулся к огоньку. Я чувствовал боль во всех мышцах, и особенно в руке, но все продолжал тянуться к свету. Мне стало казаться, что я весь превратился в боль, время перестало существовать. Весь мир исчез, даже я перестал существовать, осталась лишь тьма и маленький огонек света впереди. Когда палец свело от боли, я смог коснуться света и все вернулось на круги своя.

Я стоял в светлой горнице. Прекрасная девушка с красной кожей и невероятными синими волосами, одетая в простое рубище улыбалась мне.

— У нее будет синяя кожа, желтые глаза и темный знак на плече. Эта девушка станет твоей судьбой, — как ни странно, после произошедшего эти слова звучали абсолютно нормально, хотя в другое время я, скорее всего, удивился бы.

— Но как я найду ее?

Девушка приблизилась ко мне с неожиданным проворством и, коснувшись мягким красным пальчиком моего лба, исчезла. Мир преобразился, и я оказался на причале, окруженный снующими туда-сюда людьми. Солнце пряталось, скрытое пухлыми грязными тучами. В воздухе стояла застарелая вонь, лишь изредка сносимая ветерком. Прогнившие доски лизала темно-серая вода, в которой стояли несколько суденышек. Прежде мне никогда не приходилось видеть море, а уж тем более корабли своими глазами. Я знал то, как они выглядят лишь по книгам, в которых описывались скитания путешественников и по схематичным рисункам в них.

Те плавательные средства, что описывались в книгах, были самыми разнообразными. К примеру, Пелин Кригори в своих «Трудах о путешествии на край земли» повествовал о больших трехмачтовых судах с черными парусами и огромными трюмами, в которых мог бы поместиться даже дракон. Он мог знать наверняка размер этих трюмов, потому как часть своего долгого пути провел в одном из них. В свою очередь, Кари Гелинский, прозванный в последствии Глупым, в своих «Грезах о дальних берегах» описывал большие судна, лишённые мачт и парусов, взамен которым присутствовали длинные весла вдоль бортов. Кари Глупый называл их «многоножками», но не преминул отметить, что на местном жаргоне они носили название «галеры». Таким многоножкам требовались крепкие гребцы, в

роли которых зачастую выступали невольники, и к которым едва не присоединился автор этого труда.

Однако суда, представшие моему взору, не соответствовали моим высоким ожиданиям. Пришвартованными к причалу стояли несколько барок, одна из которых явно намеревалась пойти ко дну, да парочка пухлых торговых судов с одной мачтой и вылинявшими от дождей и морской соли парусами. За ними далеко простиралась темно-серая водная гладь.

Когда я вдоволь насмотрелся, я попытался подняться, чувствуя, как затекло все тело от лежания на досках. Мне казалось, что я только что появился, но нужно было пролежать неподвижно достаточно времени, чтобы с телом произошли такие изменения. Попытавшись встать, я двинулся было рукой, чтобы на нее опереться, и к своему заметил, что кисти рук крепко связаны. Спустя мгновение я осознал, что та же ситуация произошла и с моими ногами. От этого они онемели, стоило пошевелить пальцами, как в кожу вонзилось множество маленьких иголок, возвращающих чувствительность.

Достаточно было только перекинуться в зверя, чтобы путы спали, но, стоило пройти ошеломлению, как меня сразило любопытство. Я страстно возжелал выяснить кто и зачем меня связал. Оракул отравила меня сюда в это место, чтобы я отыскал синюю деву, которая станет моей судьбой, а для этого нужно было сначала понять, где же я, собственно, оказался.

Стоило мне подумать о зачинщике, как он явился пред мои очи.

— Поднимайся, падаль! — его гортанный голос больше походил на лай.

Передо мной стоял низкорослый, коренастый мужчина, весь поросший жесткими курчавыми волосами. Темно-коричневые волосы вились даже у него в ушах, но голова при этом оставалась лысой. Примечательным в его внешности также был маленький лоб и большая тяжелая челюсть, которая в моменты молчания отвисала, делая его рот приоткрытым. Оттого у мужчины вырисовывался глупый, но оттого не менее отталкивающий вид.

— У меня ноги связаны, — заметил я, стараясь не рассмеяться.

В ответ на это мой собеседник сморщил кустистые брови и в целом приобрел вид крайне глубокомысленный. Насколько он мог быть таковым с маленьким приоткрытым капризным ртом, соседствующим тяжелой квадратной челюстью, на которой курчавилась колючая поросль, судить не трудно. Молчание затягивалось, видимо «думать» волосатому давалось тяжело. Когда он все-таки пришел к какому-то выводу, то медленно нагнулся, будто его спина была деревянной и плохо подчинялась, после чего стал развязывать путы у меня на ногах своими короткими неловкими пальцами. Дело шло медленно, и, чтобы чем-то себя занять, я стал скучающе разглядывать других людей на причале.

Многие, к моему сожалению, выглядели также как и мой новый знакомый. Но несколько человек выделялись из всей этой копошащейся бурой массы. Всего я заметил троих. Первым был белокожий мальчишка с заплетенными в косу длинными рыжими волосами. Со своего места я видел только его худую спину, одетую в короткий кожаный жилет на голую спину и плоскую задницу, на которой болтались некрашенные льняные шаровары. Мальчик следил за тем, как на один из торговых кораблей загружались бочки. Один из неуклюжих волосатых грузчиков толкнул его в спину. Когда тот повернулся, я увидел взрослое, почти старческое лицо, искаженное злобой. Маленький дедушка молниеносно достал из набедренных ножен кинжал и резким движением вогнал в глаз провинившемуся. От того, как маленький человек небрежно вынул кинжал, вытер его об одежду убитого и пинком отбросил бездыханное тело, мне стало не по себе.

На это происшествие никто не обратил внимание, только пузатый увалень в раскрашенных шелковых одеждах сморщил нос, прежде чем переступить через мертвеца. Этот толстяк вошел на одну из барок и принялся что-то втолковывать одну из волосатых грузчиков, ждавших его там. Однако особенно мне запомнился абсолютно безволосый мужчина, который возвышался над остальными, противопоставляя себя им во всем. Вид его напоминал мертвеца: впалые блеклые глаза и щеки, туго обтягивавшая кости кожа. Даже в походке его было заметно что-то такое, отчего казалось, будто, если прислушаться, можно услышать, как гремят кости. Скромная одежда облегалась его как вторая кожа, но была потертой, местами рваной. На светлой рубашке виднелось несколько застарелых жирных пятен. Довершал сей отталкивающий облик бурый плащ в разводах, который наводил мысли о том, что некогда белую ткань выкрасили кровью.

Живой мертвец поднялся на второе торговое судно и скрылся из моего поля зрения. Я бы погрешил против истины, сказав, что огорчился. Я, казалось бы, увидел достаточно к тому моменту, когда мой надсмотрщик закончил возиться с путами и, резко дернув веревку, заставил меня подняться на ноги. Мне стало несколько не по себе от того, что он потянул меня на тот же самый корабль, где скрылся из виду Лысый череп. Я почти решился на то, чтобы сбежать отсюда и как можно скорее, но вспомнил пророчество красной девы. Если я должен встретить синекожую девушку, которая станет моей судьбой, я вряд ли умру прежде. Вероятным также было то, что я ее найду на этом корабле, такую же связанную, и спасу.

Усмирив свое нетерпение, я понуро склонил голову и покорно побрел, переставляя закаменевшие ноги. Поднявшись на палубу, я отметил, что в последний раз ее мыли, наверное, еще до моего рождения. Зловоние будто пропитало каждую доску, однако я понял, что, стоя там, не ценил наличие свежего воздуха вокруг. В трюме, в который я кубарем скатился по короткой лестнице, набив себе несколько синяков по всему телу, стоял такой трудно выносимый смрад, что от него заслезилась глаза.

Проморгавшись, я заметил еще одного пленника. В тусклом свете масляной лампы, горевшей в другом конце помещения, я смог разглядеть, что он был полностью голым с прикрытой мешком головой.

— Эй, — я позвал его шепотом, но в ответ получил лишь молчание.

— Эй, — я доковылял к нему на почти вернувших себе чувствительность ногах и потряс за плечо.

Пленник не отреагировал и на это, продолжая согнувшись лежать в уголке. Понадеявшись на то, что мужчина просто потерял сознание, я сел на одну из стоявших рядом больших дубовых бочек и стал ждать, что произойдет дальше, теряя последние крохи терпения с каждой секундой.

Ожидание оказалось недолгим, и вскоре нас почтил своим присутствием Лысый Череп. Обратив на нас внимания не больше, чем на вонь, царившую в трюме, такую густую, что ее можно было есть ложкой, возникни у кого-нибудь такая прихоть. Подойдя к дальней от входа стене, он нажал на скрытый прежде рычаг, от воздействия на который из стены выдвинулась большая деревянная пластина. Мужчина потянул ее на себя, выдвинув стол с колодками для рук и ног, которые были до блеска натертые изнутри. Вместе со столом в нише открылся свет, в котором можно было разглядеть все неровности необработанного дерева. Но было кое-что еще, что привлекло мое внимание куда как сильнее, а именно десяток ножей разных форм и размеров, висевших на стене. Их обтянутые тканью рукояти затвердели от частых прикосновений с немывтыми руками, но, и в царстве грязи это ужасало

сильнее всего, их лезвия были начищены до тусклого зловещего блеска.

В моей голове вырисовалась довольно четкая картина происходящего, в которой не доставало лишь некоторых деталей. Зачем Лысому все это нужно? Мне было сложно даже предположить, какие мотивы им владели и я решил помедлить с побегом еще немного. Закончив с приготовлениями, он неторопливо подошел ко второму пленнику и, с неожиданной силой приподняв его одной рукой над землей, донес его до стола и стал неторопливо заковывать его. Сердце стало бухать в груди, набатом отдаваясь в ушах, но я лишь стиснул кулаки, насколько позволяла веревка и замер, неотрывно следя за действиями живого мертвеца одними глазами.

Пленник, так и оставшийся в мешке, не сопротивлялся, и я смог разглядеть, что его тело, покрыто синяками, в большинстве своем светло-желтыми и светло-зелеными, но было среди них и несколько густых темно-синих кровоподтеков. Мой взгляд в оцепенении перебегал от одного к другому, пока тот, кто его приковал, почти любовно погладил обнаженную ногу пленника, белую с синевой, будто бы никогда не видевшую солнца. Я, не отрываясь, следил, как Череп снял с подставки тонкий изогнутый нож и приблизил его острие к бледной коже закованного. У меня перехватило дыхание, когда металл пронзил тонкую плоть, выпустив тонкую струйку крови. Тонкие костлявые пальцы мясника аккуратно провели ножом полосу, будто намеревались отделить кожу от мяса. Нагой мужчина издал глухой стон, который мигом вывел меня из оцепенения.

Как всегда хватило одного мысленного усилия, чтобы перекинуться в зверя. Шкуру лесного медведя, в которого я часто оборачивался, надевать было легко и приятно, как старый сапог. В моем сердце волной поднимался невиданный прежде гнев, вызванный желанием покарать мучителя. Мне не доводилось испытывать такие сильные чувства, но и не доводилось возжелать кому-нибудь смерти и тем более стать ее орудием.

Я ринулся к существу, которое пыталось выглядеть, как человек, но само его существование было противно природе. Замерев в опасной близости от его лица, я наслаждался запахом страха, которым он смердел, сильнее, чем его провонявший трюм. В маленьких блеклых глазках я видел отражение своей черно-коричневой шкуры, смешавшееся с ужасом. Предчувствие скорой смерти исказило полуживое лицо, превратив его в гротескную маску. Медведь взревел, не желая более сдерживаться, и с поразительной легкостью оторвал его иссохшую голову.

Когда его густая темная кровь стала собираться на полу, образуя лужицу, моих ушей коснулся шум. Развернувшись, я обнаружил нескольких уродливых грузчиков, привлеченных сладкими звуками моего голоса, искаженного звериным горлом. Каждый из них зажал в своих короткопалых руках арбалет, направленный на меня. За несколько мгновений я смог рассмотреть каждого, но не нашел никаких отличий на этих испуганных косматых лицах с отвисшими челюстями.

Возможность застать меня врасплох была упущена, и я не стал ждать, пока они придут в себя и выпустят в меня четыре металлических болта. Поразительно, с какой скоростью может двигаться медведь, разрывая глотки направо и налево. В тот момент зверь забрал себе контроль почти полностью, оставив мне лишь место зрителя. Но, когда последний грузчик с арбалетом умер, я вспомнил о закованном пленнике и заставил зверя отступить, возвращая себе человеческий облик.

Краем глаза заметив, что зачарованная одежда разорвалась в клочья, утонувшие в затопившем пол кровяном потоке, я выругался и подошел к узнику. Расковав его, что вышло

довольно просто, я сдернул мешок с его головы, под которым оказалось обычное неприметное лицо со сломанным носом. Но его обладатель никак на освобождение не отреагировал, тогда я приложил ухо к его груди и ничего не услышал. Я склонил голову, почтив его память и надеясь, что его отмищенная душа возродится вновь, и вновь принял форму лесного медведя.

Это решение оказалось опрометчивым, потому что по пристани пришлось пробиваться с боем, и зверь совсем обезумел, от запаха страха и крови и от болезненных укусов стрел. Сдался он, лишь оказавшись в лесу, где обессиленный упал под сосной. Вернув себе человеческий облик, я хотел лишь одного — свернуться калачиком на твердой земле и уснуть, но понимал, что оставаться было глупо. Тогда я превратился в большую обезьяну, что в моих краях зовется грилом, и стал перемещаться прыжками по верхушкам деревьев, решив, что так будет безопаснее.

Чтобы как-то отвлечься от тягостных дум о произошедшем, я задумался о судьбе своей одежды. На моей памяти крепкие темные штаны и мягкая желтая безрукавка с вышитыми на них рунами никогда не рвались от превращений. Что уж говорить о плетеных сандалиях, но я своими глазами видел, что с ней произошло, потому смирился, утешившись тем, что те заговоры работали только в моих краях. Сгущались сумерки, но я продолжал прыгать с ветки на ветку, снова и снова ощущая, как зеленые иголки впиваются в грубую кожу лап. Обезьянья сущность поделилась со мной своей беззаботностью, немного подняв мне настроение, когда я увидел синюю деву, скрючившуюся в ветвях дерева рядом со мной. Она облокотилась головой и плечом на шершавый ствол. Ее рубашка и брюки выглядели так, будто кто-то укоротил их ножом. Я замер, приблизившись так близко, как мог себе позволить, и ночным зрением увидел вытатуированные черные руны на ее правом плече.

Поубивав столько народу и утешая себе тем, что они были плохими людьми, я успел позабыть о пророчестве. Я не мог поверить, что мне не мерещится и моя судьба отыскалась так быстро. Опасаясь, как бы ты не исчезла, я обвил ее одной лапой и устремился дальше в лес.

Неизвестная глава

Прошло несколько десятилетий с тех пор, как Аризна впервые попала к людям и родила первого ребенка. Когда она узнала, что вынашивает дитя от сероглазого рыбака, одного из тех, что встретился ей при пробуждении, она смирилась с предстоящей скорой смертью. Но, явившийся вскоре дерилидос, подарил ей надежду:

— Ты хорошо справляешься, дитя. Но тебе не нужно бояться смерти, я дам тебе силы, которых хватит, чтобы родить столько детей, сколько нужно.

От внезапного нахлынувшего облегчения ее ноги подкосились, а по щекам потекли слезы.

— Твоя жизнь слишком ценна, дитя.

Под капюшоном, как всегда, угадывалась лишь тень, но Аризна думала, что различает доброжелательную улыбку.

Когда подошел срок, она разродилась красивой розовощекой девочкой с молочно-белой кожей и такими же, как у матери, кроваво-красными глазами. Шли годы, Аризна вновь несколько раз стала матерью, родив четырех девочек и одного мальчика. Все девочки пошли лицом в мать и унаследовали цвет глаз, в то время, как мальчик унаследовал черты лица его отца и смотрел на мир глазами глубокого фиолетового цвета. Все дети, постепенно взрослея, высасывали из нее энергию, но она, как и обещал дерилидос, не умерла, лишь понемногу состаривалась с каждой новой беременностью. Ее густые каштановые волосы поредели, а вокруг глаз и между бровей залегли глубокие морщины. Однако это не мешало ей очаровывать мужчин во исполнение воли Истинного бога.

Она жила обычной человеческой жизнью, пытаясь воспитывать детей на почитании к Нему. Ежедневно готовя пищу, убираясь или играя с детьми, она думала о том, что ждет ее дальше и будет ли она еще нужна Истинному богу. Аризна старалась не привязывать к смешливым дочерям и серьезному сынишке, но нежность пронизывала ее сердце каждый раз, когда кто-то из них делал успехи. Однажды она с грустью подумала о том, что эти дети могли быть от Кодарда, и они вместе бы воспитывали их. Но дерилидосу было угодно избрать ее своим орудием, а потому она отогнала воспоминания о возлюбленном и впредь давила их в зародыше, чем вскоре стерла их из своей памяти навсегда.

Когда мальчик, бывший самым младшим, научился говорить и ходить, дерилидос вновь явился Аризне. Она стирала одежду в холодной реке, отчего пальцы занемели, когда вдруг почувствовала Его долгожданное присутствие. На дрожащих от волнения ногах она обернулась и, увидев черный, как прежде, плащ с глубоким капюшоном, рухнула на колени.

— Мой господин, — слова застревали в горле. Аризне хотелось плакать и смеяться одновременно, но она лишь смиренно склонила голову, внутренне ликуя, и готовая впитывать каждое брошенное им слово.

— Ты хорошо потрудилась, дитя. Но теперь тебе предстоит оставить своих детей их отцам и двинуться дальше.

Перед внутренним взором женщины пронеслось лицо каждого ее ребенка, когда тот едва появился на свет. Сердце сжалось от боли, но Аризна стиснула зубы

— Не печалься, ты сможешь снова родить. Я об этом позабочусь.

Он отобрал у нее ее возлюбленного, ее детей, ее прежнюю жизнь. Но все это было

неважно, ведь ей никогда не постигнуть суть замыслов его. Аризна была благодарна за подаренную ей возможность родить еще детей и время, что она, быть может, сможет с ними провести.

— Все что угодно, мой господин.

Глава девятая

— Ты ведь понимаешь, что оставаться здесь: на этой горе, в этом мире смысла нет? Это даже опасно, — я нетерпеливо расхаживала взад и вперед, топча босыми ногами мягкий снег.

— По-твоему прорываться сквозь ряды этих нелюдей, чтобы попасть в новый неизведанный мир менее опасно? — сверкнул белозубой улыбкой мой обаятельный собеседник.

Но я упрямо настаивала на своем.

— Мы должны попробовать.

— Я знаю, как это будет, — он стал загибать длинные тонкие пальцы. — Мы, ты в особенности, будем выделяться среди всей той породы, что обитает на этом дьявольском причале. Нас сразу захотят заковать, чтобы позднее нашинковать в одном из трюмов, — на этих словах его передернуло. — Мне придется принять облик опасного зверя. Зверя придется выбрать другого, а, ты скорее всего этого не знала, но чем чаще ты оборачиваешься в одного и того же животного, тем легче его контролировать. А не опасного зверя контролировать труднее, особенно в свете того, что придется прорываться с боем. Все закончится тем, что я под горячую руку убью свою судьбу, то есть тебя — он вновь улыбнулся, — и умру сам, утканый этими чертовыми стрелами.

Его доводы были уместными и правильными, но я начинала закипать.

— А ты, значит, хочешь, чтобы мы провели остаток жизни на этой скале?

— Только ты и я, — мурлыкнул он, — звучит заманчиво.

— А ты не думал, что прежде, чем ты получишь право так спокойно рассуждать на тему нашего уединения, тебе было бы неплохо заслужить мое внимание? — я стала на него надвигаться, повышая голос. — Или по-твоему похитить меня, расхаживать в чем мать родила, превратиться в животное и принести тушу козла, которую мне самой же и пришлось разделывать, это то, после чего мое сердце станет твоим навеки? — для красного словца пришлось немного преувеличить, но то как изменился в лице Джек, говорило о том, что мои слова возымели нужный эффект. — Или, может, все-таки поможешь пробиться к этой злополучной двери и станешь для начала верным другом?

Он ненадолго замолчал, после чего глядя в сторону произнес:

— Извини. Я был так рад, что отыскал тебя. И только сейчас понял, что ты моих чувств не разделяешь и разделять не должна, — он поднял на меня два травяных озера грусти. — Конечно, я помогу тебе.

Я почувствовала себя неловко, и, чтобы сгладить ситуацию, я полезла в рюкзак. С максимальным шумом достав карту, я села напротив Джека и развернула карту, разложив ее на коленях.

— Видишь, — я ткнула пальцем в точку, обозначающую дверь, которая должна была вывести нас в другой мир.

— Угу.

— Ты был там? — спросила я, сделав ударение на последнем слове.

— Да, но мне сложно припомнить двери.

Остаток дня мы провели за обдумыванием плана. Не удовлетворившись результатом, мы

все равно решили выступить, оставив место для спонтанных действий. Начать мы решили, как только стемнеет, надеясь, на то, что получится прокрасться незаметно. Когда день растворился в фиолетовых сумерках, я закинула на плечо рюкзак и отвернулась, дожидаясь пока оборотень превратится. О том, что все прошло успешно, меня оповестил клокочущий гортанный звук, раздавшийся из-за спины. Вздогнув, я обернулась и увидела пушистое, стоящее на четырех лапах животное, темного блекло-зеленого цвета и упавший жилет. Тепло и холод меня с обретением новой самости беспокоили мало, потому я надела ее и, заглянув животному в глаза, произнесла:

— Приступай.

Даже стоя на четвереньках, мой спутник в холке доставал мне до плеча, а выпрямившись и обняв меня одной лапой, и вовсе казался гигантом. Бесшумно спустившись с горы, оборотень вновь стал перебираться прыжками по деревьям, как накануне, когда снял меня с ветки.

Я всю пользуясь обретенным умением видеть в темноте и вертела головой по сторонам, всматриваясь в скопление темной хвои вокруг, но сквозь просветы видела лишь другие деревья и снег, устлавший землю внизу. Вскоре мне это наскучило, поэтому и еще потому, что одна неудачно убранный ветка съездила мне по лицу своими колючими иголками, и я уткнулась в мягкий мех.

Я всем сердцем верила в то, что мой спутник не ошибался, утверждая, что он найдет обратную дорогу к пристани по памяти. Заблудиться в этом лесу, где не обитали ни птицы, ни звери, мне очень не хотелось. Мягкий мех был приятным на ощупь, а мерные движения убаюкивали. Я не стала противиться власти сна, чтобы в голову не лезли сомнения и страхи.

Когда Джек разбудил меня, вокруг царствовала глубокая безлунная ночь, которая, однако, не была проблемой для моего нового зрения. Ушей достиг тихий плеск воды, а ноздрей — смрад.

— Видишь, вон там, — прошептал мне на ухо оборотень, от чего по шее пробежали мурашки.

Я посмотрела в указанную сторону, где виднелась маленькая хибара, на вид двух шагов в поперечнике. Она стояла близко к причалу, где были пришвартованы несколько судов. Хотя на первый взгляд, на второй и даже на третий я убедилась, что они не достойны зваться даже суденышками. Три хилых барки, одна из которых почти полностью ушла под воду, и небольшое торговое судно, в котором виднелись выбоины, едва ли могли уплыть с этих проклятых берегов.

— Думаешь, это она? — спросила я шепотом.

— А ты видишь здесь другие двери?

Повертев головой, я видела лишь темно-серую гладь, уходившую вдаль там, где путь ей не преграждала стена леса.

— Двери еще должны быть на том корабле, — я указала на унылое торговое судно. — Хотя бы одна каюта, я думаю, закрывается дверью.

Джек замер в задумчивости:

— Это то самое судно, с которого я бежал.

«Которое ты утопил в крови», — хотела поправить я, но отогнала эту мысль как лицемерную. Ведь на его месте, я поступила также.

— Если та дверь окажется не той, что нам нужна, мы проверим двери на корабле, идет? — его зеленые глаза в темноте ночи казались сияющими, как две маленькие звезды.

— Идет.

Договорившись, мы тихонько вышли из леса. Я старалась дышать ртом, потому как каждый шаг, приближавший нас к двери, усиливал паривший вокруг смрад. Вокруг не было ни души, тишину разбавляли только наши тихий шаги и плеск реки. Кучи бесполезного дерева, не иначе, как по недоразумению богов, бывшие суднами, выглядели безжизненными.

Не смотря на это, мы двигались, пригнувшись, и таким образом преодолели половину пути. Волнение, не смотря на все мои усилия все это время, тихонько жужжавшее мне на ухо, смолкло. Я выпрямилась, намереваясь преодолеть оставшийся путь, не заботясь о бессмысленных предосторожностях и поскорее покинуть этот негостеприимный мир. Спустя мгновение в ладони от моего лица пролетела стрела, с глухим свистом рассекая густой смрад. Я схватила своего напарника за руку и, что есть мочи припустила к цели. Но успела сделать и двух шагов, когда мою ногу насквозь прошила очередная стрела.

Боль, явившаяся с опозданием, заставила меня закричать. Потеряв равновесие, я споткнулась и упала на гнилые доски, обливаясь слезами. Джек, не теряя времени даром, бесцеремонно подхватил меня на руки, чем вызвал новую вспышку боли. Сквозь мокрую пелену, застилавшую глаза, я смогла разглядеть лишь то, что у него самого в плече застряла стрела. Сердце бухало в ушах. Сквозь уши, будто забитые ватой я слышала, как рядом раскрылась скрипучая деревянная дверь и как она захлопнулась. Снаружи нарастал шум. Я смогла заставить себя прекратить всхлипывать и спросила тяжело дышавшего спутника:

— Неужели эта дверь не та?

Он не ответил, лишь аккуратно ссадил меня рядом с непонятно откуда взявшимися здесь мешками с зерном, и открыл дверь, попутно превращаясь. В этот раз время не замедлилось, но в этом и не было нужды. Я едва успела заметить, как мой высокий поджарый спутник превратился в большого белого кота, который, встав на четыре лапы, распахнул при этом дверь. Вместе с этим в глаза ударил яркий дневной свет, заставив их слезиться.

Мысли мгновенно пронеслись в голове: «Мы в другом мире и не знаем, что там за битва». Я вскочила, забыв о раненной ноге, за что получила разряд боли, от которой вновь хлынули слезы. Но главное я сделать успела, а именно закрыть дверь и повиснуть на оборотне, не давая ему выйти. Он огрызнулся, лязгнув зубами у меня прямо перед лицом. Но я продолжала его держать, надеясь, что он успеет обернуться раньше, чем откусит мне голову.

Все это время я не переставала плакать, пуская слезы в пушистый белый мех. Боль в пробитой конечности, мир, в который мы попали, путь валькирии, навязанное замужество — все это отступило в тень. В моей голове была лишь одна-единственная мысль, что Джека нужно удержать во что бы то ни стало. Поглощенная этим, я не сразу почувствовала теплое касание кожи к моему лицу. Джек вновь стал человеком, этот человек обнимал меня и поглаживал по спине, приговаривая:

— Тише, тише, судьба моя.

Я слабо улыбнулась сквозь слезы:

— Арьянэт, Джек, меня зовут Арьянэт.

В его крепких объятиях я чувствовала себя в безопасности. Уютное спокойствие, наполнившее мою душу в тот момент, я не ощущала, казалось целую вечность, с Вирипурии. Но одно лишь неосознанное движение привело к тому, что ногу пронзила резкая боль, из-за которой я дернулась и устало уронила голову оборотню на плечо. Из глаз вновь полились

слезы, запас которых казался бесконечным.

Но человек, резко распахнувшей дверь, разрушил стену, которой мы отгородились от всего мира, своим появлением и словами:

— Не двигайтесь, и я не причиню вам вреда.

В воздухе разлился знакомый тонкий аромат, который касаясь ноздрей, едва уловимо охлаждал их. Свет, ворвавшийся вместе с мужчиной, ослеплял и в первые мгновения мешал разглядеть вошедшего. Но бесцветный голос, в котором не угадывались ни подобающая моменту осторожность, ни ярость мог принадлежать лишь одному человеку. Мне понадобился лишь беглый взгляд привыкших к свету глаз, чтобы убедиться в том, что каким-то невероятным образом, мое предположение оказалось верным.

— Хокен?

Вместо ответа Главный гончий сделал шаг к Джеку, еще державшему меня в объятиях, и молниеносно ударил его кулаком по лицу.

— Хокен! Что происходит? — от шока голос сделался тонким, как мышинный писк.

Но оборотень уже взвился и с быстротой принял облик гадюки. Со зловещим молчанием он бросился на моего жениха и почти успел укусить, замерев всего в одном ногте от обнаженной кожи, под разорванным рукавом. Очевидно, Гончий использовал тоже заклинание, что применил к волку, от которого меня спас в лесу. Я успела заметить, что он был в кафтане, который я ему сшила из добытой шкуры несколько дней назад, хотя казалось, что прошла целая вечность. «Не был ли тот волк оборотнем?» — промелькнуло у меня в голове.

Однако на этом Хокен не остановился и стал сжимать горло змее, гипнотизируя ее своими синими пламенными глазами. Дыхание перехватило, будто твердая мужская ладонь сомкнулась на моей шеи. Я попыталась подняться, уже свыкнувшись с тупой пульсирующей болью в ноге, встала во весь рост и вlepила своему жениху звонкую пощечину. В этот жест я вложила все свое негодование, но при этом оперлась на больную ногу и с криком упала обратно. Лицо моего жениха было маской, которую отняли у какой-то ледяной скульптуры. Когда оно резко повернулось в мою сторону, трудно было поверить, что эти черт принадлежат живому человеку из плоти и крови.

Я не была уверена, что отрезвило его больше пощечина или крик, но змею-Джека он выпустил, хоть тот так и остался висеть замершим в воздухе. Мсье Ривз наконец-то обратил внимание на меня.

— Тебе больно, — заметил он, присаживаясь. «Погода сегодня очень приятная», — могла бы таким же голосом сказать я в светской беседе. Хотя выражение лица у меня все-таки было бы более приятным.

— Вы очень наблюдательны, не зря вы занимаете высокий пост, мсье, — нога продолжала пульсировать, отчего тон голоса, должный быть ядовитым, звучал скорее как усталый. Я до сих пор опасалась смотреть на рану, заранее содрогаясь от того, что могла там увидеть, а потому сдалась и мирно добавила, — нужно промыть и перевязать, но у меня нет для этого необходимых средств.

— Что ж, зато я могу наложить тебе жгут из твоего любовника.

В другой раз я бы порадовалась тому, что мне вновь удалось вывести мсье Ледышку из равновесия, что чувствовалось в том, как его холодный тон резал, причиняя физическую боль. Но тогда меня занимало другое. Этот человек, будучи всего лишь навязанным женихом, позволял себе вольности в адрес моего верного друга и защитника. Все мое

существо закипало от ярости, которая лопнула, как гнойник, при словах:

— Ты ведь все еще остаешься моей невестой.

— Отпусти его сейчас же! — звук, вырвавшийся из моего рта, разительно отличался от того легкого голоса, которым я разговаривала всю жизнь. В нем слышались и рык, и шипение, и даже свист ветра.

Хокен Ривз смотрел на меня обычными фиолетовыми глазами, а на его лице недоумение смешалось со страхом и удивлением. Однако мои слова произвели эффект не только на него. С Джека слетело сковывавшее его заклинание, но форма оборотня осталась. Будто этого и дожидаясь, он вмиг преодолел разделявшее их расстояние и укусил Главного гончего один раз в руку и тут же второй раз в щеку. Сделав это, он вновь превратился в человека и занес кулак для удара, который мой жених успел отразить. На завязавшуюся драку я смотрела из-под полуопущенных век. Последние силы, что остались после пребывания в мире нелюдей, ушли на сильный эмоциональный всплеск. Я устало смежила веки, под звуки ударов. Одна часть меня хотела вновь вмешаться, но она угасла, как и остальные, растворившись в мягкой окутывающей тьме.

— Ты должен уйти, — в голосе говорившего клокотал еле сдерживаемый гнев.

— Я уйду только вместе с ней, — у собеседника первого голоса чувства были точно такими же.

Мне хотелось зарыться в подушки и попросить их замолчать, но во рту так пересохло, что вернуться обратно в сон не получалось. В этом сне я, Джек и Лисса гуляли по освещенному луной саду пансиона и разговаривали обо всем на свете. Я до сих пор слышала звонкий смех подруги, когда оборотень ради потехи превращался в утконоса или ехидну.

— Воды, — это слово я просипела, да так тихо, что сама едва разобрала.

Джек стал рыться в рюкзаке, а я, окончательно проснувшись, села. Оборотень где-то раздобыл одежду, которая, на мой взгляд, создавала несколько распущенный образ, но, тем не менее, очень ему шла. Черный замшевый пиджак с розовой шелковой подкладкой был надет на голое тело. Пуговицы на нем были сорваны, отчего тот не застегивался и открывал на обозрение смуглую мускулистую грудь и выделяющиеся мышцы живота. Прямые черные штаны были заправлены в высокие сапоги с серебряными пряжками в виде маленьких молний. Такая же молния красовалась на поясе.

Когда он отыскал фляжку и протянул ее мне, я с удовольствием напилась. Закончив, я потянулась и принялась осматриваться, стараясь не глядеть на оборотня, который, преобразившись, сильно привлекал к себе внимание. Оказалось, что я лежу на низкой деревянной кушетке, по всему основанию которой были вшиты подушки. Мы находились в небольшом шатре, тканевые стены которого были полосами выкрашены в желтый, зеленый и синий цвета. Из обстановки внутри были только два походных стула, на которых сидели Джек и Хокен Ривз, с обеих сторон моей лежанки.

— Я снова дома? — с надеждой спросила я своего жениха, глаза которого вновь полыхали синим пламенем, но я, уже наученная опытом, смотрела несколько мимо, на ухо с перламутровой жемчужиной.

— Да.

Взгляд упал на ногу, на которой не осталось ни следа от стрелы, которая по ощущениям прошила ногу насквозь. И тут меня осенило, я вопросительно уставилась на Джека. Он только улыбнулся и кивнул.

— Эксперимент, — сорвалось у меня.

Моего жениха, судя по всему, выводило из себя то, что мы обмениваемся взглядами. Чтобы вновь обратить внимание на себя, он холодно бросил:

— Твое путешествие окончено.

Эти слова повисли в воздухе. Я прислушалась к своим чувствам, но ни облегчения, ни радости не было.

— Но я ведь ничему не научилась, — осторожно заметила я.

— Это значит, что ты станешь моей женой.

Джек, услышав эти слова, взвился.

— Может быть, прежде заслужишь ее добровольное согласие? — его миндалевидные зеленые глаза с длинными черными ресницами искрились праведным гневом.

Мне вспомнилось, как еще день назад я подобным образом отчитывала его самого. На Главного гончего такой трюк, однако, не произвел никакого впечатления, поэтому я тоже решила уточнить.

— В какой момент, мсье, Ваши чувства ко мне вспыхнули? Что-то я не припомню подходящих ситуаций.

— Когда увидел, что ты обнимаешь незнакомого мне голого мужчину, — он бросил это так резко, что даже его бесцветный тон приобрел некоторый оттенок.

Меня такие перемены лишь только позабавили, и я как бы ненароком обратилась к Джеку.

— Мсье Ривз сейчас сказал, что отказался от предложенного пирожного из-за нежелания его есть, но оно ему срочно понадобилось, когда пирожное захотелось съесть кто-то другой. Я ничего не путаю?

— Все так, — оборотень покивал.

Хокен промолчал, спрятавшись за своей извечной маской, и мне очень захотелось вновь ее сорвать, чтобы увидеть его истинные эмоции, которые он, судя по всему, привык не контролировать. Но я чувствовала, что сил на то, чтобы вновь бушевать, у меня сейчас не хватит.

— Однако мое мнение о тебе не имеет никакого значения. Я вернулась в этот мир, потому что сюда меня привела дверь. Браслета у меня больше нет.

Глава десятая

Некоторое время Главный гончий сохранял угрюмое молчание, но то, что мы с Джеком заболтались, вовсе забыв о его существовании, заставило жениха заговорить. Как выяснилось из его рассказа, после перехода мы появились на окраине столицы, граничащей с Борком, где в тоже время происходила облава на разбойников. Преступники обосновались в пустых деревянных развалинах, оставшихся от какого-то поселения. Когда всех нарушителей порядка загнали или убили, Хокен Ривз пошел проверить сарай, в котором во время бойни заметил движение, где обнаружил нас.

— Как же так произошло, что мы вышли из системы переплетения обломков миров?

— Как так произошло, что оборотень попал в это переплетение? — вместо ответа мсье Ривз задал встречный вопрос.

У меня, как и, видимо, у него, ответа не было.

Я попросила Джека подать мне рюкзак, в очередной раз скользнув по его полуобнаженной груди, и развернула карту. На ней, подтверждая слова моего жениха, раскинулась столица. Я нашла княжескую усадьбу и наш пансион, связанные паутинкой улочек, магазинчики и ярмарочную площадь (мимо которой мы с Хокеном проходили, когда прошедшим отбор участницам устроили встречу с женихами). Нужная дверь находилась в том самом секретном молочном баре.

Я вскинула глаза на своего жениха, точнее на его маленькую жемчужную сережку. Рассудок во мне боролся с желанием вновь вклеить ему пощечину.

— Мсье Ривз, Вы не хотите принести извинения за свое поведение, не подобающее человеку вашего звания?

Боковым зрением я заметила, что он смотрит мне прямо в глаза. Клокотавшие во мне эмоции убедили меня принять этот вызов. Пронзительно желтые глаза встретились с беспокойным синим огнем, но от прежней замороженности осталась лишь слабая тень, которая вскоре тоже исчезла. То, что происходило в тот момент, можно было скорее назвать прикованностью. Ведь мы смотрели друг на друга, не отрываясь, будто наши кто-то пришил наши глаза, лишив возможности отвести взгляд.

В тот момент, неотрывно глядя в глаза собеседнику, я была уверена, будто всегда знала, что теперь в сияющую голубую сеть попаду не я. Несколько мгновений ничего не происходило, но вдруг синий огонь в глазах его маски стал стекать ко мне по тоненьким дорожкам, появившимся от соприкосновения наших взглядов. Синее пламя утекало из его глаз в мои, отчего в сердце разливалось удовлетворение. Маска исчезала вместе с огнем, и теперь я видела напротив себя обычное мужское лицо, выражавшее неподдельное изумление происходящим. Теперь в моей сети был он, и это мне пришлось разрывать зрительный контакт, чтобы он мог скинуть оцепенение.

— Ты поможешь нам.

Все складывалось как нельзя более удачно. Я старалась не думать о таинственной силе, растущей во мне день ото дня, с тех самых пор, как сняли печать. Оставалось надеяться лишь на то, что дальше все будет происходить также хорошо или даже лучше, но внутренний голос был иного мнения по этому вопросу. Я молила богов о том, чтобы оставшейся в запасе удачи хватило на задуманное: отыскать подругу и втроем вместе с оборотнем переместиться в

другой мир.

Первым препятствием на пути претворения этих планов в жизнь был существовавший шанс того, что Мелисандру все-таки отыскали и вернули жениху. Это можно было уточнить у человека, который знает наверняка, а именно у Главного гончего. Но такие расспросы неизбежно вызвали бы подозрения, потому спросить я не решалась. Мы уже полдня скакали на лошадях в центр столицы, оставив отряд разбираться с разбойничьими тайниками, когда я кое о чем вспомнила, до чего руки прежде не доходили, слишком много всего навалилось.

Подгадав момент, когда мы остановились на привал, чтобы поесть и дать отдых лошадям, я подошла к своему жениху.

— Мы можем поговорить в сторонке? — спросила я, требовательно глядя прямо в глаза.

То, каким неподвижным сделалось лицо моего собеседника, и его остекленевшие глаза напомнили мне о новообретенной способности. Пришлось оценить красоту красной хвои деревьев хели, чтобы услышать ответ:

— Да, конечно, — он потупился.

Теперь, когда его лицо лишилось прежней каменности, которая была при нем столько (неизвестно сколько) лет, Главный гончий выглядел растерянным и будто помолодевшим.

Мы отошли от дороги и немного углубились в лес, оставив оборотня с лошадьми. Тот чувствовал себя с животными комфортно, и я отчего-то была уверена, что обществу Хокена Ривза он предпочел бы общество коня. А мой жених в обстоятельствах выбора сделал бы тоже самое. От этих мыслей я усмехнулась, ведь ему никто не давал и не собирался давать какой-либо выбор.

Когда мы остановились в окружении одинаковых коричневых стволов, я завела разговор.

— Я хотела спросить, какой смысл в себе несут те подарки, которые ты прислал мне накануне начала моего путешествия?

Теперь, когда его лицо, не скрываясь, показывало всему миру фиолетовые глаза я, не опасаясь, смотрела прямо в них. Приходилось отучиваться от привычки смотреть в глаза, потому что в таком случае ответа приходилось ждать долго.

— Серьги абсолютно обычные, я думал, что подарить тебе в ответ, и они очень удачно попались мне на глаза, — тут он замолчал, разглядывая землю у себя под ногами.

— А что с плечевым браслетом, который стал татуировкой?

Он молчал, продолжая смотреть себе под ноги. Румянец, окрасивший его щеки, выглядел удивительно, учитывая то, что я привыкла видеть постоянную малоподвижную маску. Но это примечательное событие не могло меня отвлечь, внутри вновь поднимался гнев.

— Говори, Хокен! — в моем голосе послышались отголоски окрика, сорвавшего в прошлый раз все заклинания вокруг.

— Я...я. Это метка. Я пометил тебя. Эта татуировка должна была не позволить тебе вступить в связь с кем-то кроме меня.

— Пометил меня? Как скотину? — я, казалось, увеличивалась в размере с каждым словом. Хокен упал на колени, беспомощно глядя на меня снизу вверх.

— Янэт, — раздался позади окрик. Кто-то бежал, ломая валявшиеся ветки. — Арьянэт!

Мягкий голос Джека, в котором были заметны нотки беспокойства, отвлек меня. Подойдя, оборотень тихо проговорил:

— В тебе прсыпается неизвестная нам сила, не давай ей завладеть тобой.

Он раскрыл свои объятия, на что я хотела ответить чем-нибудь едким. Но вместо этого всхлипнула и прильнула к его теплой груди.

— Он пометил меня, как корову, — всхлипывала я, пока широкая ладонь успокоительно поглаживала меня по спине. — Я ненавижу его! Ненавижу!

— Арьянэт, — подал голос виновный, на что я сразу взвилась:

— МИСС ЖЕЛТОСВЕТНАЯ!

Он хмыкнул, но исправился совсем иначе.

— Моя госпожа, я хочу служить Вам.

Я, не веря своим ушам, повернулась в объятиях Джека, пытаясь ладнонью утереть слезы.

— Н-но почему?

Хокен стоял на одном колене, покорно склонив голову.

— Вы избавили меня от проклятья. Эта маска, которую вы сорвали с моего лица, была прощальным подарком одного человека, которого я убил, защищая свой дом от его шайки еще в детстве. Она постепенно копила силу и должна была забрать мою душу по разным прикидкам через срок от трех до десяти лет. Но теперь этого не случится. Вы спасли мою жизнь, и теперь она в вашей власти.

Я испугалась.

— То есть, теперь она станет высасывать душу из меня? — я в ужасе шмыгнула носом, который покраснел бы от рыданий, не будь он темно-синим.

— Сомневаюсь. Ведь Вы подчинили себе маску, оставив только магию взгляда.

Я посмотрела на оборотня, тот утвердительно кивнул.

— Твои эмоции, как и прежде, легко читаются по твоему прекрасному лицу, да и с глазами ничего необычного не произошло, — такое расхождение сбilo меня с толку.

— Не поняла.

Джек замялся, подбирая слова:

— Я понимаю, что они стали другими, но не вижу этого, — на лице его крупными буквами была неспособность сказать лучше.

Это было неважно, потому что и без витиеватых объяснений, мне стало понятно, что он хочет сказать, поэтому я обернулась обратно к своему бывшему жениху.

— А как же твоя служба Великому князю?

— Он не станет искать меня в другом мире, моя госпожа.

Я опешила от избытка информации и немного помедлила с ответом. Помощь Главного гончего могла понадобиться нам, хоть я и толком не знала, в чем заключаются его способности. Но плохое службу нам троим могла сослужить его новая выходка. Успокоив себя тем, что при необходимости, освобожу свой гнев и размажу его внутренности по земле, я высвободилась из теплых дружеских объятий оборотня. Выпрямившись, я торжественно произнесла:

— Я принимаю твое предложение. Встань, Хокен Ривз, — и обыденно добавила, — и сними с меня эту омерзительную метку.

Он не торопился вставать.

— Моя госпожа, она останется с Вами до конца жизни.

Я одним рывком преодолела разделявшее нас расстояние и, насильно подняв его лицо за подбородок левой рукой, собрала правую в кулак и ударила его в глаз. От этого действия у меня заболела кисть, но я сделала еще два удара, прежде чем непривычная боль стала невыносимой. Я отошла, тряся побитой конечностью, а Джек неожиданно для меня помог

Хокену подняться.

— Судьба моя, ты заметила, что стала подвержена сильным эмоциям?

Я устыдилась. Оборотень проявлял чудеса благоразумия и, хоть ему не нравился мой бывший жених, понял, что теперь им придется работать в команде. Я постаралась взять себя в руки.

— У меня к тебе есть несколько вопросов. Ты искал Лиссу? Ты нашел ее? — когда я произнесла это вслух, слова повисли в воздухе, будто топор над моей головой. Мне стало страшно, я не хотела слышать ответа, я не хотела слышать, что ее отдали как игрушку мсье Лягушонку и его старику отцу.

Хокен посмотрел немного в сторону от меня (привычка, которую я, к сожалению, не получила вместе с маской), его левый глаз стал понемногу заплывать.

— Я искал ее и, конечно же, нашел. Но, — воображаемый топор упал, остановившись на волосок от моей шеи, — я сделал вид, что не знаю, где она. — Он усмехнулся, — я надеялся, что, когда, Вы узнаете о метке, это несколько смягчит Вашу немилость.

От облегчения я засмеялась, краешком разума, понимая, что вновь поддаюсь быстро меняющемуся настроению.

— Называй меня Арьянэт, мне все-таки претит это подобострастное обращение, которым ты пользуешься. Где она сейчас?

— Работает помощницей в швейной мастерской недалеко от пансиона, в котором вы с ней обучались. Называет себя Азалией Долгоцветной.

— Значит, та книга была намеком? — меня вновь охватил порыв ударить его, но усилием воли я сдержалась.

— Лишь отчасти, я просто хотел скрасить тебе жизнь своим подарком.

Вместо того, чтобы вновь избивать Хокена, которого я начала считать виновником всех своих бед, я сняла сережки и бросила их на землю. Хотела еще достать изодранную книгу, все еще лежавшую у меня в рюкзаке и сжечь ее, но наткнулась на осуждающий взгляд зеленых глаз и поняла, как истерично выгляжу. Слово взял Джек.

— Как мы доберемся до ее подруги незамеченными? Арьянэт со своей бесспорно прекрасной индиговой кожей будет выделяться на фоне горожан, если они все такие же белокожие как ты.

— У меня есть идея, — сказал Хокен, и мы стали обсуждать план.

Для начала мы решили, и мне пришлось смириться, что я не могу пойти за подругой, потому что неизбежно привлеку к себе внимание.

— Не столько кожей, сколько меткой. Тебе в резиденции поставили отслеживающую метку, помнишь? — спросил бывший жених.

Я посмотрела на руку. Прежде метку перекрывал браслет, но, когда я с его помощью вернула голубоглазую первую домой, она еще красовалась у меня на запястье. Я даже помню как рассматривала ее, пользуясь ночным зрением. Теперь, однако, трех черных черточек не было. Хокен сильно удивился, но предположил, что она слетела в тот самый момент, когда я сорвала своим гневом все заклинания вокруг. Но, тем не менее, они с Джеком настояли на том, что я все равно привлеку к себе внимание. У меня в голове, как это часто бывает, созрел вопрос совсем не на ту тему, о которой мы говорили.

— Разве твоя бравая команда, вернувшись, не расскажет Великому князю о том, кого ты нашел в сарае?

— Они расскажут, только это произойдет дня через два. Я отправил их в Ликатарт с

остановкой в Борке. За это время, я надеюсь, мы успеем отсюда уйти.

Дальше стали обсуждать кандидатуру самого бывшего гончего, после чего сошлись на том, что его лицо хоть и не известно народу, и без пламенеющих глаз выглядит совсем иначе, все же известно и тоже может привлечь ненужное внимание. Мы устали на оборотня, и тот сказал, обворожительно улыбнувшись:

— Конечно, я вас выручу. Только вот как я доберусь до места назначения и узнаю Азалию?

— Отправишься с картой, — вот здесь, — я указала в нужное место, — и есть нужная тебе мастерская. Скажешь, что ты привез букет для прекрасной Азалии Долгоцветной. В букете будет записка, в которой мы напишем, куда ей следует подойти.

— А если записку прочитают?

— Я бы хотела сказать, что мы с ней с самого начала обучения пользуемся личным шифром, но, увы, это не так. Придется тебе передавать ей букет лично и настоять на немедленном прочтении, тебе, мол, нужно отвезти отправителю устный ответ.

— В записке, мы сразу укажем что-нибудь, бросающееся в глаза, например, ее настоящее имя. Однако нужна информация, которая известна только вам двоим, чтобы она не подумала, что ее нашел я и решил устроить изошрённую западню, — Хокен Ривз проявлял в обсуждении активность, всем своим видом показывая, что он полезен.

Я немного подумала и улыбнулась, вспомнив.

— Когда мы впервые увиделись, она боялась теней, а ей я сказала, что если она возьмет меня за руку, то тени ее не увидят.

— Отлично, — мой бывший жених, сиял, как начищенное блюдо.

Мой бывший жених достал из седельной сумки и принес мятый пергамент и самопишущее перо. Мы принялись за составление записки, решив, что писать буду я. Но, тем не менее, они с Джеком настояли на том, что я все равно привлеку к себе внимание. Мелисандра знала мой почерк, и для нее эта деталь должна была послужить еще одним доказательством того, что Джек отведет ее ко мне.

Здравствуй, дорогая Лисса!

Юноша, что принес тебе цветы, мой добрый друг, Джек.

Он будет ждать тебя в булочной за углом.

Приходи туда после работы, и он приведет тебя ко мне.

Мы вместе сбежим из этого мира туда, где Чигер отыскать тебя не сможет.

Если ты согласна, скажи ему: «Возьми меня за руку и тени не увидят тебя».

Жду встречи, твоя Арьянэт.

Неизвестная глава

Солнце неохотно клонилось к закату, также как и сотни раз до этого. Большой красный диск медленно исчезал, растворялся в соленом море. Женщина, глядевшая из окна маленького, но крепкого домика на песчаном берегу была уже немолода. Бывшие некогда густыми волосы поредели, и коса, собранная из них стала тонкой. Она висела жалкой ниткой между худых бледных лопаток, которые упрямо не желали загорать. Вокруг глаз залегли несколько глубоких морщин, окруженные сеточкой маленьких. Высокий лоб прорезала глубокая складка, а прежде уверенные сильные руки начинали понемногу трястись.

Неподалеку в песке играли такие же бледные дети: три мальчика и лишь одна девочка. Аризна смотрела на них с благоговением. Она переезжала с места на место уже несколько раз. Остров, окруженный Большим морем, казался бесконечным, что неудивительно, ведь искать новое место, жрице приходилось пешком. В разных селениях ее принимали по-разному. В некоторых, как и в первом, при виде ее необычной внешности люди приклонялись и сами стремились возвести ее на божественный пьедестал. Когда такое произошло впервые, женщина сильнейшим образом возмутилась безграничности невежества этих существ. Она уже хотела возмутиться и завести прочувственную речь о том, что есть лишь один Истинный бог, и нет нужды искать ему замену. Но вовремя подоспевший дерилидос, изменил ее намерения.

— Остановись, дитя, — на этот раз он не явился сам, звуча лишь голосом в ее голове. — Словами ты ничего не добьешься, оставь этих созданий в темноте их невежества. Их любовь лишь поможет твоей миссии. Ты помнишь, в чем твоя миссия, — последние слова звучали как далекий шепот, после чего дерилидос ушел.

В таких селениях было легче всего исполнять Божью волю. Жены охотно отпускали мужей в храм Аризны, который снова и снова возводился для этих целей. Они даже с радостью возились с ее детьми. Но были и другие места, где ложные идолы пустили свои корни слишком глубоко. Там ее принимали настороженно, а зачастую и грубо. Этим заблудшим существам было нечего противопоставить дару, который жрица получила от Истинного бога, потому рано или поздно все сводилось к одному и тому же. Аризна рожала детей так часто, как только могла, видя, как с каждым разом все сильнее обвисают ее упругие груди и становятся редкими блестящие густые волосы.

Но служение Ему было куда важнее прелестей тела. Потому, стоило дерилидосу вновь объявиться, она отводила детей к их отцам и уходила, чтобы осесть в новом месте и там продолжить свое дело. Прежде она пыталась считать, сколько последователей произвела на свет, но годы ослабили ее память. Попытавшись однажды припомнить, на каком числе она остановилась в прошлом году, она осознала, что не может этого сделать. После этого случая она считала лишь тех детей, что в тот момент находились при ней. Она уже свыклась с мыслью, что Он отправляет ее следовать дальше, когда их количество приблизится к шести, но прежде обязательно должен был родиться мальчик.

Однажды она провела на одном месте десять долгих лет, рожая лишь девочек, пока, наконец, появившийся младенец не раскрыл свои темно-фиолетовые глаза. Аризна давно

поняла, что цвет глаз ее отпрысков является половым различием: у девочек были кроваво-красные, у мальчиков — фиолетовые. В деревушке, в которой она остановилась в последний раз, по прикидкам ей пришлось бы прожить еще пару лет, если только природе не будет угодно подарить ей двойню.

Аризну грели мысли о том, что ей еще некоторое время не придется искать новое место. Дар Истинного бога был бесценным и невероятно могущественным, но, даже не смотря на это, годы постепенно брали свое. Для ее привычных затвердевших ступней пеший переход не стал бы испытанием, но душа жрицы с каждым разным все сильнее привязывалась к обитателям места, в которое она попадала. Тем сложнее каждый раз было их покидать. К детям, как ни странно, она подобных чувств не испытывала. Они, как и их мать, были слугами истинного бога и имели высшее предназначение. В отличии от людей, таких трогательных в своем несовершенстве.

Например, рыбак Хоборо, пузатый, коротконогий мужчина, который открывал рот только для того, чтобы извергнуть бранные слова, всегда старался поднять настроение тому, кто попадется ему на пути с грустью в глазах или дрожью в голосе. Первый на этом месте сын жрицы унаследовал эту черту своего отца. Его жена Манаква, над губой у которой росли редкие темные усики, без конца ворчала на мужа за то, что тот слишком много ругается, но неизменно каждые несколько дней пекла его любимый пирог с грибами.

Каждый раз, селясь на новом месте, Аризна изгоняла подобные вещи из памяти, но тем дальше, тем труднее становилось это делать. Глядя на бескрайнее синее море и играющих детей, жрица вновь задумалась о грядущем переселении и о том, как тяжело будет вновь привязываться, зная, что придется расставаться скорее рано, чем поздно.

— Я очень горд тобой, дитя.

Дерилидос, как и всегда, стоял укрытый черным плащом, скрывая свое лицо в тени капюшона.

Женщина упала на колени, что отдалось резкой болью.

— Мой господин, — она склонила голову, рассматривая свои руки.

Испытывая благоговейный трепет пред посланником Истинного бога, женщина вновь чувствовала себя молодой и прекрасной, и, что самое главное, живой. Такой живой она себя не чувствовала давно.

— Ты справилась со своей миссией, но все еще нужна нам.

Нахлынувшее от этих слов волнение перехватило дыхание и заставило сердце лихорадочно метаться в груди.

— Пойдем со мной.

Аризна приняла протянутую ей руку в черной перчатке, и спустя мгновение они вновь оказались на вершине башни посреди застывшего моря черного камня. С того момента, как она была здесь, минуло больше шестидесяти лет, но все выглядело так, будто она отвернулась лишь на мгновение.

Преисподняя. Так на картах путешественников по мирам было обозначено это место. Такое название прижилось по той просто причине, что не было известно более негостеприимного мира. В царстве застывшего обсидианового моря не было никакой жизни, лишь вздыбившиеся непроходимым лесом застывшие черные волны. Самым страшным, пожалуй, было то, что, попав туда однажды, выбраться было уже невозможно. По крайней мере, такой способ не был известен среди путешественников. В Преисподней не было ни обжигающего холода, ни плавящего жара, попавшие в плен этого мира, умирали

мучительной смертью из-за отсутствия еды и воды.

Посреди волн, теряясь верхушкой в небе, росла огромная черная башня, видная издалека. В ее основании мог бы поместиться целый город, в то время как на вершине — лишь несколько человек. Сверху это строение, возведенное неведомыми силами, заканчивалось площадкой, огражденной со всех сторон кривыми обсидиановыми перилами, которые ощерились множеством острых зубцов. Все они были разными по размеру, а один даже достигал высоты человеческого роста.

Опершись спиной о заграждение, на вершине сидела согбенная старуха. Ее иссохшую пергаментную кожу покрывали темные пятна, похожие на масляные разводы. Старуха дремала, смежив веки, и таким изможденным казался ее вид, что тот, кто мог бы видеть женщину в тот момент, решил, что она умерла.

Старуха редко становилась посмотреть на открывавший вид. Почти все время она проводила в подземельях, где вместе со своими помощницами проводила обряды, снова и снова пополняя раскинувшуюся у подножия армию теней. Поднималась женщина лишь тогда, когда чувствовала, что Бог зовет ее. Плотно сжав трясущиеся губы, превратившиеся в две тонкие тряпочки, она медленно переставляла слабые ноги, с трудом преодолевая каждую ступеньку.

Столетия назад, когда при ней еще была кожа глубокого нефритового цвета, она сподвигла своего возлюбленного поднять мятеж против ложных богов. Но еще прежде к ней явился мужчина, прикрывавший лицо капюшоном. Бывший гласом Истинного бога, который на древнем языке назывался дерилидос, он помог ей увидеть истину и наградил даром. Дерилидос одаривал ее каждый раз, как она справлялась с возложенной на нее миссией. Она и, как позже выяснилось, еще несколько женщин, тоже ставших жрицами, долгое время рожали детей, исполняя Его замысел.

Дерилидос помог им сохранить жизнь, но не вечную молодость. Потому с каждым взрослеющим ребенком, они все больше состаривались. Когда их чрева истощили способность к деторождению, Истинный бог собрал их в Преисподней для исполнения новой миссии. Теперь они могли поднимать из небытия тени. Аризна не знала, что грядет, но чувствовала, что вскоре их судьба свершится, и вместе с этим придет избавительная смерть.

В Преисподней не было солнца, лишь тусклое небо, неизменно затянутое пеленой тумана. Оттого там не было дней и ночей, время будто вовсе остановило свой бег, в тот же день, когда остановилось обсидиановое море. Если бы там были дни, можно было бы сказать, что каждый день Аризна с другими жрицами вызывали к жизни тени в подземельях под подошвой башни. Обряды были трудоемкими и вынуждали подолгу стоять на старческих ногах, отчего те не переставая болели. Подниматься на вершину по зову дерилидоса, однако, было сложнее всего. Каждая кривая ступенька давалось с таким трудом, что через каждые несколько приходилось останавливаться на отдых. Изможденное тело вел вперед лишь дух, в котором еще горел огонек истиной веры, раздуваемый предвкушением скорой встречи с Ним.

Когда длинный путь привел ее на открытую площадку, женщина осела без сил и стала дожидаться визита. Ждать, как всегда, пришлось долго, и она начала клевать носом.

— Услышь меня, дитя — властно прозвучало в ее голове, разогнав дремоту.

— Я слушаю Вас, господин, — она торопливо преклонила колени, которые от этого

пронзило резкой болью.

— Скоро явиться твоя кровь. Тебе нужно только привести их сюда.

— Слушаюсь, господин.

— Продолжайте призывать теней. Ступай.

Аризна склонилась так сильно и резко, что легонько ударилась лбом о гладкий черный камень пола. Сделав это, она как могла торопливо поднялась и стала спускаться обратно. Когда-то спуски давались ей легче, чем подъемы, и было удовольствием спускаться вниз после долгого пути наверх, но не теперь. Теперь ей приходилось держаться за стены, чтобы кубарем не свалиться вниз. В памяти все еще свежа была боль, которую она испытала, пересчитав головой большое количество ступенек.

В подземелье, как и во всей башни, горели факелы. Хоть у жриц все еще сохранилась способность видеть в темноте, факелы нужны были для теней, будучи важным условием их призыва. Внизу ее уже ждали три таких же ветхих и изможденных старухи, как и она сама. Стоило Аризне спуститься, они вопросительно подняли на нее глаза, слишком усталые, чтобы разговаривать.

— Приближается то, чего мы так ждали, сестры. Скоро придет наша кровь.

— Начнется ли война, которую мы ждем? — прошелестел тихий голос.

— Это мне неизвестно.

Все четверо они уже давно испытывали невозможную усталость от долгой жизни, что дополнительно усугублялось старостью. Изредка разговаривая, они пришли к выводу, что армия теней нужна для войны с лжебогами. Когда же ложные боги будут побеждены, их миссия закончится, и они смогут обрести покой.

Но нужно было снова браться за дело, и жрицы встали в круг и затянули песнь своими тихими скрипучими голосами, призывая к жизни новую тень. Когда старухи призвали в армию четверых новобранцев, по башне прошел гул. Жрицы встрепенулись и засеменили к выходу, к круглой гладкой каменной двери, от которой раздавался стук. Аризне понадобилась помощь всех соратниц, чтобы открыть ее.

Снаружи стояла молодая и прекрасная, как кровь с молоком, девушка и самодовольно ухмылялась. Парень, стоявший рядом с ней, хмурился и молчал.

— Пойдемте за мной, — проговорила Аризна и повела их наверх.

Другие жрицы не захотели оставаться в стороне и поплелись тоже, желая узнать, как скоро разрешится их судьба. Они не говорили с Богом слишком долго и стали думать, что он забыл их. В конце концов, преодолев подъем, старушки высypали на верхнюю площадку и расселись там же на камне, принявшись ждать. Парень же с девушкой остались стоять у входа, на этот раз дерилидос не заставил себя долго ждать.

— Вы пришли, дети мои, — казалось, он не сразу заметил присутствие старых женщин. — Дитя, я не велел приводить остальных.

Услышав такое, они поменялись в лицах, одна из них заговорила:

— Мы хотим знать, когда придет освобождение, — голос ее был тихим, как дуновение ветерка.

— Я дарю вам его.

Высокий человек, одетый сплошь в черное, подошел и коснулся лба каждой по очереди, приговаривая «ты свободна». Последней была Аризна, стоило пальцу коснуться ее лба, как вся сила, которая подпитывала ее жалкое существование последние годы, ушла. На площадке осталось трое живых и четыре иссохших мумии. Новоприбывшие склонили колени.

— Господин.

— Время пришло, вместо вас вернуться тени.

Глава одиннадцатая

ДЖЕК

Хокен и Арьянэт без конца сыпали предложениями, как лучше всего устроить «спасение» Азалии, из-за чего обсуждение затянулось. Мне пришлось их прервать.

— Ребята, та швейная мастерская работает весь день?

Они прервали бурный спор и замолчали. После того, как выяснилось, что мастерская закрывается вечером, меня сразу же снарядили в путь, вручили букет, собранный из полевых цветов и отпустили. Арьянэт выглядела обеспокоенной, и я не смог отказать себе в удовольствии обнять ее на прощание. К счастью, до столицы было рукой подать, потому я надеялся успеть вовремя. Подгоняя коня, я вскоре приблизился к воротам.

Один их вид вызывал недоумение. У меня дома не было ворот, но в книгах рассказывалось про толстые крепостные стены, которые становятся неприступными, стоило закрыть огромные ворота из тяжелого дерева и подпереть их изнутри засовом. Но моим глазам предстала высокая каменная арка без дверей и, что самое удивительное, без стен. Лишь арка, богато украшенная лепниной в виде голов людей и животных. По неровной мощеной дороге я въехал в город, раскинувшийся прямо за аркой. Проехав несколько улочек, я замедлился, чтобы поглазеть по сторонам. А посмотреть было на что.

Я за всю жизнь в своем мире видел только деревянные дома. Дерево считалось светлым материалом, хорошо проводящим энергии природы. Наш народ за многие столетия выработал свою уникальную технику строительства и украшения деревянных жилищ. А в этой столице дома были сплошь каменные и выглядели они абсолютно иначе. Крыши вместо остроконечных были покатыми или вовсе плоскими. Чем дальше я въезжал, тем более красивыми становились строения. Если на окраине они были сложены из серого камня, то дальше количество используемых видов камней прибавлялось, как и людей на улицах.

Вокруг снова мужчины, каждый из которых куда-то спешил и не обращал никакого внимания. Пара девушек проводила меня заинтересованными взглядами, от которых щеки потеплели. Вскоре мне пришлось спешиться и вести лошадь на поводу, держа букет в другой руке. Карта, которую мне дала Арьянэт изображала столицу достаточно подробно, но я все равно умудрился запутаться. Когда я в очередной раз остановился, пытаясь сообразить, каким из трех фонтанов был тот, перед которым я оказался, внутренний голос стал зудеть, что такими темпами я никуда не успею. Махнув рукой на затею с картой, я свернул пергамент и убрал его в карман пиджака. Будто назло, все прохожие растворились в переплетение улочек. Опасаясь заблудиться еще сильнее, я стал ждать, когда дела кого-нибудь приведут на площадь с фонтаном. Появившуюся девушку мне захотелось схватить за руку, чтобы она не ускользнула до тех самых пор, пока все мне не объяснит. Но я сдержал свой порыв и лишь вежливо ее окликнул.

— Мисс, постойте.

Она обернулась, внимательно посмотрев на меня. От ее взгляда я вздрогнул, прежде мне не доводилось видеть такой необычный цвет.

— Мисс, я, кажется, заблудился, Вы подскажете мне дорогу?

Она подошла, голос у нее оказался звонким как серебряный колокольчик и очень приятным.

— Конечно, что Вы ищете?

— Швейную мастерскую, находящуюся недалеко от пансиона мадам Жижинды. Если Вы не знаете, где мастерская, может, подскажите, где пансион?

На мгновение мне показалось, что я уловил во взгляде ее кроваво-красных глаз волнение. Но ее обворожительная улыбка, заставила меня временно забыть обо всем.

— Я знаю, где находится мастерская, как раз иду туда. Вы захотели заказать себе новый костюм?

Она игриво пробежала взглядом по голой коже, которую не застегивавшийся пиджак прикрыть не мог. Против обыкновения, мне не захотелось немедленно прикрыться, я лишь поражался тому, каким красивым сделалось ее лицо от этой улыбки. Я улыбался в ответ, не умея сдержаться, и надеялся лишь на то, что не выгляжу безнадежным дураком.

— Нет, — я выдвинул руку с букетом вперед, — лишь хочу доставить цветы прекрасной даме, работающей там. «Не будь это так необходимо, я бы подарил их Вам», — добавил я в мыслях.

Она опустила голову, посмотрев немного исподлобья, отчего улыбка стала казаться озорной.

— И как же зовут ту прекрасную даму?

— А как зовут Вас?

— Азалия Долгоцветная.

Сердце пропустили пару ударов. Заплетающимся языком я только и смог, что произнести:

— Эти цветы Вам, мисс.

Я протянул ей букет и записку, внимательно следя за ее нежным лицом. Ее красивые глаза вызвали едва уловимое ощущение страха, которое не отвращало, а лишь будоражило кровь, привлекая к обладательнице все сильнее. Пока она взглядом перебежала по строчкам, я заметил, как ее зрачки сузились до булавочных головок, а потом расширились, став еще больше, чем были до этого. По фарфоровым щекам покатались слезы.

— Возьми меня за руку и тени не увидят тебя, — даже ее голос дрожал безупречно.

Вскоре мы уже петляли между домами, быстро дойдя до нужной булочной.

— Я только соберу свои вещи.

— Хорошо, я пока найду куплю хлеба в дорогу, меня попросила Арьянет, — оторвать от нее взгляд было очень сложно. — Жду!

Азалия быстро ушла, напоследок счастливо просияв глазами.

Я смотрел ей вслед, пока тонкая изящная фигура не скрылась из виду. Моя душа трепетала от волнения. Присутствие этой девушки в моей жизни впервые заставило кровь закипеть. Я чувствовал себя, как больной в лихорадке, но это ощущение доставляло неожиданное удовольствие. «Почему же тогда оракул сказала, что моей судьбой станет Арьянет?» Я улыбнулся, вспоминая неизвестный мне прежде цвет глаз и фарфоровую белизну ее кожи. Каждая минута вдали от нее тянулась невероятно долго. Мое тело подрагивало от возбуждения, что как-то успокоиться, я решил заняться делом, которое мне поручила Арьянет.

За прилавком стояла дородная молодая девушка, чей передник был выпачкан мукой.

— Здравствуйте, мисс, — это прозвучало так, будто я пушка, которая стреляет словами.

— Добрый день, мсье, — девушка оробела.

— Мне сказали, — еще два пушечных выстрела, мне самому смущали слух, потому

пришлось применить волевое усилие, чтобы говорить медленнее. Глубокий вдох помог мне в этом начинании. — Мне сказали, — теперь получалось говорить так, будто я кот, который решил завести с пойманной мышью светскую беседу, — что у вас пекут лучший во всем городе хлеб, — я улыбнулся, отчего девушка зарделась, как маков цвет.

— Так говорят, мсье, — она вдруг обнаружила на своем переднике какое-то особенно интересное пятно и принялась его разглядывать.

— И дорожный хлеб у вас тоже есть? — беседа помогала отвлечься, отчего я, наконец, заговорил как обычно.

Судя по всему, я затронул любимую ее тему, потому что девушка подняла голову и, глядя куда-то в сторону, заговорила, переполняемая энтузиазмом.

— Да, уважаемый мсье Мист, владеющий этой пекарней постоянно совершенствует рецепт, добиваясь более долгого сохранения свежести и меньших размеров. Сейчас у нас есть хлеб, сохраняющий свои свойства в течение полугода. Одной такой булки взрослому человеку хватает на двадцать дней! При этом она умещается в ладонь.

Звучало заманчиво, даже лучше, чем описывал Хокен.

— И сколько же стоит этот замечательный во всех отношениях хлеб?

— Один золотой дракон за булку.

Я практически ничего не знал о том, что можно купить на эти деньги. Поэтому с легким сердцем развязал выданный мне кошель и отсчитал четыре монеты. Взяв хлеб, я в ожидании стал расхаживать по заведению. Девушка некоторое время молча разглядывала меня, после чего робко спросила.

— Может быть, мсье, желает присесть и отведать чаю?

Я настолько был поглощен мыслями о предстоящей встрече с прекрасной Азалией, что до меня не сразу дошел смысл ее слов.

— Вы что-то сказали, мисс?

Она густо покраснела и, глядя куда-то себе под ноги, еще тише повторила:

— Может быть, Вы желаете присесть и отведать чаю?

— Благодарю Вас за предложение, мисс. Но, боюсь, что не смогу в данный момент насладиться вкусом чая или какого-то другого напитка.

Я продолжил мерить шагами булочную и, чтобы хоть как-то отвлечься, стал их считать. Помещение оказалось четырех шагов в поперечнике, и мне хватило пройти его еще десять раз, чтобы решить, что произошло что-то неладное. Я вновь обратился к девушке за прилавком:

— Я отлучусь ненадолго, может прийти дама, которая меня сюда привела и... В общем не могли бы вы отдать ей купленный мною хлеб и вот это, — я достал из кармана пиджака кошель и протянул ей.

Она заволновалась, но кивнула, и я бегом выскочил на улицу. День постепенно растворялся в сумерках, и людей на улице совсем не стало, но я все-таки зашел за угол, чтобы не привлечь ненужного внимания. Я достал из другого кармана записку и выложил ее на булыжную мостовую, стараясь касаться ее только кончиками пальцев, хотя и без того запачкал ее своим запахом уже донельзя. Представление образа, привычное умственное усилие и вот я уже стою на четырех лапах, весь обросший шерстью.

Обнюхав пергамент, я с легкостью вычленил запах Азалии. Он был таким же тонким и приятным, как и ее голос, но при этом навязчивым и будто сам лез в ноздри. Собачья сущность рвалась вперед, но прежде я заставил ее съесть записку, на тот случай, если кому-

то написанное в ней могло о чем-то сказать. Пес с неудовольствием подчинился, и как только он это сделал, я отступил в тень, дав зверю волю. Я сразу почувствовал, что скоро будет дождь. Вокруг царило множество запахов прошедших в этом месте за день людей. К ним примешивались запах хлеба и камня, едва уловимые запахи еды и экскрементов, но нужный вел меня, словно ухватив за нос.

В одном из переулков я собирался свернуть направо, но ветер легонькодохнул на меня с другой стороны, заставив ненадолго отвлечься. Однако этого времени хватило на то, чтобы опомниться. В тупике стояло четыре человека, трое мужчин и одна женщина. От пришедшего с той стороны запаха, моя человеческая сущность подняла голову. К Азалии приближались трое незнакомцев с дурными намерениями.

— Ну что, попалась птичка в клетку?

— Что за...?

Я с рычанием бросился на того, кто стоял ко мне ближе остальных и почувствовал вкус крови, вырвав ему кусок мяса на ноге вместе со штаниной. Пока этот противник катался по земле, скуля от боли, другой попытался сбежать. Я прыгнул ему на спину и прокусил горло, крепко сжав зубы на тонкой коже и пальцах, что пытались ее защитить. Его крик эхом отразился от узких стен тупика и был еще слышен тогда, когда его обладателя уже покинула жизнь.

Третий оказался умнее двух других. Он достал нож и, угрожая им девушке, стал подталкивать ее вперед, как живой щит. Я быстрой тенью скользнул у нее между ног и вцепился зубами в его мужское естество. Контроля было достаточно, чтобы понять — он итак умрет от кровопотери, но этот негодяй посмел напасть на женщину, воспользовавшись ее незащищенностью, а потом и прикрываться ею.

Я навис над ним, скаля зубы и тихо глухо рыча. Он держался за свою промежность, слезы катились по его щекам, но он боялся вымолвить хоть слово. Когда я клацнул зубами у него перед лицом, он обгадился. Внимательно рассмотрев каждую черточку его мерзкой физиономии, я решил, что не стану дарить ему быструю смерть и, отвернувшись, отошел. Азалию я нашел совсем рядом, она плакала, съехав по стенке и сидя на холодном камне в своих тонких юбках. Я хотел было обратиться и успокоить ее, как всегда успокаивал Арьянэт, но не смог. С синей девой делать это было просто, как дышать, но трепет, внушаемой мне этой прекрасной дамой, вызывал смущение лишь при одной мысли о подобном порыве.

Я позволил себе только уткнуться мокрым носом в ее щеку, понадеявшись, что вид большого черного пса, который только что убил троих человек, ее не отпугнет. Она замолчала и, убрав руки от лица, внимательно на меня посмотрела. Несколько мгновений мы смотрели друг друга в глаза, после чего она улыбнулась и стала чесать меня за ушами. Я, чтобы ее развеселить (ну и самую малость для собственного удовольствия) упал на спину, подставив животик. Она почесала меня и погладила, но потом встала, отряхнулась и прошептала:

— Прости, песик, но меня ждут.

Стоило ей отвернуться, я вернулся в человеческую форму и сел на корточки, прикрываясь рукой.

— Мисс, постойте.

Она испуганно обернулась, но, рассмотрев в каком виде я нахожусь, успокоилась и зарделась. Румянец великолепно оттенял цвет ее глаз.

— Я оставил кошелек и хлеб в булочной, не могли бы вы их забрать? Я буду ждать Вас у входа.

Сказав это, я сразу же обернулся белым жеребцом, чтобы более не смущать даму моего сердца своим видом. Она вновь улыбнулась, глядя немного исподлобья, и двинулась вперед. Когда она покинула булочную с хлебом, кошельком и, к моему удивлению, охапкой одежды, я присел, чтобы ей было удобнее вскарабкаться, и медленно двинулся по улицам, позволяя своей наезднице править.

Когда мы добрались до стоянки, окончательно стемнело. Но Арьянэт выскочила нам на встречу, было видно, что все это время она не находила себе места. Я вновь присел, позволяя Азалии спешиться с поклажей, и отойдя в сторонку, вернул себе форму, пользуясь прикрытием темноты. Ведь, как я выяснил (прекрасная дева сама прошептала мне это на ухо), подруга Арьянэт не умела видеть в темноте. Я, на всякий случай, обойдя ее сзади, аккуратно забрал сверток с одеждой у нее из рук и отошел, чтобы одеться.

АРЬЯНЭТ

Я не находила себе места, потому что Джек задерживался. Они уже должны были приехать, но, сколько я не смотрела вдаль, они все не появлялись. Хокен пытался меня приободрить, и, возможно, это у него получилось бы, забудь я про его эгоистичную выходку с татуировкой. От его лица, украшенного синяком и имевшего каждый раз виноватое выражение, меня начинало трясти. Поэтому ожидание пришлось провести в напряженном молчании.

Когда глаза уже стали слипаться от усталости, я начала держать их пальцами, но продолжала упрямо смотреть вдаль, откуда должны были появиться друзья. И, когда я уже была готова поехать за ними сама, на горизонте объявился всадник. Меня смутило то, что он был один, но вскоре я смогла разглядеть подругу, и белоснежного скакуна на котором она ехала, хотя тот, на котором отбыл оборотень, был черным. С души свалился гигантский камень и с грохотом укатился куда-то вниз.

Стоило ей спешиться, я накинулась на нее с объятиями.

— Лисса!

— Янэт!

Мы долго стояли, обнимая друг друга и поливая распущенные волосы слезами. Прошло много времени, пока Джек не позвал нас.

— Дамы, вы, наверное, голодны, мы с Хокеном приготовили ужин.

Мы засмеялись и, держась за руки, пошли к весело потрескивавшему костру. Мужчины расчистили небольшую площадку и положили пару бревен, на которых можно было удобно сесть, вытянув ноги к огню. Холод меня не волновал, но от тепла исходило ощущение уюта, которое в нынешних обстоятельствах окрашивало все в добрые тона.

Мужчины поймали и поджарили несколько кроликов, по одному на человека, и даже заварили травяной чай в дорожном котелке. При свете подруга заметила мой новый цвет кожи, для меня ставший уже привычным, и удивленно посмотрела мне в глаза, отчего замерла пораженная. Отведя взгляд, я пояснила:

— Как оказалось, Лисса, я всегда была такой, только скрывалась под маской. Вот этот негодяй, — я указала на Хокена, — который был моим женихом, помог мне от нее избавиться, заодно пометив как свою собственность. Этим он разгневал меня и, непонятно откуда взявшаяся у меня сила, забрала у него эти чудные глазки, — я указала на плясавшие в моих глазах синие язычки пламени.

— О-о-о, — только и смогла вымолвить она и присела на бревно.

Мы приступили к трапезе, мясо оказалось натертым какой-то душистой травой и солью, отчего у него появился замечательный привкус. Я жадно вгрызлась в еду зубами, слизывая сочный жир, капавший с пальцев. подруга была куда более аккуратной. Когда первый голод был утолен, завязалась беседа, и подруга первым делом попросила не звать ее Мелисандрой и производными этого имени.

— Я теперь Азалия, теперь у меня новая жизнь.

Я коротко рассказала о произошедших со мной с момента нашей разлуки событиях, а Лисса (мне было трудно отучиться называть ее так) рассказала о том, что случилось с ней.

— Как мы и рассчитывали, когда сопровождавшие нас гвардейцы заметили твой побег, они кинулись в погоню. Точнее один погнался, а тот, что был в испуганной маске, сначала стал искать своего коня, будто не догадался сразу, на каком ты ускакала. Лекарь вылез, чтобы посмотреть, что произошло. И в тот момент пока молодой гвардеец пытался отвязать коня из упряжки, а лекарь и еле живой от старости извозчик во весь голос обсуждали твой побег, я выскользнула и скрылась в лесу пешком. Думается мне, меня еще долго не хватились, — она достала из маленькой сумки кружку. — Как бы мне чаю налить?

Джек вскочил и, обмотав, руки домотканой рубашкой, налил ей чай, не расплескав ни капли. Оборотень выглядел перевозбужденным, и его слегка потряхивало, отчего я стала переживать, не подхватил ли он какую-нибудь болезнь. Отхлебнув, подруга посмотрела на нас:

— Что, кружек нет?

— Да, пока мы вас ждали, пили чай прямо из котелка, дождавшись пока отвар остынет.

Она, улыбнувшись, протянула кружку мне. Я отпила немного, наслаждаясь приятным чувством, с которым горячее питье проникало внутрь, согревая. Я так увлеклась, что опустошила кружку полностью. Поддавшись внезапному порыву, я взяла горячий котелок голой рукой. Он должен был быть обжигающим, но я вновь почувствовала лишь приятное тепло. Когда я протянула наполненную кружку Джеку, он посмотрел на мою руку, перевел взгляд на лицо, потом снова на руку. Его лицо, с каждым днем обраставшее все сильнее, выглядело крайне удивленным. Я воззрилась на ладонь, ожидая там увидеть как минимум отросший палец, но оказалось, что кожа в месте, где она соприкасалась с котелком, приняла цвет остывающих углей. Длинные смуглые пальцы переплелись с моими.

— Горячо? — спросила я оборотня.

— Нет, просто теплее, чем обычно.

Новообретенная кожа не переставала удивлять, и я с любопытством подумала о том, какие способности еще могу в себе открыть. Мы с подругой могли бы проболтать всю ночь до самого рассвета, но этого не случилось по нескольким причинам. Во-первых, оборотень никак не желал вливаться в беседу, бросая странные взгляды на Мелисандру, а она, в свою очередь, чувствовала себя скованно в присутствии бывшего Главного гончего. И я не могла ее за это винить, ведь ей все это время приходилось жить в страхе, что он отыщет ее и отошлет жениху. Во-вторых, Джек рассказал, что успел натворить в столице, прежде чем уехать.

— Когда тела обнаружат, используют магический поиск и снарядят погоню, — Хокен говорил спокойно, будто это рутина и сущие пустяки, а не угроза того, что в любой момент нас могут отыскать и помешать сбежать.

— Что ж, тогда нам нужно как можно скорее убираться отсюда, — я забрала карту у

Джека, который в новой одежде выглядел иначе.

Теперь на нем была просторная льняная туника, которая закрывала его практически до колен, и грубые черные штаны. С отрастающей бородой он во всем этом походил на простого селянина, однако до конца поверить в этот образ не давало его красивое лицо. Все взгляды были обращены на карту и красную точку, указывавшую нужную дверь.

— И как мы туда попадем? — с любопытством спросила Мели...Азалия.

— Просто придем, — предложила я. — Нас ведь не ищут.

Ответом мне был укоризненный взгляд подруги.

— Может быть, и не ищут.

— Легче всего просто перенестись сразу внутрь, а там уже спуститься по лестнице, открыть дверь и вперед, — мой бывший жених прервал наши препирательства.

Никто не смог что-либо добавить, потому на этом варианте и пришлось остановиться. Мы быстро собрали вещи и сгрудились вокруг бывшего Главного гончего.

— Нам нужно взяться за руки, — лицо моего бывшего жениха было сосредоточенным, и я с удивлением заметила, что украшавшего глаз синяка больше нет.

Однако времени на то, чтобы выяснить отношения не было, и я послушно взялась за теплую, почти горячую ладонь Джека и прохладную ладошку Азалии. В мгновение ока мы оказались за запертыми на ночь дверями бара. Вокруг было тихо, видимо алхимик уже спал в верхних комнатах. Хокен Ривз молча пошел к подвалу, а я с запозданием поняла, что моя подруга, единственная, кто не видит в темноте, и не повела ее вперед, стараясь следить, чтобы она не задела никаких препятствий.

На лестнице движение застопорилось, мужчины нетерпеливо ждали нас внизу, пока мы с ней потихонечку преодолевали ступеньку за ступенькой в непроницаемой для ее глаз темноте. Я вздрогнула, когда она из них издала скрип, в окружившей нас тишине казавшийся невыносимо громким. Мы с подругой замерли, прислушиваясь. Некоторое время ничего не происходило, и я уже облегченно выдохнула, когда наверху послышались шаги. Я подхватила подругу на руки, о чем пожалела почти сразу, но, тем не менее, смогла быстро снести ее вниз.

— Руки, — раздался рядом требовательный шепот.

Мы взяли за руки и забежали в распахнутую дверь. Мне показалось, что я увидела залитый светом луг из окна круглой комнаты, и спящего на маленькой кровати ребенка, но все это рассеялось, словно дым.

Тайная глава

В просторный зал с каменными сводами, ворвался невысокий мужчина.

— Он вмешался!

Голос говорившего эхом прокатился под каменными сводами.

— О ком ты говоришь, Берн? — смуглый мужчина, перебиравший ножи, поднял медового цвета глаза.

— Бойкий, он перехватил их в пути и теперь держит взаперти. Я не знаю, что там происходит, туда не пробиться, — Берн выглядел обеспокоенным.

— Не нужно проверять, чтобы знать, что Бойкий будет делать в такой ситуации, — голос мужчины звучал устало. — Пудрить мозги, это единственное, что он умеет и любит.

Глава двенадцатая

Мы попали в абсолютно пустую серую комнату, стены, пол и потолок которой были выложены из неизвестного мне гладкого материала. Я держала за руку Мелисандру и озиралась по сторонам. Вокруг было четыре двери, на каждой из которых висела дощечка с номером, выведенным с избытком черточек и завитушек. Нас окружали: первая, вторая, третья и четвертая комнаты. Посередине помещения стояла продолговатая круглая тумба. Стоило кому-то из нас пошевелиться, как вокруг зазвучал голос. Он доносился будто бы отовсюду сразу.

— Здравствуйте, дамы и господа! Вы путешественники по мирам, а я вас поймал. Чтобы пройти дальше вы должны сыграть со мной в игру. Магия здесь, кстати, совсем не действует, — радостно заметил голос, когда Хокен стал делать пасы руками. — Вы готовы?

Ответом ему было молчание.

— Ну, готовы или не готовы, не важно. Играть вы будете, — голос выдержал паузу, — или сгниете здесь, умерев от голода и жажды. А может быть от недостатка кислорода, хе-хе.

Что это за «кислород» такой, я не знала, но с каждым мгновением становилось труднее дышать. Я повалилась на колени, хватаясь за горло. Передо мной на пол повалилась подруга, она пыталась разодрать ногтями шею. Что происходило с нашими спутниками, я не видела, но судя по раздававшимся сзади хрипам, им было не лучше. Эта изощренная пытка прекратилась также внезапно, как и началась. Я могла только лежать на прохладном полу, хватая ртом воздух как рыба.

— Вам понравилось, да? Хе-хе, ну что будете играть?

На этот раз мы ответили нестройным согласием.

— Хорошо, — голос, казалось, стал довольным. — Прежде чем мы начнем, Вы должны отгадать загадки. Засовывайте по очереди руки в урну и доставайте задание. Решать можно всем вместе. Поспешите! Хе-хе.

Когда воцарилась тишина, я заговорила, хоть и не сомневалась, что Голос продолжал следить за нами.

— Что делать будем, друзья?

— Думаю, что следовать его указаниям, будет самым верным решением. Ведь как он сказал, он всего лишь хочет поиграть, — предложил Хокен.

— Мне это все не нравится, — сказал Джек.

— Поспешу тебя утешить, нам всем это не нравится.

Пока мы болтали, Азалия подергала за ручки всех дверей.

— Они не поддаются.

— Какие-то еще идеи есть? — уточнила я, хотя сама знала ответ. Все его знали.

— А что, если, заснув руку внутрь, можно ее лишиться? — осведомился оборотень.

Да, это было возможным исходом. Как и то, что решение всех загадок, будь их хоть тысяча, не приведет нас к свободе. Как и огромное множество других событий, на которые мы, судя по всему, повлиять не могли.

— Я засуну руку первой и проверю твоё предположение, — предложила я.

— Нет, судьба моя, я тебе не позволю рисковать своей изящной синей конечностью. Лучше я буду первым.

— Нет, — раздался решительный голос Хокена. — Это сделаю я.

Все взгляды устремились на него, отчего он рассмеялся, не выпустив, по обыкновению, зеленых птичек, что служило грустным подтверждением слов Голоса: магия здесь не работала.

— Не думайте, что я делаю это из благородства, — он хмыкнул. — Я вообще-то с радостью дал бы ему пожертвовать своей рукой, но хочу сделать что-то, что хоть немного загладит мою вину перед тобой. А этот оборотень дорог тебе, в отличие от меня, — он горько усмехнулся, и, не дожидаясь ответа, двумя решительными шагами приблизился к тумбе и сунул туда свою руку.

Спустя мгновение молчания и он произнес:

— Я нащупал что-то похожее на пергамент. Здесь несколько бумажек.

Он спокойно достал руку, на которой теперь красовался тонкий металлический браслет, при виде которого его губы недовольно искривились. Развернув сложенный в несколько раз непривычно белоснежный пергамент, мой бывший жених стал зачитывать вслух то, что на нем написано:

— Маленькая Азалия Долгоцветная, — на этих словах он кинул на Лиссу взгляд, но ничего не сказал, — с детства мечтала стать мастером пера. Она сшивала между собой кусочки пергамента и в этой самодельной книге писала истории, — услышав это, я поперхнулась воздухом и посмотрела на подругу. Та ответила мне озадаченным взглядом. «Откуда Голосу это известно?», — стучалась в голове навязчивая мысль. Хокен продолжал читать:

— В тот летний день она сидела в беседке в саду и воображала новые невероятные приключения. Но ее побеспокоила мама, которая сказала, что хочет познакомить ее с новым другом, — здесь он запнулся. И на некоторое время замер, уставившись на загадку. — У Азалии не было друзей, потому она побежала знакомиться со всей быстротой, на которую была способна и забыла про сшитый пергамент и истории. Забытая книга упала, и, так как она была непрочно сшита, из нее вывалился кусок, листы в котором разметал ветер. Номер страницы, с которой он начинается, записан тремя разными цифрами. А номер страницы, которой он заканчивается, записан теми же тремя цифрами только в другом порядке. От вас требуется найти аддицию цифр числа страниц в этом куске.

Лисса потирала виски.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Звучит очень заморочено, дай посмотреть, — сказал Джек и вырвал листок у Хокена. Сердце колотилось, отдаваясь в голове. Я хотела услышать от подруги, что это всего лишь совпадение, но побоялась спросить. Сделав несколько глубоких вдохов, я успокоила себя тем, что ничего страшного не произошло, и принялась рассуждать.

Обладая хорошим запоминанием на слух, я прокрутила в голове задание, отбросив то, что к нему не относилось.

— Чтобы найти аддицию цифр в числе, нужно знать это число.

— А чтобы знать число страниц в куске, нужно знать номера первой и последней страницы, — подхватил Хокен. — Но мы их не знаем.

— Из этого можно сделать только один вывод: нужное число всегда одинаково, — подала голос подруга, продолжая потирать виски и стоя с закрытыми глазами.

— Хорошо, давайте предположим. Возьмем цифры один, два и три. Они разные, так? — заговорил Джек.

— Так, — сказали мы практически одновременно.

— Из них получится шесть разных чисел и, — он прикинул в уме, — если я не ошибаюсь, пятнадцать разных пар первых-последних страниц. Но, если в результате аддиция одинаковая, то нам достаточно найти субстракцию любой пары.

— Если отнять от ста тридцати двух сто двадцать три, мы получим девять, — закончила его мысль Лисса.

— Мой ответ — «девять», — повысив голос, произнес Хокен.

Голос не удостоил нас ни словом.

— Может быть, ответ неверный? — предположила я.

— Посмотри на браслет, — произнес Джек почти шепотом.

На металлическом обруче, обхватившем широкое запястье, поросшее темными волосами, по кругу появились и засияли цифры девять.

— Хорошо, продолжим, — произнесла Мелисандра и тоже засунула руку в тумбу и вытащила оттуда браслет и кусочек пергамента.

— Летела стая гусей: один гусь впереди, а два позади; один позади и два впереди; один между двумя и три в ряд. К ним присоединился еще один гусь. Вскоре гусыне пришлось сделать остановку, чтобы снести яйцо. Сколько гусей полетело дальше, чтобы поубивать друг друга за право владеть яйцом? — последние слова она произнесла таким голосом, будто не верила, что на пергаменте действительно так написано.

Закончив, она вскинула глаза на моего бывшего жениха. Мне не был виден этот взгляд, но они оба выглядели так, как, думаю, выглядели мы с Джеком, когда понимали друг друга без слов. От такого наблюдения мне стало немного неловко.

— Эм, тебе досталась загадка короче, — Хокен смог лишь выдавить из себя улыбку.

Джек закатил глаза и предположил:

— В моем мире гуси летают косяками.

— В нашем тоже.

— «Один впереди, а два позади», — повторил Джек строчку из загадки. — Мне представляется один гусь впереди, а два по бокам позади него. Но в этом случае дальнейшее не имеет смысла.

— Ты прав, но возможно и другое расположение. Вспомни конец загадки «один между двумя и три в ряд». Помнишь Лисса, — она слегка поморщилась от звуков своего прежнего имени, но перебивать не стала, — мы забрались однажды на крышу пансиона и прятались там весь день?

— Да, тогда крылатки улетали, — она улыбнулась мне и обратилась к мужчинам. — Птицы не всегда летают ровно, — это было сказано Джеку. — Мне в этом случае представляется другое: один гусь впереди, а справа и позади от него еще один, и еще один гусь справа и позади от второго, — это было обращено к Хокену. — Остается лишь прибавить прилетевшего гуся, — и вновь кроваво-красные глаза обратились к оборотню, замерев на мгновение, — и отнять отставшую гусыню.

Она повысила голос и произнесла:

— Мой ответ — «три».

В то же мгновение ее браслет засиял тройками.

Джек тоже вытащил браслет и загадку.

— Представьте, что в вашем шкафу для носков имеется: четыре белых носка в широкую черную полосу, один из которых с дыркой, восемь черных в узкую белую полосу, один из

которых тоже с дыркой, и три коричневых. Сколько носков нужно вытащить, не глядя, чтобы быть уверенным в том, что вы получите хотя бы одну целую пару одинаковых носков? Необходимо назвать гарантированное самое малое число вариантов. Что такое носки? — как бы, между прочим, уточнил оборотень.

— Укороченные чулки, — в зеленых глазах понимания не прибавилось. — Хорошо, тогда представь ботинок без подошвы, сделанный из ткани, получится похоже.

Бывшему Главному гончому надоело ждать, пока мы закончим разбираться с этим предметом одежды, и он вырвал пергамент у Джека из рук.

— Здесь упоминается три разных пары носков. То есть, если достать, не глядя, три носка, то они в худшем случае все могут оказаться разными, но четвертый обязательно составит пару одному из них.

Лисса покачала головой и, подойдя, шепотом перечитала загадку в руках моего бывшего жениха. На этот раз я заметила, что она подошла к нему так близко, как может себе позволить подойти только близкий человек, а Хокен даже ухом не повел. Смотреть на них мне было как-то неловко и я отвела глаза и посмотрела на оборотня. Он выглядел так, будто пытается успокоиться, взгляд его перебежал от двери к двери. Я внимательно посмотрела туда же, но не смогла обнаружить ничего, что могло бы меня взволновать. Я подумала о том, что тоже буду волноваться, когда придет мой черед отгадывать.

— Ты забыл о том, что есть два дырявых носка, — она показала пальцем нужную строчку в тексте. — А пара требуется целая. Получается, что в худшем случае можно вытащить пять носков и не найти целой пары. Гарантированно она получится только при шести.

Услышав это, я улыбнулась, все еще хорошо помня, текст загадки.

— «четыре белых носка в широкую черную полосу, восемь черных в узкую белую полосу», это ведь одинаковые носки.

Джек покивал, поняв мою мысль и, повысив голос, произнес:

— Мой ответ — «пять».

Его браслет засиял названной цифрой.

Глава тринадцатая

Настала моя очередь. Пока я делала те несколько шагов, отделявшие меня от тумбы, мне в голову пришла глупая, но смешная идея. Сунув руку внутрь, я замерла и сделала вид, будто чего-то боюсь, а сама стала смотреть на реакцию. Хокен сдвинул брови, Лисса сделала брезгливое выражение лица, а у Джека округлились глаза.

— Что-то не так? — встревоженным голосом спросил оборотень.

Мне кольнул стыд, но я продолжила претворяться

— Не знаю, — это было сказано тихим шепотом с плаксивыми нотками. — Кажется, там что-то есть, — я переводила испуганный взгляд с одного лица на другое.

Когда оборотень кинулся ко мне, с желанием спасти, я больше не смогла сдерживаться и рассмеялась. У Джека было такое лицо, будто он решил, что я сумасшедшая.

— Простите, — попыталась выговорить я между приступами смеха, — не удержалась.

Я вынула целую и невредимую руку, на которой висел браслет и развернула свою загадку.

— Две прекрасные девы желали сбежать из заточения, но выход охранялся княжескими гвардейцами, — я уже даже не удивилась тому, что текст связан с реальными событиями. — Девы узнали, что стражники выпускают только тех, кому известен шифр. Они спрятались за гобеленом и стали ждать. К выходу прошла прачка. Гвардеец сказал ей «двадцать два», на что женщина ответила «одиннадцать». Одна из девушек предположила, что знает шифр и поделилась этим с подругой. Та покивала и согласилась с тем, что ей стоит попробовать. Тогда, подкрепившись поддержкой подруги, первая девушка вышла. Гвардеец сказал ей «сорок восемь», на что та уверенно ответила «двадцать четыре». Второй гвардеец за это схватил ее и отвел обратно в заточение. Оставшаяся в благостном одиночестве прекрасная дева, стала ждать. Вскоре на пороге появился слуга, которому стражник сказал «двадцать шесть», на что тот ответил «тринадцать» и пошел дальше. Узнав все, что нужно узнца смогла достичь всех поставленных целей: сбежала и избавилась от подруги. Что же она ответила, на «двадцать четыре».

— Ха-ха-ха, я думал, у меня загадка была самой длинной, — рассмеялся Хокен, и я вновь заметила, что зеленые птички больше не появляются.

— Не смейся больше, — бросила я, чувствуя горечь, от этого подтверждения того, что мы находимся взаперти без магии и от прочитанного. В душу закралось плохое предчувствие, но я не решилась бы точно описать, в чем оно заключалось.

Вид у моего бывшего жениха стал виноватым и немного обиженным. Друзья смотрели на меня с разной степенью укоризны. Я собралась было объяснить, что имела в виду, но, вновь взглянув на лицо Хокена, замерла. Черты его, бывшие плавными и изящными, заострились. Ведомая предчувствием я приблизилась, мой бывший жених удивился, но мешать мне не стал. Он попытался помешать только тогда, когда я стала совершать движения, будто снимаю паутину. К своему огорчению я успела закончить начатое прежде, чем бывший жених отвел мою руку. К щекам прилила кровь, а в тоже время в сердце разрастался гнев, я отошла и отвернулась.

— Арьянэт, — даже голос его теперь поменялся, вновь став низким и тяжелым.

— Кто этот человек, Янэт? — спросила подруга.

— А это Младший княжич. Или тот, кто выдавал себя за него. Или тот, кто выдавал себя за Главного гончего.

В тот момент в моей многострадальной головушке сложилась картинка. Выпускницы мадам Люсинды, единодушно выбравшие объектом своего желания Элиона, знание усадьбы и секретов сада, молодой возраст — мсье Ноэль был Младшим княжичем. Непонятным оставалось лишь то, зачем было устраивать весь этот маскарад.

Когда я повернулась, по щекам текли слезы, от очередной неприятной выходки бывшего жениха.

— Кто ты?

Азалия поглаживала меня по спине, Джек стал подходить ко мне с желанием обнять, но замер из-за того, что пара упавших слезинок прожгла пол. Вместо того, чтобы успокоиться, я упала на колени и разразилась слезами еще сильнее. Я плакала, плакала, плакала, пока эту реку не остановила Мелисандра. В то время, как Джек легонько тряс меня за плечо, подруга неласково съездила мне по затылку.

— Арьянэт! — ее ожесточенное лицо появилось в поле зрения после того, как я открыла глаза от этого отрезвляющего удара.

— Да-да-да, разгадаем загадку, выберемся отсюда, а потом наревусь вдоволь.

Я встала и отряхнулась, хоть пол, на котором я мгновением ранее преклоняла колени, был абсолютно чистым. Если не считать больших черных пятен под моими ногами, которых прежде не было. Я отшатнулась.

— Что это?

— Твои жгучие слезки это сотворили, судьба моя, — оборотень выглядел дерганным и нервным.

— Быть может, там внизу что-то есть? Джек, ты можешь принять форму и разбить пол?

В зеленых глазах притаилось сомнение.

— Я попробую, только прежде разденусь. Не хочу снова лишиться одежды и расхаживать потом нагишом.

Мы втроем отвернулись. Некоторое время слышалось только шуршание ткани, после чего еще некоторое время слышалось лишь наше дыхание. Когда я устала ждать и сказала:

— Джек, одевайся уже, — из-за спины раздался клекот.

Позади меня возвышался огромный сапсан, который захлопал крыльями, когда мы на него посмотрели. От этого движения Лисса отпрянула. На одной из его лапок птицы уменьшившийся до размеров кольца браслет. Я улыбнулась, погладив птицу по перьям, и шепнула:

— Попробуй расширить проход, посмотрим, что из этого выйдет.

Клюв его оказался таким крепким, что с легкостью отбивал куски пола, которые проваливались в образовывавшуюся дыру. Пока я собрала разбросанную одежду и сложила ее в стопку, птица проделала немаленькое отверстие и заклекотала, привлекая к себе внимание. Заглянув в получившийся проход, я увидела лишь черноту. Элион-Хокен держался в стороне, виновато понурив голову. Я вспомнила синяк, который оставила на его лице тремя свирепыми ударами, и то, как этот синяк стремительно исчез, когда мы собрались переходить в другой мир. Что-то подсказывало мне, что Хокен убрал его сам с помощью магии, а продолжал некоторое время носить лишь для того, чтобы вызвать во мне чувство вины. От этих мыслей понурое выражение его жесткого лица казалось настолько фальшивым, что оскорбляло мой взор. Стоило поглядеть на эту опущенную голову, как

сбитый кулак начинал чесаться. От разрушительных мыслей меня отвлекла подруга, которая прекратив всматриваться в зияющую черноту провала, обратилась ко мне.

— Как думаешь что там?

Я, нехотя, перевела взгляд и покачала головой.

— Не имею ни малейшего понятия, — тон получился немного резковатым, отчего подруга обиженно надула губы.

Воцарилась задумчивая тишина, которую нарушил голос Элиона, который старался говорить тихо и, как бы, с опаской. Но даже такой, его голос звучал, как падающий валун.

— Можно туда что-нибудь скинуть. Узнаем насколько там глубоко, — сделав такое предложение, он напряженно замолчал.

— Хорошая идея, — пробормотала Лисса и стала рыться в своей сумке, но я остановила ее.

— У меня есть что скинуть.

Я сняла рюкзак и вытащила оттуда потрепанную книгу, которую мой бывший жених подарил мне. Не глядя на него, я вытянула руку над проходом и выпустила книгу из ладони. В тайне я надеялась, что этот жест, хоть и не ранит младшего княжича глубоко, но все же нанесет ему обиду. Мы с подругой мучительно прислушивались, но, кроме шороха страниц, с которым подарок упал в черноту, ничего больше слышно не было. Джек-сапсан заклекотал, прервав наше ожидание, и нетерпеливо переступил с лапки на лапку.

— Кинем еще что-нибудь? — предложила подруга.

— Давай.

Она достала из кошелька тяжелую медную монету и с силой бросила ее вниз. Звук, который мы прождали достаточно долго, так и не появился.

— Джек, возвращайся.

Сапсан вперевалочку зашел нам за спину, и через некоторое время я услышала, как он одевается.

— Будем, значит, загадку разгадывать? — донеслось у меня из-за спины. — Напомни, что у нас там?

Я припомнила текст и, вычленив нужные сведения, стала их пересказывать.

— Правильными ответами были «одиннадцать» на «двадцать два» и «тринадцать» на «двадцать шесть». Неправильным ответом было «двадцать четыре» на «сорок восемь». Нужно ответить на «двадцать четыре».

— То есть дивизия на два актуальна только для чисел от двадцати до сорока семи. Или только для чисел от двадцати до двадцати девяти. Или здесь дело не в дивизии на два, — печально закончила свои рассуждения Азалия.

— По предложенной тобой логике правильным ответом будет «двенадцать», — Элиону, видимо, надоело стоять в сторонке, и он решил быть полезным.

Меня это не тронуло и я обратилась к подруге:

— Что тогда должна была ответить первая беглянка на «сорок восемь»?

Она пожалала плечами, и я продолжила:

— Я думаю, что шифр этот достаточно простой. В нем нет никаких условий, ведь даже прачка и слуга смогли его запомнить. Из чего я делаю вывод, что дело вовсе не в дивизии на два.

— У меня было предположение, — подал неуверенный голос Джек. — Оно оказалось неверным, но, может, кого-то натолкнет на размышления. Двадцать два записывается двумя

двойками. Их аддиция — четыре. Но правильный ответ — одиннадцать.

Мы все вновь замолчали в задумчивости, рассевшись на полу. Умные мысли никак не желали приходить в голову, и я просто рассматривала дыры, которые мои едкие слезы оставили на укороченных ножом штанах.

Вдруг стало трудно дышать, мы переглянулись, и послышался Голос:

— Соскучились? Хе-хе. Я уже заскучал ждать, когда вы закончите, — с каждым его словом воздуха становилось все меньше. — Я жду последний ответ.

Джек рядом со мной прохрипел: «Попробуй «двенадцать». Но моя интуиция обостренная предчувствием скорой смерти, считала иначе. Мысли мои заметались, как испуганные бабочки. «Чего в «двадцать четыре» не двенадцать?».

— Мой ответ — «четырнадцать», — мне тоже пришлось хрипеть, потому что дышать было практически нечем. Последнее слово я произнесла так тихо, что сама его почти не расслышала. Воздух вернулся сразу же, а браслет засиял четырнадцатым номером.

— Хе-хе, молодцы! Надеюсь, мои загадки показались вам любопытными. Вы хорошо справились, поэтому у меня для вас есть подарок. Подарок, от которого нельзя отказаться, хе-хе, — Голос сделал паузу, судя по всему для того, чтобы мы могли помучаться предвкушением. Меня, однако, наоборот обещанный подарок приводил в ужас.

— Перед вами четыре двери, за каждой из которых скрывается, — он сделал небольшую паузу и выделил интонацией последнее слово, — пророчество. Чтобы получить его, нужно выполнить условие. На каждой из дверей табличка с номером, чтобы войти вам нужно поднести свои браслеты определенным образом.

Я находилась в недоумении от того, что этот голос, неизвестно кому принадлежащий, делает нам такой подарок. С одной стороны, нет никаких гарантий, что то, что мы увидим, действительно будет пророческим. С другой же стороны, не каждому в жизни выпадал шанс узнать будущее, хоть и в таком туманном изложении, которым предпочитают пользоваться предсказатели. Голос тем временем продолжал:

— Представим, что есть три браслета с номерами 1, 5 и 17. Их обладатели вместе смогут зайти в комнату под номером «пять». Это достигается аддицией трех этих чисел, а затем аддицией цифр в получившемся числе. То есть обладатели браслетов «1» и «5» смогут зайти в шестую комнату, пока обладатель браслета «17» будет в восьмой. Знать это условие, единственное, что вам нужно, чтобы открыть все комнаты. Как справитесь, я снова вернусь, но поторопитесь!

Когда голос вновь замолк, я уселась на пол у одной из дверей, и бесцельно уставилась перед собой.

— Вспомним у кого что.

Все эти события, судя по всему, доконали и оборотня. Джек старался быть бодрым, но только больше выглядел дерганым.

— У меня — три, — начала Мелисандра, — у Хокена — девять. У тебя — пять, у Арьянэт — четырнадцать, что при вычислении числового корня тоже превращается в пять. Мне думается, что в третьей комнате мое пророчество.

Голос ее звучал так уверенно и возбужденно, что я почувствовала острую необходимость вмешаться. С неохотой выйдя из оцепенения, я попыталась ее предостеречь.

— Тебе не стоит идти туда одной, давай прежде проверим, не сможет ли кто-то пойти туда вместе с тобой.

Хокен подал голос:

— Нет нужды проверять. Мое число — девять, оно не меняет числовой корень. С тобой пойду я, — во взгляде его фиолетовых глаз я прочитала нечто такое, что мне подумалось, будто мой бывший жених только и искал повод уединиться с моей подругой.

Я хотела запротестовать, сказать, мол, не стоит торопиться, но лишь устало махнула рукой. Лиссе, казалось, нравится его внимание, потому я решила оставить свои мысли при себе, чтобы она не подумала, что я ревную. Они подошли к третьей двери и поднесли к ней свои браслеты, отчего цифра три на дощечке тускло засияла. Подруга дернула за ручку, и дверь поддалась, медленно открывшись внутрь и обнажив темноту комнаты, в которой угадывались очертания предметов. Умение видеть в темноте стало для меня таким привычным, что невозможность увидеть, что находится в той комнате, меня испугала.

Не успела я открыть рот, чтобы попросить их не идти в непроницаемую темноту, как Лисса-Азалия, не раздумывая, сделала шаг за порог. Сразу за ней внутрь зашел Хокен-Элион. Дверь сразу же закрылась, и номер на ней перестал сиять.

— Ну что, Джек, — я устало вздохнула, — дождемся их или пойдем в первую комнату?

— Пошли, — он очаровательно улыбнулся, — пророчество ждет.

Тайная глава

В уютную гостиной, где вся мебель была искусно вырезана из дерева, сидели двое мужчин.

— Почему ее все еще нет?

Престарелый мужчина нетерпеливо стучал по столу шестью пальцами.

— Их задержал Бойкий, — его смуглый собеседник безучастно смотрел на кружку с горячим чаем, от которой исходил пар и неосознанно поглаживал вытянутый сверток, лежавший у него на коленях.

Высокий лоб хозяина дома собрался морщинами, над кустистыми поседевшими бровями.

— Я надеюсь, — начал было он, но гость прервал его усталым жестом.

— Я не знаю, Перитас, не знаю. За все годы, что я прожил, мне встречался более сложный для сотрудничества человек. Я уповаю лишь на то, что Создатель неспроста сделал его именно таким, — он покачал головой и положил на стол сверток. — Я принес кое-что.

Старик развернул ткань и окинул быстрым взглядом вещь, скрывавшуюся под ней. От увиденного брови у него поползли вверх.

— Но это же, — Перитас замолчал, ошеломленно глядя на своего гостя.

— Да.

ДЖЕК

Арьянэт говорила бодро, но ее внешний вид противоречил словам. Моя судьба выглядела осунувшейся и усталой, будто все силы покинули ее тело вместе со слезами. Я помог ей подняться, повесил рюкзак себе на плечо и мы вместе двинулись к нужной двери. Прежде меня гложил ревность от того, что свет моих очей, Азалия, пошла в комнату вместе с Хокеном, этим скрытным лжецом. Меня начинала бить нервная дрожь при одном воспоминании о том, как она благосклонно приняла его предложение пойти с ней. Но состояние Арьянэт отвлекло меня от ревностных мыслей.

Она медленно переставляла ноги. В какой-то момент ее взбесила собственная слабость. Она стряхнула мою руку и сделала несколько уверенных шагов, но пошатнулась и едва не упала. Я предотвратил падение, подхватив ее, Янэт горько вздохнула и уткнулась мне в плечо. Я стал легонько поглаживать ее по мягким волосам, пока она не успокоилась. Арьянэт подняла на меня свои большие желтые глаза, полные грусти и усталости.

— Пойдем? — ее голос был едва слышен.

— Пойдем.

Мы поднесли браслеты и цифра «один» загорелась. Я открыл дверь и, хотел было, войти первым, чтобы принять возможную опасность на себя, но побоялся, что синяя дева, без поддержки упадет. В непроницаемую для моих глаз темноту комнаты мы вошли вместе, едва протиснувшись в проем. Я услышал, как захлопнулась дверь и воцарилась тишина, нарушаемая лишь нашим дыханием. Арьянэт начала совершать странные действия, похожие на то, что она пыталась меня обнять одной рукой, но никак не могла найти удобное положение.

— Янэт, что ты делаешь? — отчего-то шепотом спросил я.

— У меня в рюкзаке должны быть самовоспламеняющиеся свечи, — ее шепот был еще тише моего.

От такого наблюдения, у меня в душе стало разрастаться беспокойство. Я пошарил ногой по полу, судя по звуку, он был из того же материала, что и в зале с тумбой.

— Присядь, — я помог синей деве сесть и только после этого снял рюкзак и стал в нем рыться. Я нащупал мешочек и, открыв его, порезался обо что-то металлическое. Я ругнулся и по детской привычке засунул палец в рот. Арьянэт отодвинула меня слабой рукой и полезла искать сама. Скоро шорох закончился, и раздалось тихое, как шелест листьев:

— Свеча, гори!

Маленькая белая свеча зажглась в хрупкой ладони, которая в неверном свете с одной стороны казалась черной. Я огляделся, мы оказались в обычной, по моим меркам, комнате. Стены имитировали деревянный узор. У одной из стен стояла кровать с одеялом и подушками, у другой — простой деревянный стол с табуретом. На столе обнаружился подсвечник, в который я и установил, взятую у Арьянэт, свечу.

— Может, приляжешь?

Она слабо кивнула и скользнула на перину, смежив веки. Практически сразу я услышал, как ее дыхание стало мерным. Я прикрыл ее одеялом, подумав, что, так как она практически не чувствительна к теплу и холоду, одеяло лишь добавит уюта и мягкости. И только присев

на табурет, я понял, что комната здесь была практически полной копией той, что была у меня дома. Разве что не было окна, выходящего на пруд. Ведомый любопытством, я залез под кровать и достал оттуда книгу.

Дома я хранил под кроватью книгу, которую получил от заезжего путешественника. Она была написана символами неизвестного мне языка. Пергамент страниц давно пожелтел и чернила, которыми был написан этот таинственный текст, стали выцветать. Потертый кожаный переплет покрывали неведомые руны, казавшиеся другими каждый раз, как я доставал книгу из ее укрытия.

Я улыбнулся, чувствуя в руках привычную тяжесть. Аккуратно положив ее на стол, я стряхнул пыль. К своему удивлению, я обнаружил, что ставшие за долгое время привычными руны сложились в знакомые буквы. «Сказание о Джеке, пятом сыне пятого сына» от этих строк сердце зашлось в бешеном волнении.

Когда я раскрыл книгу, у меня захватило дух. Непонятные прежде черточки сложились в знакомые слова, а кроме них на страницах красовались яркие картинки, на которых был изображен я в тот или иной период своей жизни! «Сказание» оказалось сборником историй. Я нашел историю про украденный пирог и, хоть знал ее, рассмеялся, настолько весело описал ее неведомый рассказчик. После этого временной отрез истории сдвинулся назад, и я узнал о своем первом превращении, которого не помнил.

На дворе стоял погожий денек. Солнышко впервые за долгое время выглянуло из-за туч, и тучная нянька с широкими мозолистыми ладонями решила, что такая погода идеально подходит для прогулки во дворе. Она помогла маленькому Джеку одеться и за руку повела его гулять. Мальчику было трудно идти медленно, изнутри Джека жгло нетерпение. И кто станет в этом его винить? Вокруг ведь целый двор, в котором за время его отсутствия могло столько всего поменяться.

Добрая женщина отпустила его побегать, о чем пожалела почти сразу. Стоило ей отпустить мягкую маленькую ладошку, как мальчик побежал и скрылся из виду за домом. Нянька, ругаясь, как могла, поковыляла за ним. Джек бежал вперед, радуясь ветру в волосах, и старался вдохнуть как можно больше «нового» воздуха. Он просто радовался свободе и не замыслил никаких шалостей, до тех пор, пока ему на глаза не попался хрустальный ручей, резво бежавший по своим делам.

Мальчик задумал всего лишь пробежаться по нему, разбрызгивая воду во все стороны. Но, когда он сделал несколько широких стремительных шагов, готовясь прыгнуть, ему вспомнились серебристые рыбки. Эти рыбки водились в пруду, который Джек каждый день видел из окна своей комнаты. Он будто наяву увидел перед собой одну из них: переливы чешуи, которые делали ее похожей на кольчугу, плоские бесцветные глаза и шевелящиеся жабры. Мальчик вспомнил, как однажды сказал маме, что сам бы хотел быть рыбкой.

Все эти мысли пронеслись в его украшенной кудряшками голове, за то время, что понадобились на три больших по детским меркам шага. И когда он прыгнул, он уже был серебристой рыбкой, которая с тихим плеском нырнула в ручей и поплыла, увлекаемая его течением. Можно лишь предположить, как бы обернулась судьба Джека, продолжай он оставаться глупой рыбкой. Но, по счастью, один из старших братьев мальчика в тот день тоже счел погожую погоду подходящей для прогулки.

Вилис умел тогда обращаться только в одного животного: рыжего лиса. Прогуливаться недалеко от дома в облике зверя было одним из его любимых занятий, и тот день не стал исключением. Почувствовав жажду, старший брат пошел к ручью, чтобы ее утолить. Каково

было его удивление обнаружить в воде маленькую рыбку! Благодаря тому врожденному чутью, что есть у всех оборотней, Вилис понял, что перед его носом, движимый лишь силой водой сдавшийся собрат. Недолго думая, он вытащил его на землю и легонько прикусил, чтобы боль помогла обратному превращению.

Голого и дрожащего брата он приволок к няньке за ухо, попросив лишь не говорить о произошедшем недоразумении родителям. Добрая женщина и сама была бы не рада давать им лишний повод для беспокойства, а потому согласилась.

Помянув добрым словом Вилиса, я стал читать дальше, постепенно освежая в памяти события минувших дней. Некоторые истории я помнил так плохо, что создавалось впечатление, будто я читаю про интересную жизнь совершенно незнакомого мне человека. Опомился я только тогда, когда дошел до истории с предсказанием оракула.

Из-за того, что тьма была непроницаемой для глаз, все вокруг казалось необычным и таинственным. Обернувшись, я убедился в том, что Арьянэт умиротворенно сопит в куче подушек и облаке одеяла, обвив его тонкой рукой, которая из-за недостатка света казалась почти черной. Глядя на это, я почувствовал острое желание оказаться на месте одеяла. От таких мыслей я пришел в смятение. С одной стороны меня лихорадило от одной лишь мысли о том, что Азалия пошла в комнату с Хокеном, а с другой стороны я хотел, чтобы Арьянэт обнимала меня во сне. Как бы старательно я пытался понять, в чем причина, объяснение не находилось. Чтобы как-то отвлечься, я вновь углубился в истории, надеясь отыскать в них подсказку.

Я пробежал глазами рассказ о том, как встретился с Арьянэт, а после и с ее бывшим женихом. Я хотел было пропустить историю о встрече с Азалией, но глаза зацепились за незнакомое слово «... но он встретил суккубу и был крайне очарован ею». «Суккуба», — я покатал его во рту, но, что оно могло бы обозначать, идей не появилось. Сделав мысленную пометку «спросить у Арьянэт», я продолжил читать. История о том, как мы переместились в этот мир, закончилась, и я замер в волнении перед историями своего будущего, чтобы прочитать которые, нужно было перевернуть страницу.

Медлительность в этой ситуации была вызвана не только трепетом, меня вдруг озаботил вопрос, а нужно ли знать, что ждет меня впереди? Я промаялся некоторое время, пока не придумал для себя отговорку. «Может статься, что Голос не выпустит нас, пока мы не примем пророчества». Успокоившись этим, я быстро перевернул страницу и воззрился на чистый лист. Я перевернул еще одну, еще, еще, еще, но все они были чистыми. Такой поворот меня несказанно разочаровал, но я упрямо продолжал листать, и каждый пустой лист все сильнее подтачивал мой настрой. В голове одна на другую громоздились думы о том, почему Голос соврал. Я продолжал листать, даже не надеясь на результат, когда до меня дошло, что несколько страниц назад я наткнулся на сложенный пополам листок. Этот лист оказался вырванным из книги, надпись вверху страницы гласила, что тот роман носил название «История о драконе Малцкозндзаре».

«И родила богиня мир, и был тот мир в яйце. Единственное, что могло разбудить новорожденный мир ото сна — тепло его отца-дракона. И явился дракон по зову ее и высидел мир, в котором поселились они на долгое время».

Эта находка несла в себе скрытый смысл, который было трудно понять, и потому со всей честностью могла называться пророчеством. Недолго думая, я положил найденный отрывок в карман, а книгу обратно под кровать. Едва я успел вылезти, надо мной раздался сонный голос.

— Я уснула?

Я не смог удержаться и рассмеялся, столько в этом тихом голосе было недовольства собой.

— Вижу тебе уже лучше.

Она села на кровати и осмотрелась.

— Где мы? Долго я проспала? Тебе было пророчество?

— Да. Думаю, мы можем идти, — я проигнорировал остальные вопросы, ведь это было уже не важно: в стене вновь появилась дверь.

Пока моя спутница выбиралась из пухового заточения, я закинул на плечо рюкзак и взял в руки подсвечник. Уже взявшись за ручку, я вспомнил о встретившемся мне незнакомом слове.

— Арьянэт, ты не знаешь, кто такие суккубы?

Она призадумалась и нахмурила брови, припоминая.

— Сколь мне помнится, они потомки демонов и обладают особыми чарами. По-другому их можно назвать обольстительницами.

Я услышал достаточно и повернул ручку двери, желая увильнуть от возможных вопросов. В глаза ударил яркий свет, и мы вновь оказались в комнате с дверями. Азалия и Хокен мило ворковали, ожидая нас. В первые моменты, когда я это увидел, во мне снова закипела ревность, но стоило вспомнить о том, что рассказала Арьянэт, и все стало выглядеть несколько иначе.

Теперь я мог разграничивать себя настоящего и ту постороннюю сущность, которая прилипла ко мне как колючка. Обнаружив это, я смог с нею бороться и волевыми усилиями загонять в угол.

АРЬЯНЭТ

Я испытывала чувство вины оттого, что проспала практически все время пребывания в первой комнате. Однако совесть согласилась пойти на компромисс из-за разливавшейся по телу бодрости. Когда мы заходили в комнату, я была самым усталым человеком в мире, но теперь от этого не осталось и следа. Хокен и Лисса, уже ждавшие нас, рассказали лишь то, что пророчество, как и предполагала, получила подруга.

— Итак, теперь нам надо попасть во вторую и четвертую комнату. Предлагаю обсуждать это за едой.

Мы разобрали заготовленных заранее кроликов и принялись есть. Мясо было холодным, но оттого не менее вкусным. Питьем нам послужила фляжка бесконечной воды, которая, как мы к счастью сразу предположили, утратила свои свойства. Разделив оставшуюся воду поровну, мы стали обдумывать дальнейшие действия.

— Пока мы вас ждали, я уже перебрала возможные комбинации в уме, — начала Азалия, — мы можем попасть только в четвертую комнату, пройдя туда все вместе. Но вот во вторую нам никак не попасть.

— Получается, что кто-то останется без пророчества? — я ощущала благостное удовлетворение жизнью, оттого мне было совсем не жаль остаться без предсказания.

— Я должен сказать, что надеюсь, что без пророчества останусь я, потому что другой расклад был бы несправедливым по отношению к тебе, — Хокен-Элион посмелел и, несмотря на его слова, вид имел совсем не виноватый. Видимо его деятельная натура не позволяла ему тратить много времени на подобную чепуху. — Но есть и другие мысли на этот счет. Не так плохо, что кто-то из нас двоих не получит пророчества, если мы сможем

отсюда выбраться. Но мне сдается, что тот, кто нас сюда поймал, не отпустит нас до тех пор, пока мы не откроем все двери.

Хоть Голос и не почтил нас своим неосязаемым присутствием, я почти услышала «хе-хе».

— Предлагаю, прежде сходить в четвертую дверь, а после, как вернемся, решим, как попасть во вторую, — я уже достаточно времени провела в бездействии и не хотела продолжать в том же духе.

Цифра, как и прежде, засияла, когда набрался нужный числовой корень поднесенных браслетов. Внутри, как и прежде, оказался непроницаемый для ночного зрения мрак. Дверь, как и прежде, захлопнулась за последним вошедшим. И стоило этому произойти, как воцарилась непроницаемая тишина, в которой я не слышала даже собственного дыхания, лишь биение сердца, отдававшееся в ушах. Я стала водить руками вокруг, желая нащупать кого-то из друзей, если уж услышать не получалось, но не нашла их. Я решила пройти вперед, продолжая ощупывать окружавшее меня пространство, но пальцы упирались в пустоту.

Где-то глубоко внутри меня зарождался страх, я закричала так сильно, как только могла, но не услышала ни звука. Этим я добилась лишь того, что в легкие набился окруживший меня осязаемый мрак, лишая возможности дышать. Некоторое время я судорожно металась в небытие, пока не поняла, что до моих ушей доносится приглушенный звук. Я замерла, прислушиваясь, но все вновь стихло. Подняв руку с желанием прочистить ухо, я вновь услышала приглушенный звук. И тогда меня осенило: я была в воде! Стоило мне это осознать, как воздуха в легких стало катастрофически не хватать, и я изо всех сил поплыла вверх, отчаянно надеясь на то, что вскоре снова смогу вдохнуть.

Плыть пришлось недолго, вскоре глаз коснулся слабый свет, едва пробивавшийся сквозь толщу воды. Я успела выбиться из сил, с каждым разом все медленнее шевеля руками и ногами. В груди появилось жжение, усиливавшееся с каждым движением. Когда грудная клетка готова была уже взорваться болью, я, наконец, выплыла на поверхность. Первый же вздох до хруста в челюстях оказался болезненным, но какое же это было восхитительное удовольствие — дышать.

Когда я пришла в себя достаточно, чтобы обратить внимание на то, что происходит вокруг, я огляделась и ахнула. То, что я прежде приняла за свет, было тысячами свечей, которые освещали большой, если не сказать огромный, бальный зал. Я же вынырнула в фонтане, вода в котором теперь едва доходила мне до колена. Однако самым странным из того, что обнаружилось вокруг, были дамы и кавалеры, разодетые в яркие одежды и замершие на месте. Они выглядели так, будто приготовились в ожидании музыки, чтобы начать танец.

Только они не шевелились, не разговаривали и не дышали, будто время для них остановилось. Я вышла из фонтана и стала идти туда, где угадывался возвышавшийся над полом трон. Окружавшие меня люди оставались такими же неподвижными, но у меня появилось гнетущее ощущение, будто они все они следят за мной, провожая глазами, стоит мне пройти мимо. Когда это ощущение достигло пика, и мне показалось, что сейчас один из кавалеров, мимо которого я только что прошла, схватит меня за плечо, я резко обернулась. Все присутствующие оставались в тех же неподвижных позах, и ни у кого не дрогнул ни один мускул.

Это немного успокоило меня, и я двинулась дальше, разглядывая разнообразные наряды

кавалеров и дам, богато украшенные вышивкой. Взгляд терялся в замысловатых узорах, и мне отчего-то вспомнилось, как я рассматривала потолок, сидя в башне. Я остановилась, напряженно всматриваясь в черточки, попытавшись поймать ускользавший от меня образ. Вскоре у меня это получилось, и я увидела бегущую по лесу лань. Стоило мне немного повернуть голову, как взгляду предстала совершенно другая картина: купающаяся в реке девушка. Я была восхищена и сокрушалась, что подобное сотворить не смогу, когда вспомнила, что в прошлой жизни и сама умела создавать прекрасные наряды. Эта мысль показалась мне несколько странной, ведь, чтобы сшить даже простое платье, необходима спокойная обстановка. Что в нынешней ситуации постоянного стресса, казалось нереальной сказкой.

За такими рассуждениями я добралась до массивного мраморного трона, лишённого каких-либо украшений, кроме небольшой бордовой подушечки на сиденье. К моему удивлению, он оказался абсолютно пустым. Практически сразу в голове начался небольшой бой. С одной стороны мне хотелось воспользоваться случаем и посидеть на троне, почувствовать себя правительницей. С другой же стороны, в любой момент в зал мог войти настоящий правитель и разгневаться от такого поступка.

Я решила немного подождать и, если никто не придет, взобраться по золоченым ступенькам и сесть, взирая на всех сверху вниз. Время шло, никто не появлялся, а происходящее все более походило на сон. Сделав неуверенный первый шаг, я не заметила, как уже заерзала, пытаюсь расположиться с наибольшим удобством. Закончив, я воззрилась на простирившееся вокруг разноцветное море нарядов и не сразу поняла, что все головы повернулись в мою сторону. От этого мне снова сделалось не по себе. Когда я уже собралась встать и начать оправдательную речь, громкий голос объявил:

— Избранный дож, Арьянэт Желтосветная!

После этих слов вновь воцарилась тишина, в которой все пары в зале смотрели на меня, будто ждали чего-то. У меня появилось предположение, и я, опасаясь опозориться, громким голосом сказала:

— Бал объявляется открытым!

Сразу заиграла музыка, и пары закружились в незнакомом мне танце. Сомнений в том, что я сплю не осталось. Раздумывая над этим обстоятельством, я притоптывала ногой в такт и опустила глаза на себя, желая отвлечься от мельтешившей в зале пестроты. Мой дикарский наряд из обрезанных до колена штанов и блузки с оборванными рукавами превратился в элегантный костюм траурного белого цвета из зауженных штанов и пиджака. Из-под укороченных рукавов пиджака выглядывали манжеты темно-синей рубашки в тон моей кожи. А на босых прежде ногах красовались простые белые туфельки без каблучка.

Я захотела пошевелиться, чтобы рассмотреть наряд лучше, но не смогла. Теперь я стала прикованным изваянием, в то время как изваяния пустились в пляс. Не владеть своим телом было страшно, но неизвестность была страшнее. «Смогу ли я снова шевелиться, когда танцы кончатся? Кончатся ли они?» — ответов на эти вопросы у меня не было. По щеке скатилась одинокая слезинка, а я смотрела на плясавшие пары, не отвлекаясь даже на моргание.

Менялась музыка, менялись танцы, а я все также оставалась неподвижной и с каждым мгновением даже мысли в моей голове замедлялись. Пары кружились по залу, со своего места я могла рассмотреть каждое промелькнувшее лицо. Отсюда же я заметила, как рядом, сверкая роскошными нарядами, в танце пронеслись Хокен и Лисса. Я лениво рассматривала других попавших в мое поле зрения, но то, что я увидела в этом странном сне знакомые

лица, дошло до меня только тогда, когда они, описав широкий круг, вновь вернулись к подножию трона.

Это событие разбудило мой закаменевший разум, и теперь я с нетерпением ждала их нового появления. Они пронеслись мимо еще несколько раз, и я стала замечать, что у них меняются выражения лиц. Изменение музыки изменило путь их движения, из-за чего я стала видеть их чаще. Спустя еще несколько раз, мне стало казаться, что я понимаю по их лицам, о чем они разговаривают.

— Я тебя люблю, — сказала Азалия.

— И я тебя люблю.

Обменявшись признаниями, они слились в долгом страстном поцелуе.

— Ты готов?

Вместо ответа Хокен извлек из скрытого кармана клинок, подав этим пример своей спутнице. Вооружившись, они словно бесшумные тени стали метаться по залу, убивая всех на своем пути. А гости продолжали танцевать, огибая павших. Подолы платьев бурели, соприкасаясь с разливавшейся кровью. А все, что могла делать я — лишь смотреть на все, попадавшее в поле моего зрения. Спустя вечность Азалия и Хокен закончили свое кровавое дело по причине того, что больше не осталось живых гостей. Невидимый оркестр заиграл марш, когда убийцы воззрились на трон.

Я вдруг поняла, почему нахожусь в трауре, и мне захотелось кричать от ужаса. Но я могла лишь смотреть, как ко мне не торопясь приближается смерть. За несколько мгновений до того, как клинок Азалии, нацеленный мне в сердце, прошел сквозь кожу, все растворилось в черноте. Которая спустя мгновение выплюнула меня на свет. Привыкнув к нему, я поняла, что вернулась и нахожусь в комнате с тумбой.

— Арьянэт! — ко мне подбежал Джек. — Мы беспокоились, когда зашли в дверь все вместе, но здесь оказались только вдвоем, — тут он рассмотрел меня внимательнее. — Что это на тебе?

Я поднялась, невольно радуясь тому, что снова могу управлять своим телом, и посмотрела на свой наряд, заранее зная, что там увижу.

— Да так, — вдаваться в подробности не хотелось, но я боялась посмотреть на подругу и бывшего жениха, боялась заглянуть в них и увидеть собственную смерть. — Долго меня не было?

— Мне хватило, чтобы накрутить себя, — Лисса произнесла это так, будто на мне лежала вся вина за то, что мы оказались в этом месте.

— Вы успели что-нибудь придумать на счет второй двери? — мне пришлось пересилить себя и убедиться, что мои спутники имеют скорее скучающий вид, нежели кровожадный.

Ответил мне Хокен.

— Увы, мы перебрали все возможные варианты, ни один не подходит. И идей нет.

Глава пятнадцатая

Я присела на пол, скрестив ноги, и уставилась на таблички на дверях. Каждая цифра на которых была выведена так вычурно, что взгляд постоянно соскальзывал. Я рассматривала цифру четыре, когда мне вспомнились платье с заворожившей меня искусной вышивкой. Я повернула голову немного влево, немного вправо, но четверка так и осталась четверкой. Так как других идей все равно не было, я переключилась на цифру «три». Я так старательно напрягала глаза, что они начали слезиться, но цифра не исчезла и не поменялась, так и оставшись тройкой. Я старалась не терять надежды и принялась рассматривать двойку. Глаза слезились, смазывая черточки и насечки, поэтому я махнула на эту затею рукой и решила осведомиться, как обстоят дела у других.

— Появились какие-нибудь идеи?

— Нет, идей нет, — Джек выглядел измученным и грустным.

— Может быть, у тебя есть идеи? — Хокена явно раздражало собственное бессилие, а может быть и то, что он единственный пока не получил пророчество.

Мне некстати вспомнилось, как он первым достал кинжал, но я поспешила отогнать эту мысль, оставив для обдумывания на более поздний срок.

— У меня была одна идея, но она не сработала. Но расскажу, может быть наведет вас на размышления. В моем видении на одной даме было платье, расшитое узорами. С одной точки зрения в них виделся один рисунок, с другой — другой. Эти цифры, так испещрены излишними украшениями, что я подумала, может и за ними что-то скрывается?

Друзья восприняли мое предположение с энтузиазмом и все стали всматриваться в таблички с цифрами. Азалия сидела, сощутив глаза, Хокен делал тоже самое стоя, а Джек беспокойно переходил от двери к двери. Я от нечего делать достала из рюкзака, который Джек положил недалеко от меня, мешочек со снежинками и стала их метать в пол рядом с собой. Движение, которым я это делала, было легким и приятным. Я так увлеклась процессом, что восклицание оборотня застало меня врасплох.

— Нашел!

Он стоял у второй двери и указывал пальцем на цифру, будто от этого нам сразу должно было все стать ясно. Так как с пояснениями он не спешил, я стала всматриваться в узоры вокруг двойки, отклоняя голову в разные стороны. То, о чем он говорил, мы все увидели практически одновременно.

— Это ведь девятка! — это знание сделало Хокена-Элиона радостным, и улыбка, которую я давно у него не видела, смягчила твердые черты.

Так как все числовые комбинации из номеров на наших браслетах были уже давным-давно пересчитаны, то стало сразу понятно, что ему придется отправиться в свою комнату в одиночестве. Нельзя было сказать, что это его опечалило, потому что бывший Главный гончий только кивнул, приложил браслет и скрылся за дверью. Мы остались втроем.

Стоило Хокену уйти, воцарилась тишина. Воспользовавшись моментом, я решила поразмыслить над пророчеством, которое, если поверить в то, что Голос говорил правду, предсказывало мне смерть от руки подруги. Когда я была маленькой, в столицу приехал с выступлением чародей Антонида, как он себя называл. В городе было достаточно магов, но никто из них не стремился выйти на площадь и устроить красочное представление, потому

каждый вечер на выступление собиралась поглазеть большая толпа.

Антонидас запускал в воздух призрачных драконов, которые делали круг над головами изумленных зрителей и растворялись в воздухе. Выступать ему помогала худенькая девушка с узкими черными глазами и копной рыжих волос, которые постоянно развевались от порывов ветра, который существовал лишь для нее одной. Закатная Милианна, так называл девушку чародей, играла на флейте, музыкой сопровождая танцующий разноцветный огонь. Под самый финал представления, в котором кроме всего прочего Антонидас писал в воздухе огненными буквами, превращал монетки в мышек и цветы и создавал бои призрачных великанов, чародей доставал большой стеклянный шар, в котором клубился туман.

В один из таких вечеров мы с отцом стояли в первых рядах, теснимые напившими сзади людьми. Когда Антонидас водрузил шар на поданную его помощницей деревянную подставку, по толпе пробежал шепоток. «Что это он собирается делать?» — спросила женщина, стоявшая сзади. Но чародей не заставил себя долго ждать и объявил:

— Дамы и господа! Сегодня я вновь подарю одно пророчество, — его громкий твердый голос разнесся по площади. — Но только одно. Кто желает получить его?

Воздух наполнился криками. Чародей обвел всех желающих тяжелым взглядом и остановился на мне. Я с запозданием поняла, что, как и многие, выразила желание узнать свое будущее.

— Подойди, девочка.

Я посмотрела на отца, но тот лишь улыбнулся и кивнул.

Когда я на ватных ногах приблизилась к столику, Антонидас попросил меня положить ладони на шар, который оказался очень теплым. От моего касания туман внутри за клубился, складываясь в непрестанно сменяющиеся образы. Чародей смотрел на них так долго, что у меня затекли руки. Я ожидала, что сейчас он на всю площадь объявит, что я проживу сотню лет или выйду замуж за княжича, но, оторвав взгляд от шара, он прошептал так тихо, что я услышала лишь часть, а другую часть прочитала по губам.

— Те, кого ты считаешь близкими, будут уходить из твоей жизни до тех пор, пока ты не встретишь дракона.

Я испуганно отшатнулась и, расплакавшись, убежала к отцу. Уже позже, когда мы пришли домой, он успокоил меня тем, что предсказания будущего — это лишь тень грядущих событий, в которых останется только некая суть от того, что было предсказано.

Сидя на полу в комнате с дверями, я постаралась уловить смысл того, что предстало мне в пророчестве. Подруга и бывший жених убили огромное количество людей, а после вознамерились убить и меня. С того момента, как я задумалась, имелось в виду буквальное или иносказательное убийство, в голове образовался ком вопросов, который чем дальше, тем больше нарастал.

— Азалия, могу я у тебя спросить? — Голос оборотня вырвал меня из размышлений.

Бросив на него первый взгляд, я почувствовала, что что-то меня смущает. Понадобилось столько времени, сколько хватило бы на пару вдохов, чтобы заметить: Джек выглядел бесстрастным. Его всегда живое и открытое лицо сейчас сделалось каменной маской, что, по меньшей мере, выглядело странно.

— Да, конечно, — подруга улыбнулась, но улыбка вышла плотоядной.

— Кто такие суккубы? Я уже спрашивал у Арьянэт, но вдруг ты знаешь что-то другое?

Подруга подозрительно прищурилась и, помедлив, дала схожий ответ. Каменная маска на лице оборотня не удержалась и слетела, обнажив решимость. Я не знала его пророчества,

но было очевидно, что оно как-то связано с этими демоническими тварями. Чтобы поддержать его, я села рядом и обняла, ладонью ощущая тепло сквозь ткань. Он молча положил голову мне на плечо, и некоторое время неподвижно сидел, уставившись в пространство за моей спиной.

— Арьянэт, мне нужно тебе кое-что сказать, — он отстранился и заглянул мне в глаза. Меня вновь порадовало, что остался хоть один человек, который все еще может это делать, не попадая в синюю сеть. — В той комнате, куда мы зашли в первый раз, я нашел книгу, в которой была описана вся моя жизнь. Все было описано правдиво и точно. И в этой же книге было сказано, что твоя подруга — суккуба.

Он напряженно всматривался мне в глаза, ища что-то. Одобрение? Веру в его слова? Думаю, что он нашел там только оцепенение. Не успела я опомниться, как ко мне подседа Мелисандра и, развернув к себе, затараторила другое:

— В пророчестве я видела, как сражаюсь с ним. Он сделает что-то плохое, он предаст нас! — она говорила это с яркой убежденностью, сверкая кровавыми очами.

Я закрыла глаза и открыла их в надежде на то, что все это затянувшийся сон. Но вокруг все оставалось по-прежнему. Щипки и шлепки по щекам также не дали нужного результата, но помогли собраться.

— Успокойтесь. Пророчества всегда туманны, не стоит воспринимать их буквально. Вы вряд ли разгадаете их смысл заранее, поэтому давайте поступим как разумные люди. А именно, не станем делать поспешных выводов.

Сказав это, я вспомнила свое видение. «А что, если это правда, и поэтому Лисса убьет меня?».

— И не стоит говорить о том, что вы надумали Хокену, хорошо?

Джек кивнул, соглашаясь, но выглядел он при этом так, будто хотел сказать что-то еще, но предпочел промолчать. Мелисандра же сделала угрюмой и поджала губы, но тоже кивнула, глядя куда-то в сторону. В этот самый момент дверь второй-девятой комнаты растворилась, и из нее вышел Хокен. Бросив взгляд на ребят, у которых на лицах были написаны такие разные яркие чувства, я решила, что сейчас он примется за расспросы. Но вместо этого младший княжич тихонько присел рядом с нами. Спокойно посидеть нам в кои-то веки не дали: Голос вновь почтил нас своим присутствием.

— Какие молодцы! Все-то вы смогли, со всем-то вы справились! Теперь придется вас отпустить, хе-хе. Повеселитесь!

Сказав так неправдоподобно мало, он замолк, все двери вокруг исчезли, и появилась новая, лишенная таблички с номером. Мы с Джеком переглянулись, а Мелисандра и Хокен застыли в удивлении.

— Есть два варианта, — мой бывший жених стряхнул с себя удивление, как будто сказав себе: «Чего это я?». — В первом, эта дверь позволит нам продолжить путешествие по мирам. Во втором, окажется жестокой шуткой, которая приведет вошедших к гибели, — казалось, что это долгожданное событие его отнюдь не радует.

— Если мы останемся здесь, то умрем с голоду, — голос подруги казался капризным, чего прежде я за ней не замечала. Выглядела она, однако, так, будто выбрала бы голодную смерть, вместо того, чтобы пройти в очередную дверь.

— Я за то, чтобы попробовать, — отозвался Джек.

— Я тоже за то, чтобы попробовать.

Хокен оторвал взгляд от двери, посмотрел на нас и вздохнул:

— Трое против одного. Хорошо, надеюсь, что увиденные нами пророчества дают гарантию того, что жизни наши закончатся не раньше, чем предсказанное будущее наступит.

Сойдясь на этом, мы взялись за руки и выстроились в цепочку. Джек настоял на том, чтобы идти первым. Я ожидала, что Хокен, как и в первый раз, предложит себя вместо него из желания еще немного загладить вину передо мной, но он этого не сделал. Я шла следом за оборотнем, следом за мной, держа меня непривычно холодной рукой, шла подруга, шествие замыкал мой бывший жених.

Глава шестнадцатая

Когда мы, взявшись за руки, шагнули за дверь без номера, все вокруг завертелось и поплыло, засасывая нас неведомо куда. Этот проход привел нас в темное сырое помещение. В отдалении слышны были мерно падающие капли воды, под ногами пружинила сырая земля. К моей безграничной радости эта темнота не была преградой для ночного зрения, и я смогла разглядеть кирпичную кладку, образывавшую круглый свод тоннеля. За спиной возвышалась плотная стена из того же кирпича, из которой за мной вышла подруга, а потом и младший княжич.

— Ой! Тут темно, — прошептала подруга.

У Лиссы не было возможности научиться видеть в темноте, а на пути нам могли повстречаться кочки и ямки, от спотыкания на которых, она могла сломать ногу. Поэтому я поспешила взять ее за руку, но от моего касания подруга вздрогнула и тихонько вскрикнула.

— Чего ты кричишь, — зашипел на нее Джек. — Мы видим в темноте, и здесь кроме нас никого нет. По крайней мере, пока, кто знает, что придет нам на встречу после твоих криков.

Мне эти слова показались отчасти грубоватыми, но, тем не менее, верными. Мелисандра промолчала, лишь надув губы в ответ, но в кроваво-красных глазах плескался страх. Чтобы поддержать, я сжала ее ладонь, надеясь, что этот жест из прошлой жизни ободрит подругу. Но то, как она отреагировала, стряхнув мою руку, как назойливую муху, обидно кольнуло меня. Списав такое поведение на пережитый стресс, я услышала, как голос подал Хокен.

— Я поведу тебя, — он сказал это с уверенностью, но мне отчего-то почудилось, что бывший жених тоже чего-то боится.

Это начинало походить на паранойю. Наверное, страшно было только мне, вот я и приписывала то же чувство остальным, в этой теории меня смущало лишь то, что Джек не выглядел испуганным.

Мелисандра безропотно протянула руку Хокену Ривзу, от этого у меня по коже пробежали непрощенные мурашки. Перед глазами вновь предстало, как эти двое кинжалами выкосили толпу людей. Такие мысли ни к чему, кроме беспокойства, не приводили, потому я развернула карту и углубилась в ее изучение. Моим глазам предстала сеть разветвленных тоннелей. Некоторые из них пересекались в небольших гротах, несколько вели к большим комнатам. Нужная нам дверь располагалась в одной из последних. Пока путь был только один, и я решительно пошла вперед.

При появлении развилок мы сверялись с картой, но, несмотря на это, с каждым новым поворотом ориентироваться становилось все сложнее. Бывший жених вел подругу под руку, из-за чего они немного отставали. Оборотень взял мой нож и держался чуть впереди, чтобы в случае чего принять опасность на себя. Я постоянно сверялась с картой и даже вела пальцем, чтобы не потеряться.

Когда мы приблизились к очередной развилке, в одном из ответвлений послышался разговор. Говоривших было двое и сразу стало ясно, что голоса приближаются из тоннеля справа. Мы с Джеком переглянулись и тихонько заглянули туда. От увиденного я едва не захихикала. К нам шли двое маленьких людей, макушки которых едва ли достали бы мне до

пояса. Оба были пузатыми и имели длинные окладистые бороды. Одеты незнакомцы были в темные штаны и куртки, они продвигались к нам, освещая себе путь факелом.

Хокен тихонько протиснулся между нами и тоже выглянул.

Я поманила парней к себе и прошептала так тихо, как только могла, надеясь, что они услышат.

— Что будем делать?

Оба ответили одновременно, и их шепот, и без того еле различимый, слился в совсем уж непонятный поток. Оборотень умолк, давая младшему княжичу сказать, но тот лишь показал знаками и шепнул «врасплох». Они поняли друг друга и встали по обе стороны от прохода, занеся оружие. Джек вооружился моим ножом, а Хокен — снятым с пояса кинжалом, один вид которого вновь разбередил воспоминания о пророчестве.

Этого мне хватило, чтобы понять, что они задумали. Я отошла в сторонку и прижалась к сырому кирпичу, тихонько увлекая подругу к себе. У меня были опасения, что она снова издаст какой-нибудь звук и тем самым раскроет нас, но на этот раз Лисса смогла сдержаться и молча последовала за мной.

Голоса неторопливо подходили все ближе.

— Садэн совсем ополоумел! Отдает наши изобретения за безделицы.

— Это его убытки, нас они не касаются.

— Но ведь речь не о его убытках, а о том, что...

С этими словами они преодолели проход, внеся с собой свет, но не успели заметить ребят. Те не теряли времени даром и накинулись на вошедших сзади, поднеся лезвия им к горлу.

— Что за дела? — возмутился тот, которого держал оборотень. Второй же только сопел, видимо у его горла железо было прижато сильнее.

— Кто вы? Что это за место? — бывший главный гончий не медлил. Так как его пленник боялся вымолвить хоть слово, ответил другой.

— Мы дворфы-изобретатели. Вы в Квархате, многоуровневом городе под землей. Мы сейчас находимся на самом верхнем уровне, где расположен только рынок.

— Что продают на этом рынке?

— Уникальное оружие и броню.

Из бороды молчавшего все это время дворфа раздался шипящий голос:

— Не будем ссориться, ребята! Эти двое приведут Вас ко мне, и Вы сможете выбрать и купить то, что Вас заинтересует.

— Садэн! Чтоб тебе провалиться!

Шипящий голос ничего более не сказал и изобретатель проворчал:

— Ладно, парень, отпускай. Покажем тебе товар.

Джеку происходящее было не по нраву, поэтому он опустил нож с явным облегчением. Хокен, однако, не торопился, и его пленник засопел с удвоенной скоростью.

— С чего нам тебе верить? Может, ты сейчас приведешь нас в ловушку и убьешь?

Освобожденный дворф хрипло рассмеялся.

— Ты уже в Квархате, парень. Захоти мы вас убить, живыми уйти у вас не получится.

Бывший Главный гончий нехотя отвел свой кинжал и резким движением вставил его в ножны. Ворчун, как я его мысленно стала называть, хмыкнул, поднял продолжавший гореть факел и, жестом пригласив нас следовать за ним, вошел в левый тоннель. Мне показалось, что подруга и младший княжич несколько приободрились при виде теплого факельного

огня. Всем нам, пожалуй, хотелось вернуться в уют прежней жизни, но приходилось двигаться извилистыми коридорами за парочкой дворфов, которые точно знали дорогу. Но, тем не менее, я продолжала вести пальцем по карте, прослеживая наш маршрут, который вел нас к нужной двери. Поняв это, я молча поделилась своей догадкой с оборотнем. А именно ткнула его локтем и указала на то, что мы приближаемся к отмеченной точке. Он кивнул, принимая это к сведению, и мы продолжили путь.

Прошло достаточно много времени, прежде чем вдалеке показался свет множества ламп, и нашим взорам открылось просторное помещение. Тоннель из серого кирпича стал расширяться, выпустив нашу маленькую процессию в большой зал. Везде, куда простирался взгляд, стояли и висели прилавки с разложенными на них пистолетами разных форм и размеров. Рядом с ними возвышались несколько манекенов, полностью раздетых или одетых в тканевую броню.

Нам навстречу вышел еще один дворф, который своей дородностью затмил Ворчуна и его друга. По всей видимости, он и был тем самым Садэном.

— Приветствую! — на его заросшем лице угадывалась улыбка. — Что привело Вас сюда?

Пока остальные придумывали, что на это ответить, я стала искать глазами нужную дверь. Но как ни старалась, сделать это у меня не получилось. Первым нашелся оборотень:

— А что ты можешь нам предложить?

Толстяк рассмеялся и развел руками:

— Все это. Кому из вас нужно оружие?

— Продемонстрируй прежде его возможности.

Садэн покивал и, подойдя к ближайшему прилавку, взял с него пистолет длиной с мое предплечье, в дуло которого поместились бы три моих пальца. Повернувшись к раздетому манекену, он выстрелил в него трижды. После этого он еще трижды выстрелил в тканевую броню его соседа. Я несколько удивилась от того, что такое массивное оружие издает шума меньше тех, что я видела в оружейной, когда готовилась к путешествию.

Толстяк подошел манекенам и подозвал нас, чтобы мы могли разглядеть внушительные следы от пуль на раненом подобие человека и их отсутствие на его одетом собрате. Касаясь темных следов на светлой ткани, я не могла поверить, что она смогла выдержать такой урон.

— Насколько она тяжелая? — я не удержалась от этого вопроса.

— Можете примерить, леди, — улыбнулся Садэн. — Эта ткань такая же легкая как ветер.

Я испытала соблазн воспользоваться его предложением, но сдержалась. Обратную, однако, стало любопытно.

— Могу я попробовать проткнуть ее ножом?

Толстяк покивал, и оборотень, получив разрешение, нанес режущий удар и несколько быстрых колющих. Полотно не выдержало и разорвалось, но Садэн лишь вновь рассмеялся. У меня сложилось впечатление, что дворфы очень веселый и смешливый народ.

— Как я понимаю, эта разработка вас разочаровала, но, что насчет оружия?

Джек покачал головой, но Хокен проявил интерес и решил попробовать. После пяти выстрелов он приноровился и выпустил остаток обоймы прямо в область сердца незащищенному манекену, разорвав его в клочья.

— Отличный пистолет, — Хокен вернул оружие торговцу.

Толстяк в ответ расплылся в широкой улыбке:

— Вижу ценителя. Думаю, у меня найдется для Вас кое-что интересное.

Младший княжич стрелял из разных видов оружия, оценивая дальность и удобство стрельбы. Уже на третьем пистолете меня стала одолевать скука, потому я решила прогуляться, чтобы посмотреть представленный товар самостоятельно. Я ожидала, что вскоре ко мне присоединится подруга, но она продолжала заинтересованно смотреть как Хокен выпускает патроны в манекен. Вместо нее компанию мне составил Джек.

— Что думаешь? — мне было интересно его мнение.

— Стреляют пистолеты однозначно быстрее арбалетов и занимают меньше места. Но нож не шумит и не требует особых патронов для перезарядки, да и в целом у меня нет нужды в дополнительных орудиях. Каждый зверь, сама понимаешь, имеет свое особое оружие, — он обворожительно улыбнулся, озорно сверкая глазами цвета летней травы.

Я, кажется, начала понимать, что все его улыбки очаровывают.

— Мне тоже все это не особенно нравится. Но покупать не заставляют и ладно. Куда как интереснее мне знать, за каким прилавком скрывается дверь, которая отведет нас дальше.

Джек стал осматриваться, но и это не дало результатов.

— Может, спросим дворфа?

Озвученная оборотнем идея уже приходила мне в голову, но этот вариант я оставила напоследок.

— Если не сможем отыскать сами.

Осмотреть все разложенные изобретения не представлялось возможным, я подивилась тому, как торговец ориентируется во всем этом разнообразии. Обернувшись на новый звук стрельбы, я заметила, что Мелисандра взяла пистолет. Она с упоением стреляла, упорно борясь с отдачей.

Спустя несколько часов Садэн собрал нас вместе и пообещал показать нечто особенное, что изобретатели разработали совсем недавно. Следуя за ним, мы практически вернулись к тоннелю, из которого пришли. Толстяк подошел к одному из прилавков, на первый взгляд ничем не отличавшемуся от других и, кряхтя, отодвинул его. После этого он очистил и снял полки над ним, обнажив простую железную дверь, которая местами проржавела, и в центр которой было вставлено большое стеклянное окошко.

Меня охватило радостное волнение. «Вот она!». В таком настроении я пребывала до тех самых пор, пока не осознала, что Квархат — первое более-менее гостеприимное место, в которое я попала, путешествуя по мирам. Снова напряженно искать решение проблем, которые возникнут, снова красться, ставить свою жизнь под угрозу — я вдруг почувствовала себя такой уставшей. Хоть ноги не подкашивались, да и в организме было достаточно сил, внутри я будто состарилась. Я мысленно взмолилась о передышке, об отдыхе, о спокойствии, о получении новых полезных навыков, в конце концов! Ведь меня отправили скитаться именно за этим.

Уйдя с головой в мысли, я прослушала, что говорил торговец, но вернулась к реальности вовремя. В этот самый момент он достал из коробки небольшой железный брусок и, ударив его об пол, кинул в предварительно раскрытую дверь, за которой угадывалась пещера. Спешно закрыв дверь, он посоветовал смотреть внимательно. Несколько мгновений ничего не происходило, и когда я уже собралась отвести взгляд, изнутри донесся оглушительный раскат грома, а внутри полыхнуло так, будто весь воздух стал огнем.

На лицах друзей была написана разная степень потрясенности, сам же Садэн выглядел

довольным произведенным эффектом. Я решила воспользоваться ситуацией и обратилась к толстяку:

— Вы не возражаете, если мы поговорим наедине?

— Что вы, что вы. Конечно, — и он засеменил в другой конец зала, обнаружив там какое-то неотложное дело, требовавшее его непосредственного участия.

Когда он отошел достаточно, я достала карту и указала на горевшую точку, а потом на поржавевшую дверь.

— Она нам и нужна, вы готовы уйти сейчас?

Хокен Ривз покачал головой.

— Мне хотелось бы приобрести у него оружие.

— Мне тоже, — поддержала его позицию Азалия.

— Хорошо, выясняем цену, покупаем, если можем себе это позволить, и уходим.

Я сомневалась, что нам хватит золота, но мне вспомнился подслушанный в тоннеле диалог. «Садэн совсем ополоумел! Продает наши изобретения за безделицы». Оставалось только надеяться, что мои безделицы покажутся ему достаточно интересными. Убедиться в том, что мое предположение верно, я смогла почти сразу, как мы заговорили о цене.

— Знаете, я так устал, — кустистые брови торговца сдвинулись к переносице. — Не подумайте лишнего, дело я свое люблю беззаветно, — он замолчал, подыскивая слова. — Я устал от мрачности, которая здесь царит. Мы пытаемся ее скрыть за весельем нрава, но мне это средство уже не помогает. Изобретатели совершенствуют оружия убийства и машины, которые помогают в их создании, но не создают ничего, что услаждало бы ум, слух или взгляд, — он устало вздохнул. — Потому я предпочитаю получать плату диковинными устройствами, которые дали бы отдых моей душе, — толстяк сделал паузу. — Но, если у вас не найдется подходящих предметов, можете заплатить золотом.

Я уже собиралась достать фонарик, понадеявшись им оплатить наши покупки, но меня опередила подруга. Она достала из сумки монетку, на одной стороне которой была нарисована птичка, а на другой — клетка. Поставив ее ребром, Лисса прижала ее сверху пальцем, щелкнула по ней другим и отпустила. Монетка начала кружиться, и создавалось впечатление, что птичка в клетке. Садэн завороченно смотрел на это маленькое чудо, для которого не понадобилось даже магии.

— За какой из выбранных пистолетов мы можем им заплатить?

Торговец покрутил игрушку в руках и вынес вердикт:

— За женский. Дополнительные патроны нужно будет оплатить отдельно.

Я вновь потянулась к рюкзаку, но бывший жених, стал расстегивать рубашку. Это неожиданное действие, мягко говоря, отвлекло меня. Но под одеждой обнаружился золотой нагрудник, который легким движением был выложен на прилавок.

— Мы возьмем оба пистолета и дополнительные патроны.

Я удивилась этой неожиданной расточительности, но рассудила, что ему требуется напарник, с которым можно было бы разделить общий интерес. В подарок торговец дал им обоим специальные ножны: заплечные для Хокена Ривза и набедренные для Лиссы. Расплатившись, мы хотели было уйти, но дворф любезно предложил проводить нас. Мы переглянулись и пошли к выходу в его сопровождении.

Пока я обдумывала, как нам свернуть в нужную дверь, у выхода поднялся шум. Спустя несколько мгновений нам навстречу высыпали десятка два дворфов. С первого взгляда стало понятно, что настроены они были весьма недружелюбно. В первых рядах стоял Ворчун,

который громогласно проревел:

— Садэн!

Торговец не выглядел испуганным и даже подошел к пришедшим поближе.

— Опять отдаешь наш труд даром? — за спиной изобретателя послышался одобрителный ропот.

Дверь была совсем близко, и я легонько потянула друзей за одежду. Медленными шажками мы сгрудились рядом и стали братья за руки, на нашу удачу на нас никто не обращал внимание. Ближе всех стоял Джек, он и подгадал нужный момент. Когда оборотень распахнул дверь, я помедлила, задумавшись о том, что надо забрать торговца с собой, но сильная смуглая рука утянула меня в дивный новый мир.

Глава семнадцатая

На этот раз мир не дрожал и не извивался кругом, только шаг за порог казался очень-очень долгим, воздух стал таким плотным и вязким, что его можно было есть ложкой, возникни такое желание. Но спустя вечность или несколько мгновений (судить трудно) шаг все же удалось сделать, и он привел меня в просторную светлую гостиную, наполненную солнечным светом. Вся мебель в комнате была деревянной и резной, а на небольшом столике в хрустальной вазе стоял букет соседствующих роз и васильков.

Джек уже присел в одно из кресел и вольготно вытянул ноги, на мое появление он отреагировал легким поворотом головы.

— И долго меня не было?

— Некоторое время, я и сам заходил в эту дверь целую вечность.

Из толстой двери светлого дерева, опередив Хокена и Мелисандру, вошел мужчина. Седые брови и коротко стриженные волосы и борода, выдавали его возраст, несмотря на который он сумел сохранить гордую осанку и живость в серых глазах.

— Арьянэт?

Каков был шанс в незнакомом мире встретить незнакомого человека, который знает мое имя? От удивления я могла только молча глазеть на вошедшего.

— Присаживайся рядом со своим другом, я сейчас принесу чай и постараюсь все тебе объяснить.

Я села рядом с Джеком и попыталась устроиться удобнее. Креслам, на мой взгляд, не хватало мягкой обивки или пары подушек. Хотелось верить, что мы наконец-то нашли тихую гавань, в которой сможем отдохнуть. Но подруги и младшего княжича все не было, и в голову помимо моей воли лезли неутешительные мысли, которые я решила не держать в себе и шепотом озвучила оборотню.

— А что если он отравит нас? Или тоже захочет поиграть?

— Я тоже думал об этом, — согласился Джек. — Предлагаю ничего здесь не есть и не пить, пока не убедимся, что это не угрожает нашей безопасности.

Стоило нам закончить разговор, как вернулся гостеприимный хозяин с подносом, на котором стояли три больших деревянных кружки, от которых вместе с паром разносился аромат груши с травяными нотками. Поставив перед нами по одной, он взял последнюю себе и уселся напротив, положив ладони на стол. В глаза мне бросилось то, что у этого мужчины было шесть пальцев.

— Я ждал тебя раньше, но Бойкий вновь повел себя своевольно, уж прости, другим не удалось его обуздать.

От услышанного у меня в голове почти случился взрыв, чтобы его предотвратить я решительно прервала своего собеседника.

— Подождите. Я не поняла ничего из того, что Вы сказали.

— Арьянэт, прости старика, — он ударил шестипалой рукой себя по лбу. Глядя на его ладонь, я начинала понимать, что чувствовали остальные, глядя на меня. — Мое имя Перитас, а как зовут твоего друга? — живой серый взгляд обратился к оборотню.

Тот растерялся и хотел было ответить, но я его опередила.

— Откуда вам известно мое имя?

— Мне много чего о тебе известно, но это долгая история.

— Расскажите, — потребовала я.

На эти слова Перитас улыбнулся и повторил:

— Это долгая история. Пейте чай, он не отравлен. Мне не никакой нужды в том, чтобы травить свою внучку.

От услышанного у меня округлились глаза.

— Мариэлла, твоя мать, была моей дочерью. А вот зачем я ждал тебя, объяснить будет труднее, — он погрузился в задумчивость.

— Начните, пожалуйста, с того, почему вы ждали меня именно здесь, и что это за место.

Он отхлебнул чаю, я в нетерпении последовала его примеру. Напиток имел необыкновенный вкус.

— Это место создала твоя мама еще до твоего рождения. Она назвала его «Логово», даже вывеска над дверью имеется, — он усмехнулся.

— Моя мама умела создавать миры? — это все, что я смогла вымолвить.

— Это не совсем мир, Арьянэт. Это, — он замялся, подбирая подходящее слово, — логово. Чтобы тебе стало хоть немного понятнее, нужно рассказывать с самого начала, может быть, отдохнете с дороги?

Его слова породили в моей душе сомнения. С одной стороны мне не терпелось поскорее узнать все то, что мой новоявленный дедушка сможет мне поведать. С другой же — с момента начала путешествия мне ни разу не довелось толком отдохнуть. При мысли о мягкой перине и подушках меня сразу стало клонить в сон, которому пришлось уступить. Я взглянула на Джека, тот, судя по виду, был готов променять ответы на вопросы на возможность отдохнуть. Ошеломленная новостями, я не сразу поняла, что за все время разговора ни подруга, ни бывший жених не появились.

— Почему Мелисандра и Хокен все еще не появились?

Перитас выглядел так, будто все это время опасался, что я задам такой вопрос. Тяжело вздохнув, он ответил:

— Они не придут.

Мне стало так страшно, что даже дыхание перехватило.

— Часть все-таки придется рассказать сейчас. Арьянэт, вместе с тобой и с ним, — палец указал на Джека, — пытались пройти две тени, а Логово не пропускает теней.

— Какие еще тени? Мелисандра была моей подругой с детства. Человек из плоти и крови, — я взвилась, отчаянно не желая верить в то, что он говорит.

— По моим сведениям, все те, кто вошел в проход в твоём мире, были живыми людьми. Но уже у Бойкого их заменили тени.

Я стала кое-что понимать.

— Бойкий, это тот Голос, который заставлял нас разгадывать загадки, — Перитас покивал в ответ. — Но как произошло, что вместо Лиссы и Хокена появились тени?

— Я не знаю, как это произошло, но это факт, — видя мое замешательство, он примирительно поднял руки. — Я думаю, что мне известно твое упрямство заранее, как-никак ты дочь своих родителей. Но я настаиваю на том, чтобы прежде вы отдохнули.

Я колебалась, но точку в этом вопросе поставил оборотень. Он обнял меня за плечи и произнес:

— Отоспимся, а потом на свежую голову будем разбираться.

— Хорошо, — я слабо покивала, соглашаясь.

Дедушка указал нам на неприметную дверь, ведущую из гостиной.

— Там вы найдете все необходимое: свободные комнаты, ванну, еду и чистую одежду. Я откланяюсь, если буду срочно нужен, ищите меня в саду.

Не дожидаясь нашей благодарности, он встал и вышел на улицу.

Когда мы остались наедине, Джек заглянул мне в глаза.

— Я не знал, что ты сирота, — он притянул меня к себе и крепко-крепко обнял.

В кольце уютных теплых рук я чувствовала себя так уютно, как могла чувствовать себя только дома. По щекам потекли слезы, и я только тогда поняла, в каком напряжении находилась все это время. Когда я достаточно успокоилась, чтобы почувствовать голод, и мы с оборотнем пошли тоже искать комнату.

За неприметной дверкой обнаружился короткий коридор, заканчивавшийся тупиком. В ярком свете магического кристалла на потолке с обеих сторон виднелись двери. Мне приглянулась, что была цвета летней листвы, с вырезанными внизу травами, раскрашенными цветом на тон темнее. Джеку же досталась дверь напротив, на которой было изображено море и ночное небо над ним, в котором плыла большая желтая луна.

Я подумала, что здесь мы разделимся, но оборотень настоял на том, чтобы прежде осмотреть мои покои. Комната, к моей радости, оказалась просторной. Внутри меня ожидала деревянная кровать с пушистой периной и множеством разноцветных подушек. У небольшого окна со светло-зелеными занавесками стоял деревянный стол, на котором обнаружился поднос с едой. Миска супа, спелые овощи и поджаренный хлеб источали такой соблазнительный аромат, что мой желудок протрубил призыв к немедленным действиям.

Пока я гипнотизировала пищу, Джек осмотрел ванную, залез под кровать и даже в шкаф и вынес вердикт:

— Все чисто. Я имел в виду, не то, что грязи нет, хотя и это тоже. Я хотел сказать, что никакие материальные опасности тебя здесь не поджидают.

Он собирался уже выходить, но я задержала его

— Может быть, пообедаем вместе? Я уже привыкла находиться в приятном обществе, и мысль о возможном одиночестве меня угнетает.

Оборотень обворожительно улыбнулся и принялся за дело. Когда на столе появился еще один поднос, а у моего стула появился напарник, мы расселись и принялись уплетать еду. Когда мы закончили Джек попрощался, пожелал спокойной ночи и ушел в свою комнату. Я с упоением легла на мягкую перину и уснула прежде, чем голова коснулась подушки.

Проснувшись после сна без сновидений, я чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Судя по тому, что мы легли спать еще днем, а за окном уже занималось утро, провалялась в постели я достаточно. В дверь постучали.

— Арьянэт, ты проснулась?

— Да, заходи.

В комнату ввалился Джек со своим подносом и поставил его рядом с моим на стол. Я сразу же вылезла из одеяла, и мы принялись уплетать завтрак. Рисовая каша с медом и маслом имела какой-то секретный ингредиент, из-за которого во рту оставался привкус лимона и мяты. Откусывая тосты, облитые ягодным вареньем, я ощущала вкусовое блаженство. Чтобы приправить и без того аппетитные блюда, мы рассказывали истории. Оборотень выглядел веселым, но при упоминании Лиссы сделался мрачным, хоть и пытался это скрыть. Наевшись, мы налили себе по стакану прохладного морса. Я внутренне

вздохнула, наивно с моей стороны было полагать, что все проблемы только в обстоятельствах извне. Сложно было наслаждаться спокойствием, когда моего друга что-то беспокоило.

— Что тебя гложет? — спросила я его, хотя заранее знала ответ.

— Помнишь, когда я сказал тебе, что Азалия — суккуба, ты ответила, что пророчества туманны и не стоит принимать их на веру целиком?

Я кивнула.

— Эти слова можно отнести к ее видению, но не к тому, что я сказал. Я узнал это из собственного жизнеописания, в котором события были описаны предельно точно. Еще, — он покраснел, — не знаю, убедит ли тебя это, но в первую нашу встречу, я влюбился в нее с первого взгляда. Однако стоило мне начать подозревать, что она на самом деле собой представляет, как я почувствовал, — он нахмурился, пытаясь подобрать слова, — я почувствовал, будто часть меня отделилась и заболела. И эта заболевшая часть отравляла меня самого болезненным влечением в твоей подруге.

Во мне поднималась буря. Я слушала внимательно и практически с каждым словом чувствовала новую эмоцию: горечь, ревность, обиду, и вновь горечь. Перед внутренним взором предстало лицо подруги: прекрасная белая кожа, чувственные полные губы, редкие кроваво-красные глаза. Со знакомого приветливого выражение ее лица сменилось на капризное, она поднесла пистолет к моему лицу и произнесла «пиф-паф».

Внутренний голос шептал, что его слова похожи на правду, но верить в эту правду отчаянно не хотелось. «Как могла подруга детства оказаться потомком давно истребленной расы?» — спрашивала я себя, на что внутренний голос ответил лишь: «А как ты смогла оказаться потомком вовсе неизвестной расы?».

— Хорошо! Моя дорогая Мелисандра на самом деле суккуба! И что мне с этим знанием делать? — мой голос стал срываться на крик, отчего ножка моего стула треснула, и я мигом успокоилась, кулем осев на пол.

Джек помог мне подняться, несмотря на продолжительный сон, он выглядел грустным и уставшим.

— Здесь та сила, что разрастается в тебе, проснулась и вновь стремится выйти на свободу. Может этот Перитас знает, что делать?

Глава восемнадцатая

Когда Джек предположил, что дедушка может что-то знать о моих способностях, меня стало снестать нетерпение. Не откладывая, мы вышли на улицу. Над входом и вправду отыскалась большая вывеска, на которой красивыми круглыми буквами, выкрашенными в красный цвет, было выведено «Логово». Домик, в котором мы оказались, снаружи выглядел как самый обычный дом: один этаж, деревянные стены, двускатная крыша. Единственным отличием было, пожалуй то, что стены его были обшиты черным, как ночь и белым, как кость деревом, которые переплетались, создавая неожиданные переходы.

Логово стояло на поляне, где неожиданно соседствовали полевые и «благородные» цветы. Цветочное море окружал светлый лиственный лес. Недалеко от дома, на небольшом удалении от своих родичей, будто ища уединения, стоял древний дуб. Его ветви раскинулись так широко, что тень о них падал на пруд, разливший свои воды рядом. На черной резной скамье под дубом сидел Перитас, читавший книгу. Помедлив немного перед представшей нашим взорам красотой, мы двинулись к нему по предусмотрительно проложенным бульжником дорожкам.

Заслышав наше приближение, дедушка оторвался от чтения и поднял на нас взгляд задумчивых серых глаз.

— Арьянэт и...

— Джек.

— Арьянэт и Джек, присаживайтесь. Отсюда открывается отличный вид.

Мы последовали его совету. Он оказался прав, с этого места открывался чудесный обзор на пеструю поляну и на стену леса, а под боком пруд, залитый солнечным светом, походил на огромное золотое блюдо.

— Я долго думал, как объяснить тебе все так, чтобы ты поняла как можно больше, — дедушка отложил книгу в сторону и сложил пальцы домиком у лица. — Из всех вариантов, что у меня были, самым приемлемым кажется самый простой: начать все сначала.

— Хорошо.

Джек, сидевший сбоку от меня, ерзал, но вскоре ему это надоело, и он сел на землю напротив нас, приготовившись внимательно слушать.

Перитас начал неторопливый рассказ.

— Я родился в маленькой стране за Большим морем, которую по преданиям прежде населяли проводники божьей воли. Эти люди помогали богам претворять в жизнь их замыслы, но все же оставались людьми, которым свойственно заблуждаться и ошибаться. Таким человек был Кодард, имя которого история сохранила в несколько ином виде: Кодард-Мятежник. Этот мужчина воспротивился своему предназначению и желал своими руками устраивать свою судьбу.

Но ему было мало сойти с тропы истины, он вознамерился отвратить и других, вселяя им в головы горделивые мысли. Кодард горел своими идеями, как само солнце, что не могло не привлечь к нему сторонников. Но и этого ему показалось мало. Наступил день, когда он приказал своим людям убить всех тех, кто не согласен с его мыслями и идеями, иными словами, всех тех, кто не склонился перед ним. Это кровопролитие истощило терпение богов, они сошли на землю и истребили всех мятежников, в том числе и Кодарда. После их

гнева осталась только сухая выжженная земля.

Много веков спустя, когда в тех краях вновь зазеленела трава и проросли деревья, туда пришли другие люди. Они засеяли землю, стали разводить скот, в общем, зажили обычной мирной жизнью. И принесли с собой своего бога, а из жриц, служивших ему, были выбраны три и назначены правительницами. Новый бог не нуждался в проводниках, а старые больше не являлись людям.

Я рос на легендах, которые читал в книгах или слышал от родителей, одной из них была история о Кодарде-Мятежнике. И с самого первого раза, как я ее услышал, у меня возник один простой вопрос: если все очевидцы событий пали пред гневом божьим, кто тогда поведал эту историю остальным? Мне бы сделать вывод, что вся легенда целиком и полностью выдумана, да и покончить с этим. Но я решил иначе и постоянно пытался отыскать скрытые логова и убежища, в которых по моим рассуждениям прятались потомки тех проводников, кто выжил, — дедушка улыбнулся, вспомнив детство.

— Вступив в возраст зрелости, я разочаровался в тех идеях и стал жить дальше. Этому способствовала встреча с Клидой, твоей бабушкой, — он заглянул мне в глаза и улыбнулся. — Эти пронзительные желтые глаза достались тебе от нее. Я построил дом, в котором мы поселились и прожили долгих тридцать лет. Рождение твоей мамы было одним из самых счастливых событий в нашей жизни. К тому моменту о мечтах детства я перестал и вспоминать.

Мариэлла росла смышленной девушкой, интересовалась знахарским делом, любила читать. Наша дочь была такой доброй и наивной, что я переживал, как бы она не отдала свое сердце плохому человеку. Но время шло, парни, пытавшиеся завоевать ее любовь, уходили ни с чем, твоей матери интереснее было провести вечер с новой книгой. Оттого к моим переживаниям добавился страх, что моя любимая дочь проживет всю жизнь в одиночестве. Но все прекратилось, когда в наших краях объявился твой отец.

Будучи образованным молодым человеком, он поехал в путешествие, чтобы собрать ценные знания, которых с нашей стороны моря было в избытке. Проблема заключалась лишь в том, что на другую сторону Большого моря перевозились лишь готовые товары, в то время как рецепты их изготовления ревностно охранялись Хранителями. Их с раннего возраста обучали в специальных школах, чтобы по окончании те смогли посвятить себя служению народу. Чтобы прикоснуться к тайне, желающему нужно было приехать лично, доказать, что он достоин этого знания и принести магические обеты о неразглашении.

Мы с Рикардом познакомились, когда он проезжал мимо и попросил остановиться на ночлег. Во время вечерней трапезы, он показал себя, как очень образованный и обходительный молодой мсье. Мариэлла чувствовала себя с ним комфортно с самого первого слова. А на следующее утро твой отец попросил руки нашей дочери. Я хотел верить первому впечатлению, но в почтенном возрасте эмоции не являются веским аргументом. По хорошему, надо было только спросить мнение твоей матери и дать ей право решать свою судьбу самостоятельно. Но я желал уберечь ее, а для того убедиться в том, что впечатление, которое производит человек не обманчиво, нужно было провести испытания. То, что Рикард искал способ приобщиться к тайным знаниям, подходило как нельзя лучше.

Говоря это, Перитас выглядел огорченным, будто заново переживал те эмоции, что когда-то испытал. Увидев такие перемены, в его прежде спокойном лице, я встревожилась, ожидая услышать, что после этого произошло что-то неприятное, а может и страшное.

— Поговорив, мы с твоим отцом условились на том, что, я дам свое согласие на брак,

если он вернется от Хранителей просвещенным. Ну и, конечно, если моя дочь этого захочет. Многие, признаться честно, даже приехав лично, не удостаивались чести прикоснуться к древним рецептам уникальных зелий и снадобий. Но Рикарду это удалось.

Со дня, как он покинул наш дом, прошло не меньше полугода, и я уже уверился в том, что обратно жених не вернется. Омрачало мой покой лишь настроение дочери. Мариэлла часто бывала задумчива и прежде, но с уездом твоего отца, каждый ее день стал сводиться к бесконечному чтению книг и продолжительному сну. Она не замкнулась в себе, стабильно ела, даже порой улыбалась. Но станет ли счастливый человек искать утешение в книгах и снах?

Я корил себя постоянно, — дедушка даже по прошествии стольких лет выглядел так, будто до сих пор не мог себе простить. — И даже моя любимая Клида не могла меня утешить. Скоро у меня созрел план, который заключался в том, чтобы поехать к Хранителям и привезти юношу к нам. Сохранив цель своего отъезда втайне от дочери, я попрощался с женой, седлал коня и поехал в погоню за ускользающей надеждой. До ближайшего к нам Хранителя было три дня езды, но каковы были шансы, что я найду Рикарда там? Они были ничтожно малыми. Прошло полгода, за которые твой отец мог бы успеть объездить все десять Хранителей и уплыть обратно в столицу.

Встретивший меня жрец, сморщенный, словно изюм, Мираксас подтвердил мои опасения, но также сообщил, что жених смог пройти испытание и получил доступ к части тайн, которыми заведовал этот жрец. Эта новость немного улучшила мое настроение, и я продолжил свой путь. Еще четыре Хранителя ответили точно также. К тому моменту, как я добрался до шестого, я был в пути уже месяц и опасался, что если Рикард не был еще с этой стороны Большого моря, когда я выезжал, то мог уплыть, пока я его разыскиваю. Просто следовать намеченному плану было легче, чем поддаваться терзаниям, потому я убеждал себя в том, что вскоре найду его, а если нет, значит, к моему приезду он будет уже ждать меня дома, вместе со счастливой Мариэллой и довольной Клидой.

Мой настрой претерпел изменения, когда я прибыл к шестому Хранителю — Джереку. Он был самым молодым из десяти и самым гостеприимным из всех, что встретились мне на пути. Предложив мне выпить с ним чаю, он сказал то же, что и все остальные. Был, мол, испытания прошел, знания получил, обеты принес, уехал. Но было еще кое-что. Здесь стоит упомянуть, что мы с отцом Джерека были знакомы в детстве, он не разделял моих увлечений древними легендами, но всегда внимательно слушал мои рассказы. Став старше, я часто брал книги из его обширной библиотеки.

Джерек знал о моих былых увлечениях по рассказам отца, да и сам иногда, будучи маленьким, просил рассказать ему какую-нибудь историю, что я с удовольствием и проделывал.

Когда мы обменялись новостями, и я собрался было уходить, Хранитель напомнил мне о былых временах и сказал, что у него есть кое-что для меня.

— Может даже этим я смогу отплатить Вам за все те чудесные вечера и истории, — на такое утверждение я лишь улыбнулся, подумав, что Джерек раскопал какую-нибудь древнюю легенду, и решил рассказать мне, думая, что я о ней не слышал.

Все, однако, оказалось несколько иначе.

— Дядя Перитас, Вы потратили так много времени на изучение народа божьих проводников, вы все еще помните что-нибудь о них?

— Да, Джерек, я вдолбил в свою голову эти знания так крепко, что запомнил их на всю

жизнь. Хотя, признаться, с возрастом я начинаю понемногу забывать.

— Вы помните, как описывалась их внешность?

Ответить на этот вопрос не составило труда, ведь в детстве и юношестве я часто воображал себе встречу с одним из них. Мне до того момента изредка, но все же снились сны, в которых происходит подобное событие.

— Конечно, — ответил я ему. — Их кожа, прочная, как железо, имела глубокий цвет. У разных великих родов он был разным. Например, у Кодарда Мятежника цвет кожи был темно-синим, или, как его называли древние сказители, индиговым. А у Аризны Прекрасной — изумрудным.

Мне стало любопытно, к чему он клонит, и Джерек не заставил себя упрашивать. Он понизил голос:

— Парень, которого вы ищете, имеет темную кожу, которое скрывает под сильным мороком. Я увидел это на испытании, которое требовало обращения к истинной сущности.

Меня такое предположение рассмешило, но из уважения к статусу Джерека, я сдержался.

— Откуда у Вас такая уверенность? Вы ведь не разглядели цвет точно, может статься, он всего лишь выходец из более жарких южных земель? Я встречал таких и не раз, их цвет кожи темный из-за того, что солнце в тех краях греет так сильно, что грозит поджарить.

Но Хранитель не унимался.

— Почему он тогда носит морок? Зачем ему прятаться?

— Может быть, он захотел остаться неузнанным. Верное, между прочим, решение, наверняка в столице найдутся люди, которые захотят использовать его знания к собственной выгоде.

Доводы юноши на этом иссякли, и он заметно погрузтел. После этого мы распрощались, и я продолжил свой путь. Но мысли, что этот южанин носит морок, не давали мне покоя. В голову даже закралось подозрение, что прятаться за маской, чтобы оставаться неузнанным может и преступник. От этого в душе разрасталось беспокойство. Оставалось надеяться лишь на то, что испытания, проводимые хранителями не смог бы пройти человек с дурными помыслами и черной душой.

К тому моменту, как я закончил объезд жрецов, минуло два месяца. Постоянная погоня выматывала, не оставив душевных сил на то, чтобы сокрушаться, ведь жениха я так и не отыскал. Нужно было вернуться домой и снова все обдумать.

Земли за Большим морем, как тебе, наверняка известно, имеют вид вытянутого кольца, в центре которого, отделенная морем, на острове расположилась столица. Домики хранителей равномерно располагались по всему побережью, а потому путь почти привел меня обратно. При мыслях о скором возвращении, перед глазами вставали лица Клиды и Мариэллы, которое уже соскучились и ждали моего возвращения. В воздухе начинал витать аромат яблочных пирогов, такой яркий, что я даже принял, но он оказался лишь игрой воображения.

Чтобы вернуться к близким мне оставалось четыре дня пути, три из которых пролегли через пустыню. Эти пески даже спустя столетия оставались мертвыми и таили в себе скрытые опасности. Путь мой пролегал совсем рядом с морем, которое накатывало, пожирая мелкий песок, чтобы следующей волной выбросить его обратно. Чем дальше я продвигался, тем становилось жарче. Обступившая меня со всех сторон духота стала невыносимой, поэтому я много пил и часто пускал лошадь рысью, радуясь даже горячему ветру.

Когда конец моим мучениям был близок, и я мог уже различить полоску, в которой пустыня постепенно переходила в высохший луг, я собрал всю свою внимательность и поехал так медленно, как только мог. Именно на этом участке пути путников поджидала наибольшая опасность. Когда всадник, измученный жарой и жаждой видел такое близкое и манящее окончание пути и пускал лошадь галопом, желая быстрее покинуть это негостеприимное место, коварные ямы зыбучих песков раскрывали свои рты и начинали медленно засасывать добычу. В легендах говорилось о том, что эти ловушки появились после гнева богов. Души убитых мятежников стали искать вместилище, которое нашлось в песке. После смерти духи обезумели и стали одержимы жаждой убийства. Участки зыбучих песков стали зваться Кодардовыми ямами.

Усталая лошадь переступала медленно, пока я, преодолевая нетерпение, всматривался под ноги, правя, в случае, если заввижу опасность. Объехав три Кодардовых ямы, я заметил то, что привлекло мое внимание. Из песка торчала, высунувшись наполовину, кисть какого-то бедняги. Я пробормотал молитву богам и едва не свалился с лошади, когда пальцы на погребенной ладони шевельнулись, — вторя своему рассказу, Перитас пошевелил пальцами правой руки.

— Хоть усталость никуда не делась, от такого события ко мне в полной мере вернулась ясность ума. Первым делом я стал раздумывать, не случилась ли у меня от жары галлюцинация. Но пальцы слабо шевельнулись вновь, доказывая, что мне это не причудилось. Спешившись, я стал думать, как же достать бедолагу, который до сих пор по какой-то причине оставался живым. Аккуратно расхаживая в опасной близости от убийственного песка, я пытался что-нибудь придумать, но любые идеи, приходившие мне в голову, требовали каких-то дополнительных вещей, которых у меня с собой, к сожалению, не было.

Однако никакой план не потребовался. Человек выбрался сам. Ругаясь на чем свет стоит, мужчина вылез на обычный песок и отряхнулся, не сразу обратив внимание на то, что больше не находится в одиночестве. Моему ошеломлению не было предела, когда я узнал в вылезшем из смертельной ловушке человека твоего отца.

От того, что я только что узнала мои глаза стали размером с блюдце. Я буравила дедушку пораженным взглядом, как и Джек.

— Да-да, Арьянэт, Перитас засмеялся, увидев наши лица. — Предлагаю выпить чаю и продолжить историю.

— Хорошо, — это все, что я смогла вымолвить.

Мы с оборотнем пребывали в недоумении, за это время дедушка успел заварить чай и принести его нам. Ощущение теплой кружки в ладонях и приятный щекочущий ноздри аромат, вернули меня к реальности. Я сделала крупный глоток, чувствуя, как в груди разливается тепло, и продолжила слушать. Перитас сделал небольшой глоток и продолжил историю.

— Клида и Мариэлла, как я и ожидал, были рады моему возвращению. Дочка застенчиво краснела в присутствии жениха и молчала. Мы сели обедать. Я хотел наедине подробно расспросить Рикарда о том, что увидел в пустыне, потому стоило мне утолить голод, я заерзал на стуле в ожидании окончания трапезы. Клида старалась поддерживать разговор, а твой отец в этом ей помогал. Мариэлла же все время молчала и не отрывала глаза от тарелки. В конце концов, я стал проявлять нетерпение явно. Моя жена, наконец, поняла намек и, убедившись, что гость сыт, свернула разговоры и стала убирать со стола.

Я пригласил Кодарда в свой кабинет на втором этаже и, прихватив графин воды со льдом, отправился следом. Мы уселись друг напротив друга в мягких креслах, которые позволили на мгновение забыть обо всем и раствориться в столь долгожданном блаженстве. Разговор обещал быть насыщенным, потому я решил начать с шутки, очень удачно вспомнилось то, что рассказал мне Джерек.

— Рикард, я знаю, что ты один из вымершей расы божьих проводников, что жили на этих землях полторы тысячи лет назад.

— Да, вы правы, — его голос был таким спокойным, что я не мог не подивиться мастерству, с которым он держал себя, поддерживая такое предположение. Я развеселил я и решил продолжить этот фарс.

— Более того, ты Кодард Мятежник, которого боги пощадили, — это я придумал из-за того, что имена их похоже звучали, а последнее и вовсе придумал, — потому что посчитали, что смерть, слишком легкая расплата.

— Именно так, — мой собеседник даже как-то погрустнел, что было странной реакцией на шутку.

— Вы издеваетесь?

— Простите?

— Почему Вы отвечаете так, будто все сказанное мною — правда?

Рикард медлил с ответом и смотрел на меня, как на дурного. Я ответил себе за него.

— Потому что все сказанное мною и есть правда, — в голове стало так пусто, что ветер смог бы просвистеть из одного уха в другое. — Вы можете показаться мне в настоящем виде?

Времени, которое понадобилось на то, что обнажить истинный цвет кожи, хватило лишь на один короткий кивок. Твой отец имел точно такой цвет кожи, какой я себе представлял. Этот цвет передался и тебе.

Перитас улыбнулся, глядя на меня. Я же от нового удивления не могла вымолвить и слова. Оказалось, что мой отец был не младшим магистром захудалого ордена, а древним существом, имя которого вошло в легенды. В пансионе меня к таким поворотам жизни не готовили. Позволив мне самостоятельно переварить потрясение, дедушка продолжил рассказ.

— Мы просидели в кабинете до темноты. Рикард успел мне рассказать очень многое. Легенды описывали происходившие в те времена достаточно точно, но они молчали о том, что произошло после того, как гнев богов сошел на землю. Кодарда-Мятежника заковали в цепи, оставив в окружении лиг голого песка и обжигающего солнца, но он долго держался, не позволяя себе молить о пощаде. Его язык распух, а кожа высохла настолько, что потрескалась и кровоточила. За это время боги успели успокоиться, и один из них явился ему.

— Ты вершил свою судьбу сам, и вот к чему это привело. Тебе нравится такая участь?

— Эту судьбу не я себе выбрал, — он едва мог ворочать языком. Слова звучали не разборчиво, но божество все понимало. — Это вновь ваша воля.

— Ты совершил действия, которые повлекли за собой такую кару. Ты сам выбрал путь, а теперь не хочешь принимать ответственность за то, куда он тебя привел.

Даже умирая от жажды, Кодард не хотел признавать, что несет это наказание по собственной вине. Но на последние слова божества ему нечего было возразить. Долгим был тот разговор, но, в конце концов, собеседники пришли к соглашению, о котором твой отец

умолчал, но о другом рассказал. Плыть за Большое море в поисках скрытых знаний ему указали боги. Твое рождение стало его освобождением от веков скитаний. Он за десять лет смог передать тебе всю свою силу, после чего умер. Он обрел покой, но теперь ты должна исполнить свое предназначение.

— Какое предназначение? — я вся напряглась, как натянутая тетива, в ожидании ответа.

— Доподлинно оно мне неизвестно. Я знаю лишь то, что наступит день, когда ты и другие валькирии соберетесь вместе и сойдетесь в битве с армией теней. Но прежде, чем ты будешь готова, я стану учить тебя.

С этими словами Перитас достал их под скамьи вытянутый сверток, который я не заметила, и вручил его мне.

— Открой.

От свалившихся на меня новостей сердце затопило волнением. Непослушными пальцами я развязала тесемки и, затаив дыхание, развернула ткань. Внутри обнаружился тот самый двуручный меч, который я заметила в оружейной, еще до того как начала путешествие. Сомкнув пальцы на рукояти, я вытянула его вперед, вновь ощутив приятную легкость. Джек подал голос, напомнив о своем присутствии.

— А у этого меча есть имя?

— Да. Звездный свет.

Взгляд скользил по гладкому серебряному клинку к вставленному в рукоять сапфиру. Я мысленно обратилась к мечу по имени и почувствовала, что оно действительно ему подходит. Сидя на той черной скамье, под защитой дубовых ветвей, рядом с последним живым родственником и верным другом, я чувствовала радостное возбуждение, перемешанное с волнением, и поняла, что впервые за долгое время счастлива.

Я не заметила, как вокруг уже стали сгущаться сумерки. Мы вернулись в дом и собирались, уже было, разойтись по своим комнатам, когда Джек хлопнул себя по лбу, что-то вспомнив.

— Вы не рассказали, как Кодард выжил в зыбучих песках и как там оказался?

— Ох, — дедушка покивал, — да я выяснил и это. Боги, как выяснилось, похожи на людей. Любят поиграть, могут долго помнить обиды. Кодард рассказал, что попадать в смертельные западни по их милости было обычным делом. Маленькая месть на каждый день.

Глава девятнадцатая

На следующее утро я проснулась ни свет ни заря. Минувшая ночь принесла лишь беспокойные сны, призраки которых преследовали меня и наяву. Казалось бы, в свете новых необыкновенных событий, я должна была спать как младенец. Но всю ночь я сидела неподвижно на троне из мрамора и смотрела на танцующие пары, которые умирали от легкого кинжального поцелуя. Чтобы разогнать мрачные думы, я решила посидеть у пруда, надеясь, что Перитас придет туда и ответит на новые вопросы.

Не завтракая, я умылась и вышла наружу. День только занимался, и бледные рассветные лучи делали весь радостный прежде пейзаж унылым и грустным. Восход солнца я встретила под дубом наедине с плохим предчувствием, дедушка не заставил себя долго ждать.

— Доброе утро, Арьянэт, — он выглядел как всегда бодрым и свежим, но увидев мое печальное выражение лица, обеспокоился.

— Доброе утро, Перитас.

— Что-то случилось?

— Да, всю ночь меня терзало пророчество, которое мне дал увидеть Голос, которого ты называешь Бойким.

— Расскажи мне, — его серые глаза светились живым интересом, отчего я почувствовала острую потребность выговориться.

— В том видении был бал. Я возвышалась на троне, а у подножия танцевали люди, разодетые в невероятные костюмы. Они не шевелились, пока я не объявила бал открытым. Но когда я это сделала, — при воспоминании о том ужасе, который охватил меня, когда я не могла пошевелиться, слова давались с трудом. Пришлось взять себя в руки.

— Когда я это сделала, заиграла музыка, и пары закружились в танце, а я не могла больше пошевелиться, словно статуей стала. Все, что мне было доступно, смотреть на бал, — чтобы вновь не замолчать, я стала говорить быстро, желая успеть закончить прежде, чем страх вернется и сожмет мое сердце своей костлявой рукой. — Я увидела среди танцоров Лиссу и Хокена, это те самые люди, которые были со мной и Джеком в комнате с дверями. Они танцевали вместе с остальными, будто выжидая подходящий момент. А потом достали кинжалы и убили всех присутствующих. И меня.

На глаза навернулись слезы.

— Дедушка, объясни мне, почему они стали теньями?

Перитас выглядел так, будто хотел, чтобы этого вопроса не было, ведь тогда бы ему не пришлось на него отвечать. По его лицу было понятно, что это причинит мне боль, чего ему очень не хотелось бы делать. Но я упрямо ждала ответа, надеясь услышать, что все это дурная шутка, а Лисса просто отошла за кружкой чая и сейчас вернется.

— Арьянэт, я не знаю точной причины, почему так произошло, Терпеливый не рассказывал мне всего. Но твоя подруга, — он замолчал, заставляя себя произнести это слово, — суккуба. А твой бывший жених — ее брат.

О этих слов слезы хлынули из меня водопадом. Дедушка говорил что-то успокаивающее, но я его не слышала. В тот момент мне хотелось только зарыться в подушки и плакать. Недолго думая, я очертя голову побежала в свою комнату и повалилась на кровать.

«Да-да. Разгадаем загадку, выберемся отсюда и наревусь вдоволь», — услышала я свой

собственный голос.

Тогда с браслетом «14» на руке я волевым усилием смогла отложить проявление эмоций на более поздний срок, чтобы обнажить способность анализировать происходящее. В то утро тоже нужно было сесть и разобраться, узнать причины и обдумать возможные последствия. Но весь мир сузился до подушки, которую я старательно поливала слезами.

Часть их была панихидой по погибшей, или, вернее сказать, не существовавшей дружбе с Мелисандрой, и по самой Мелисандре, которая для меня навсегда умерла, став Азалией. Другая часть соленого потока предназначалась моей разломавшейся способности доверять. Я наивно полагала, что Хокен, если и не друг, то хотя бы человек не злой. Но он пометил меня как собственность в своих эгоистических интересах, потом дал ложную клятву служить мне, и бросил.

ДЖЕК

Проснувшись, я первым делом постучал в дверь Арьянэт, но она не отозвалась. Тогда я пошел в гостиную, но деревянные кресла были пусты. Я заглянул на кухню, но там обнаружилась лишь кухонная утварь. Выйдя из дома, я полной грудью вдохнул цветочный аромат, разливавшейся кругом от нагретых теплым солнышком цветов. На скамейке под дубом сидел Перитас, который знал это место лучше меня и мог подсказать, где искать мою судьбу.

Мужчина сидел, бесцельно уставившись на золотившийся пруд, и не обратил на мой приход никакого внимания. Из-за этого я почувствовал неловкость и, не желая беспокоить хозяина дома, решил тихонечко ретироваться. Однако он поднял на меня полные грусти серые глаза, цветом сравнявшиеся с грозovým небом, когда оно готово вот-вот разразиться дождем.

— Джек, — в этом голосе не было ни удивления ни вопроса.

Он будто просто высказал очевидное. От такой интонации я почувствовал себя еще более неловко и замялся, не зная, что ответить.

— Присаживайся, Джек.

Я присел рядом с ним на скамейку и поджал под себя ноги, чувствуя себя крайне неуютно.

— Ты оборотень? — и вновь его голос прозвучал, как бы между прочим, скорее утверждение, нежели вопрос. Тем не менее, я ответил:

— Да.

— Расскажи, как ты встретил мою внучку. Мне интересно было бы узнать.

Эта просьба оказалась неожиданной, но я не видел никаких причин, чтобы не удовлетворить любопытство пожилого человека.

— Мне напророчили эту встречу.

Вслед за этим я рассказал, как вступил в возраст зрелости, и как оракул с красной кожей сказала искать синюю деву с желтыми глазами. Также я поведал Перитасу о том, как оказался на пристани в незнакомом враждебном месте, еще не зная, что нахожусь в другом мире. Рассказал, как бежал оттуда и снял Арьянэт с ветки дерева. Не упомянул я только то, что побег мне дался ценой жизни нескольких нелюдей. Хотя я и не жалел о содеянном, все же вспоминать об этом было неприятно. Вряд ли хозяйину дома понравилась бы эта часть истории.

Слушая мой рассказ, Перитас понемногу отвлекался от тяжелых дум, терзавших его разум, а под конец даже улыбнулся.

— Спасибо. Извини, что отвлек тебя. Ты, наверное, искал Арьянэт, — он вновь сделался печальным. — Она должна быть у себя в комнате.

Я поблагодарил хозяина дома и пошел обратно, постоянно срываясь на бег. Оттого, что она не открыла дверь, у меня появилось плохое предчувствие, которое только укрепилось из-за того, что на стук вновь никто не отозвался. Открыв дверь, я увидел, как ее хрупкая фигурка сотрясается от рыданий. Заливаясь слезами, она бормотала что-то и побивала перину кулаком. Страдания синей девы причиняли мне почти телесную боль, и я поспешил успокоить ее.

Стоило мне присесть на край кровати, как она кинулась мне на шею и стала обливаться рубашку слезами. Я успел только положить ладонь ей на худенькие лопатки, когда грудь пронзило жгучей болью, и мне стоило больших усилий не оттолкнуть Арьянэт. Одеревеневшими руками я немного отодвинул ее от себя, что неожиданно прекратило ее рыдания. В первые мгновения она смотрела на меня недоверчиво, как загнанный в угол зверек и только потом увидела, что прожгла мне одежду.

— О, ужас! Что я наделала? — ее крик сорвался шепотом.

Вопреки моим ожиданиям, боль не прекратилась, а только усилилась. Некстати вспомнилось, как в комнате с загадками слезы Арьянэт прожгли толстую плиту пола. Я не мог заставить себя опустить взгляд, но вида лица напротив было достаточно, чтобы понять, что дела обстоят плохо. На лбу выступила испарина. Я подошел к большому напольному зеркалу и, разорвав тунику, заставил себя посмотреть. К счастью, ядовитые дорожки прошли вскользь, оставив после себя кривые обожженные шрамы.

АРЬЯНЭТ

В моей комнате спать больше было нельзя, потому что приступ истерики сделал из кровати сыр. Но это было неважно, потому что я итак все время проводила, сидя у кровати Джека, который метался в лихорадке. Как объяснил Перитас, из-за сильных, окрашенные в темные тона эмоций, слезы стали ядовитыми. А когда появился оборотень, я еще не успела успокоиться, вот он и попал под раздачу.

Он уже несколько дней метался в агонии, не приходя в сознание. Я не смыкала глаз, все это время, дожидаясь, когда друг придет в себя. О том, что лихорадка может окончиться смертью, я старалась не думать. Просидев на страже четыре дня, я замечала, как вокруг его глаз обозначились синяки, становившиеся все более темными, как щеки, которые он по приезду почти сразу обрил, обросли густой щетиной и впали. Дедушка пытался уговорить меня поспать или хотя бы поесть, но все, чего ему удалось добиться, это поставить рядом со мной кувшин с водой, из которого я иногда делала маленькие глотки.

Когда Джек пришел в себя и открыл глаза, мне подумалось, что сон все-таки победил. Я пощипала себя за руку, но видение не исчезало.

— Воды, — его голос стал хриплым.

Напившись, он внимательно на меня посмотрел и слабой рукой погладил по щеке.

— Что с тобой случилось? Выглядишь ужасно, — сделав шаг из могилы, он смог слабо улыбнуться.

Я кинулась его обнимать и не выпускала так долго, как только могла. Заснула я, продолжая крепко сжимать его в объятиях.

Проснувшись, мы впервые за эти дни позавтракали. На подносах стояли миски с молочной рисовой кашей и фруктовым салатом, которые казались огромными после того, как удалось наесться несколькими ложками. А от одного глотка апельсинового сока, живот

скрутило так, что я едва смогла разогнуться. Пришлось разбавить его водой и только потом продолжить пить.

Я кинула взгляд на рюкзак, покинуто стоявший в углу. Все вещи, что у меня были, перекочевали со мной в комнату к Джеку. Чтобы чем-то занять руки, я стала перебирать его содержимое. Мешочки с солью и монетами стали легче, стало меньше свечей, я насчитала всего три. Вертелок требовал чистки от частого использования, и только фляжка бесконечной воды осталась такой же, как прежде. На дне я обнаружила холщовый мешочек с метательными снежинками. Мне вспомнилось, как пыталась спасти голубоглазую первую, было поистине удачей то, что я попала со второго раза. Я обратилась к оборотню:

— Может, пометаем?

— Давай попробуем, — ему было любопытно испробовать новый вид оружия.

Оружие вообще вызывало у него любопытство, как таковое. Мне казалось, что это происходит из того, что мой друг оборотень, а у животных есть когти и клыки. Потому к очередному ножу или кинжалу он относился не как к орудию убийства, а как к произведению искусства. Мишенью мы выбрали боковую от двери стену.

У нас обоих это делать получалось неважнецки. Но каждый новый бросок получался немного лучше, чем предыдущий. Спустя примерно полсотни бросков, я вдруг забыла, как сжимать пальцы, любое движение казалось неправильным и каким-то противоестественным. Когда я метнула оружие в сотый, наверное, раз, рука болела от непривычного напряжения. А три первых пальца и вовсе сводило судорогой. Вырвав последнюю снежинку из стены, чтобы сложить ее обратно, я провела рукой по отметинам. Можно было легко различить, чья рука их оставила. Те, что принадлежали оборотню, были намного глубже тех, что смогла проделать я своей слабой нетренированной рукой.

Положив мешочек обратно, я достала из рюкзака фонарик, которым до сих пор так и не воспользовалась. Воодушевившись, я подошла свечку и аккуратно вставила ее внутрь, из-за чего выяснилось, что она слишком длинная, и пришлось отломить от нее кусочек. Когда эти незначительные приготовления были закончены, я задернула плотные бархатные шторы. Джек молча наблюдал за моими действиями. Когда воцарилась темнота, на испещренной отметинами стене появилась картинка, складывавшаяся из прерывистых контуров. Я села рядом с фонариком и взялась за рычажок.

На первой картинке был очень натурально нарисован щенок с поникшими ушами и хвостиком. Щелчок, с которым поворачивался рычажок, и вот мы уже увидели маленького мальчика со слезами на глазах. Щелчок, и вот уже щенок уселся рядом с мальчиком. На следующей картинке щенок снова был один, но держал палку в зубах. На последней картинке мальчик уже держал щенка в руках. И хоть не было видно его улыбки, мальчик обнимал звереныша так, что было понятно — они оба больше не грустят.

Каждую картинку я задерживала ненадолго, чтобы можно было вникнуть в смысл, но просмотр все равно не занял много времени. Я сменила таблички, на другие и мы вновь обратились взглядом на стену. Второй была история о цветке. Первая картинка изображала раскрывшийся цветок, греющийся на солнышке и пчелку на нем. Щелчок, и вот уже мы увидели по пояс человека, который куда-то идет. Этот образ не был понятен с первого взгляда, потому пришлось помедлить, разбираясь, что же там нарисовано. Задержавшись щелчок, и вот уже толстая подошва, закрывая собой солнце, занесена над беззащитным цветком. Спустя еще один поворот рычажка на стене полился дождь. Последняя картинка, не смотря на грусть всей истории, дарила надежду. На ней было видно, что под теплым

солнышком появился росток нового цветка.

Я помедлила, любуясь ею. Но все же раздвинула шторы и потушила свечу.

— Здорово придумано! Но истории очень короткие, — сказал Джек и вытянул скрещенные ноги.

— Мне это напомнило кое-что, — мне было грустно, но это чувство было светлым. — Ситуацию, когда я попала в мир извергов. Я была одинока, но появился ты и скрасил мою жизнь.

Джек притворно надулся.

— Это что ж получается, я, по-твоему, песик?

— Ну, ты же можешь быть им.

— Могу, — он оскалился и зарычал. Выходило очень похоже на звук, который издают щенки, когда злятся.

Я не смогла удержаться от смеха. Но остановилась, когда оборотень посерьезнел.

— Если ты так расшифровала те картинки, то присмотришься и к другим. Может статься, что ты тот самый цветок, который раздавлен обстоятельствами.

Его слова придавали надежду, но и напомнили мне о том, чего я весь день старательно пыталась избегать. Видимо заметив мой грустный вид, Джек подсел ближе и обнял меня. Его объятия были самой надежной крепостью, в которой можно было спрятаться не только от проблем, но и от всего мира. Вернувшись мыслями к потрясениям последних дней, я поняла, что не чувствую ничего по поводу ухода Хокена и Азалии. Оборотень, находившийся несколько дней на пороге смерти, обнажил для меня то, что стало действительно важным. Для меня была важна его жизнь.

— Ты готова?

Перитас стоял напротив меня, не удосужившись даже надеть доспех. Его легкая кожаная куртка и рубашка под ней не смогли бы защитить от удара меча, как и простые штаны из грубой ткани. Вместо ответа я лишь стала буравить его укоризненным взглядом.

— Объясняю в последний раз, — его голос был мягким, но в нем угадывались строгие нотки. — Мне ничего не угрожает. Во-первых, ты все еще плохо умеешь обращаться со Звездным Светом. Во-вторых, он не причинит мне вреда, пока ты по-настоящему не пожелаешь мне смерти. И в-третьих, если ты захочешь меня убить, даже стальная кираса не задержит этот меч.

Хоть мы и проводили тренировки уже два года, я все никак не могла до конца поверить в то, что его слова — правда. Из-за этого я никак не могла себе позволить выложиться на полную катушку. Мне прежде уже приходилось убивать людей, о чем я вспоминаю не без содрогания. Но все те, кто пал от моей руки заслуживали такой участи, в отличие от Перитаса.

— Арьянэт, время здесь идет довольно быстро, по сравнению со многими остальными мирами, но такими темпами ты даже здесь не успеешь.

Мне было стыдно, но я никак не могла перебороть этот страх, что один неверный или слишком свирепый удар прервет жизнь моего учителя. Ведь несмотря на то, что он был великолепным фехтовальщиком, все же годы брали свое.

— Хорошо, — он закатил серые глаза, глядя на мое виноватое лицо, и стал снимать куртку. Повесив ее на крючок, он закатал правый рукав рубашки и положил руку на стол. — Давай.

От таких действий я могла лишь недоумевать, что и проделывала с завидным мастерством. Перитас вздохнул.

— Попробуй отрубить мне руку, не томи. Ну же!

От таких слов я чуть не выронила меч.

— Так ты уже, наконец, убедишься и дело с концом.

Я медленно подошла, волоча острие меча по каменному полу, отчего тот высекал голубые искры. Во мне боролись противоречия. С одной стороны я боялась, того, что возможно увижу, как его широкая мозолистая ладонь отлетает вместе с частью предплечья, с другой — понимала, что это нужно сделать, чтобы продолжать обучение. Взгляд привычно скользнул к возвращенному мне браслету с вставленным в него сапфиром. Оказалось, что эта вещь была, не только призвана вернуть меня домой, но и сдерживать мои способности до тех пор, пока не найдется подходящий учитель. Я занесла меч, сделав легкое движение запястьем, отчего клинок описал сверкающую серебряную дугу, и сосредоточилась на жилистой руке, лежавшей передо мной. Лишь один глубокий вдох понадобился мне, чтобы решиться. Мгновение, и Перитас ойкнул, потирая ушибленную руку.

— Теперь, ты поверила? — спросил учитель, пока надевал куртку.

— Да.

В душе у меня разливалась приятная решимость.

— Тогда начнем.

И мы начали тренировку. Но теперь я уже не сдерживала себя и не пыталась церемониться. Я видела по лицу Перитаса, что отражать мои удары дается ему теперь без прежней легкости. Он продолжал отступать до тех пор, пока я не выдохлась. Но, когда это произошло, отступать пришлось мне. Некоторое время мне удавалось уверенно парировать удары, но руки уже начинали трястись. Учитель, однако, и не думал останавливаться. Я продолжала отбиваться, каким-то образом находя в себе силы раз за разом поднимать обессилившие руки. Но, когда я уже собиралась сдаться и попросить пощады, открылось второе дыхание.

Вдолбленные за все время обучения приемы получались как бы сами собой, а ноги и корпус двигались без моего мыслительного участия. Прошло достаточно много времени, пока мы бились на равных. Под этим я подразумеваю не то, что уровень моего мастерства ни с того ни с сего стал дотягивать до уровня Перитаса, а то, что количество нападающих ударов и блоков было примерно одинаковым у обоих. Почувствовав, что учитель поддается и понизил натиск, я разозлилась и с криком сделала серию рубящих ударов, стараясь загнать своего противника в угол. Стоило мне поверить, что у меня это получилось впервые за два года, как учитель неожиданным резким движением подался в бок и мгновение ока приставил лезвие к моей шее.

— Умерла, — голос его против обыкновения был довольным.

Вечером мы сидели за резным деревянным столом, ножки которого изображали дриад. Лица духов дерева были печальны, их тонкие руки, поросшие листьями, обвивали ножки стола, будто желали их уберечь. Я в первый же раз отметила эту поразительно реалистичную работу мастера и идею, которую он в нее вложил. Дриады, по преданиям, жившие до тех пор, пока живо их дерево, остались при нем даже тогда, когда его срубили.

Я держала в руках кружку ароматного обжигающе горячего чая, в последнее время у меня вошло в привычку пить его по несколько раз на дню, а чем горячее был напиток, тем лучше. Джек сидел рядом, понуро опустив голову вниз.

— Снова ничего? — я участливо взяла его за руку.

Оборотень целыми днями просиживал штаны за книгами в обширной библиотеке, которая обнаружилась в доме. Он был одержим идеей найти что-то, что поможет нам в обещанной битве. И с каждым днем все больше становился хмурым. Когда Джеку надоедали бесплодные ковыряния в книгах, он приходил посмотреть, как я тренируюсь, что несколько воодушевляло меня. При виде моих успехов, в его глазах загорались веселые искорки. Постоянно оттачивать технику, единственное, что я могла сделать, чтобы поднять его настроение.

— Да, все сведения о тенях, что мне удалось найти очень разрозненные. В одних говорится, что они не могут существовать без света, а в других, что только во тьме и обитают, — он в отчаянии заломил руки. — Я бесполезен.

С этими словами Перитас зашел в гостиную и сел за стол.

— В форме любого опасного зверя, ты дерешься лучше нас обоих. Уже поэтому ты не бесполезен. А если принять в расчет, что ты можешь скинуть шкуру убитого зверя с себя и вновь обернуться, увеличивает твою полезность многократно.

Оборотень хмыкнул, но было видно, что ему этого недостаточно. Что ж, так продолжалось изо дня в день и мучило меня безмерно. Я уже знала, что поделаться с этим ничего не смогу, потому решила немного отвлечься разговором с учителем.

— Могу я спросить?

— Конечно, — он сложил домиком руки, на которых было по шесть пальцев. Их вид напоминал мне о прошлой жизни и оказывал успокаивающее действие.

— Почему ты ждал два года, чтобы дать мне попробовать отрубить тебе руку?

Как я и надеялась, Джек стал заинтересованно прислушиваться.

— Потому что боялся, что ты мне ее отрубишь, — говоря это, Перитас имел такой вид, будто я спрашиваю об очевидном.

— А почему сегодня перестал бояться? — я вопросительно приподняла бровь.

— А я и не переставал, — он улыбнулся, но сразу посерьезнел. — Только вот, если бы ты, наконец, не стала учиться во всю силу, моя рука все равно мне бы скоро стала без надобности.

Ложась спать, я думала о том, что прошедший день был особенным. Я переступила черту, что долгое время тормозила мое развитие, и даже Перитас расщедрился на похвалу. Конечно, эта похвала была обращена к Джеку, но все же. Стоило мне уснуть, как пред глазами предстала наша первая встреча. Оказалось, что я успела забыть, как все было, и будто заново проживала события минувших дней.

Оборотень лежал на голом камне, припорошенном снегом, его обнаженное смуглое тело было прикрыто моим жилетом, как набедренной повязкой. Его глаза были обращены в небо, но взгляд — в себя. Глубокий голос, которым он рассказывал свою историю, умиротворял даже во сне. От трепета, с каким он рассказывал о Четырехпалом Гарте и Роберионе Великолепном, мое сердце готово было пуститься в пляс. Проснувшись я со слезами на глазах — мне не хватало того веселого Джека, каким он был прежде.

Движимая воспоминаниями, я залезла в шкаф и достала оттуда рюкзак, с которым когда-то давно, а на деле всего лишь два с лишним года назад, отправилась в путешествие по мирам. В нем были сложены оставшиеся от похода предметы и та одежда, в которой мы прибыли в Логово. Я выпотрошила его до основания, рассматривая каждый предмет, когда наткнулась на помятый листок пергамента.

«История о драконе Малцкозндзаре».

«И родила богиня мир, и был тот мир в яйце. Единственное, что могло разбудить новорожденный мир ото сна — тепло его отца-дракона. И явился дракон по зову ее и высидел мир, в котором поселились они на долгое время».

Это был отрывок из книги, которую подарил мне Хокен. Листок выглядел вырванным, что только укоренило меня в предположении, что он выпал из потрепанной книги и сохранился на дне рюкзака. Мне невольно вспомнилась та история. Она имела полное название «Смерть дракона Малцкозндзара от руки великого рыцаря Пересвета Лучезарного, свершившего сей подвиг во имя прекрасной принцессы Андеи, первой носительницы своего имени». При прочтении такого названия, создается впечатление, что в книге будет воспета доблесть и отвага рыцаря Пересвета, но стоит углубиться в историю, как понимаешь, что дела обстоят совершенно иначе.

Оказалось, что рыцарь был безмерно и при том беспочвенно влюблен в принцессу Андею, которая была мила и обходительна со всеми гостями своими короля отца. Изыскивая способ признаться принцессе в любви, он сначала обратился к испытанным временем методам. Прокравшись ночью сквозь замковый сад, Пересвет запел серенаду под окном, которое по его предположению должно было принадлежать юной принцессе. Место оказалось выбрано ошибочно, ведь те окна принадлежали кронпринцу, а тот, к сожалению, рвение рыцаря не оценил и спустил собак на нарушителя спокойствия.

Пересвет Лучезарный осознал свою оплошность и на следующую ночь выбрал другие окна, убедив себя в том, что фиолетовые занавески могут принадлежать лишь принцессе. Оказалось, однако, что та комната принадлежала фаворитке короля, который в ту ночь решил ее с дамой сердца разделить. Посему правитель был крайне недоволен тем, что кто-то под окнами его фаворитки признается ей в любви, да еще и отвлекает этим Его высочество от дел. На этот раз на певца не только спустили собак, но и стражников, которых отрядили патрулировать сад в эту и другие ночи.

Но рыцарь и не думал отчаиваться, вместо этого он вдолбил себе в голову, что принцесса влюблена в него по уши, а потому никто не помешает им быть вместе. Продумав новый, несомненно, гениальный план, он решил выкрасть Андею из ее покоев. Пересвет смог пробраться сквозь сад, охраняемый стражниками, проникнуть в замок, но вновь допустил ту же ошибку, что и в прошлые разы, а все потому, что запутался в коридорах. Он плутал там, никем не найденный, пока не выбрался наружу через тайный ход.

Вымотанный и уставший, он отдохнул и стал придумывать новый план. Если не получается найти ее в этом замковом лабиринте, пусть принцесса сама найдет его. А для того, чтобы у Андеи был к этому серьезный повод, с которым посчитался бы сам король, необходимо было совершить подвиг. Таковым рыцарь посчитал убийство дракона. Вооружившись, он сел на коня и поехал к месту, где в последний раз видели это древнее существо.

На его счастье, дракон обнаружился быстро. Он спал под деревом, да так крепко, что не проснулся даже тогда, когда рыцарь отсек ему голову. Вернувшись, Пересвет Лучезарный продемонстрировал всему городу отрубленную голову и отправился домой, дожидаясь королевского визита. Но этого не произошло ни в тот день, ни на следующий. Возмущившись, Лучезарный рыцарь сам нанес правителю визит и потребовал в награду за свою храбрость принцессу в жены.

Выяснилось, что дракон испокон веков охранял город от нашествия темных сил, а в ту пору и вовсе полностью ушел в себя, что отдать все тепло яйцу. За свершенное преступление рыцаря обезглавили, а его гниющую голову залили смолой и насадили на пику ворот для всеобщего обозрения. Но это не вернуло дракона к жизни и уже не могло никого спасти. Ведь вскоре темные силы совершили очередное нападение и, не встретив сопротивления, победили, сделав всех живых своими рабами.

Несмотря на грустный конец, эта история, помнится, помогла мне заснуть. А во сне я летала на желтом змееподобном драконе с синими глазами, которые прорезал узкий зрачок. Мне вспомнился Роберион Великолепный из рассказа Джека и его мудрое решение предупредить будущие нападения заранее. «Здорово, наверное, уметь обернуться драконом и летать, устрашая врагов одним лишь своим видом». Я вернулась на кровать, где, свернувшись калачиком, спал оборотень, и остановилась, как вкопанная.

— Проснись, Джек, проснись! — я стала бесцеремонно трясти его за плечо, пока он не разлепил свои сонные зеленые глаза.

— Что, что такое? — он смотрел на меня с недоумением, все еще находясь во власти сна.

Я достала из рюкзака вырванный из книги листок и сунула его оборотню под нос.

— Что это?

Он протер глаза и, сдвинув брови, стал гипнотизировать строчки.

— Это вырванная из книги страница.

Я расстроилась из-за того, что мое интуитивное предположение оказалось неверным, и села. Джек же окончательно проснулся и снова глянул на лист, будто только сейчас его увидев.

— Я нашел этот лист в книге, которая описывала мою жизнь. В комнате под номером один, в которой должно было быть обещанное пророчество. Но Перитас сказал, что Бойкий хотел только повеселиться, а потому и слушать его нечего, поэтому я убрал этот лист, да и забыл про него.

— Думаю, что ты можешь нам помочь.

Отыскать комнату дедушки было нетрудно, он показал ее еще полтора года назад, чтобы в экстренном случае его можно было отыскать. Нужно было только спуститься на один этаж под землю и, оказавшись в тренировочном зале пройти его до конца. Там и находилась нужная дверь.

Стоя в ярком свете магических кристаллов, я посмотрела на деревянную дверь, обитую железными заклепками, и занесла руку для удара. Дверь гремела так, будто сотня безработных поварят устроила забастовку на ярмарочной площади и привлекает к себе внимание ударами ложек о кастрюли. Долго ждать не пришлось, и уже после третьего удара дверь распахнулась, явив нам бодрого Перитаса собственной персоной.

— Арьянэт? — он даже не удивился моему появлению в столь поздний час.

— Перитас, нам нужно поговорить.

Хорошо, он вышел из комнаты, бесшумно затворив за собой дверь.

— Пойдемте пить чай.

Поднявшись, я и Джек сели в деревянные кресла, на которые почти сразу после прибытия я положила маленькие подушки, вытащенные из моей бывшей комнаты. Дедушка ушел готовить чай, помнится, однажды я предложила помощь, чувствуя себя неудобно оттого, что пожилой человек делает чай двум молодым. Он только махнул рукой и заверил меня в том, что сам процесс приготовления доставляет ему удовольствие и он не хочет его лишаться. Вскоре Перитас принес три больших кружки, от которых исходил ароматный пар, источавший травяные запахи.

— Так о чем нам нужно поговорить? — он сделал большой глоток, совершенно не страшась обжечь язык.

— Вот это, — я развернула перед ним листок, — было дано Бойким Джеку, как пророчество.

Дедушка внимательно пробежал глазами текст и воззрился на меня, ожидая продолжения.

— Один из предков Джека мог обращаться в дракона.

— Это только легенды, Арьянэт. Никто из ныне живущих не может этого делать, никто из ныне живущих не встречал на своем веку тех, кто мог это делать прежде.

Перитас внимательно нас выслушал, сложив шестипалые ладони домиком, после чего вынес вердикт.

— Хорошо, Джек. Послушай, что я тебе скажу. Легенды говорили о том, что проводники существовали, но к тому моменту, когда я стал их разыскивать, проводников никто не видел уже много лет. Однако мы сейчас пьем чай в обществе такого проводника. Другой разговор заключается в том, что в борьбе с тенями обличие дракона тебе только помешает. Он, — дедушка постучал пальцем по столу, подбирая слова, — не маневренный. Вот если бы драконье пламя уничтожало теней, — когда он договорил, у всех нас троих

перехватило дыхание.

Глава двадцать первая

Просыпаясь и каждое утро, видя перед собой лицо оборотня, я, с каждым днем все реже, но все же вспоминала учебу в пансионе и то, как было весело просыпаться с Лиссой. Признаться честно, мне немного не хватало нашей болтовни обо всем и ни о чем. Однажды я даже усомнилась в том, что Перитас прав, Мелисандра с Хокеном могли просто потеряться при переходе. Такое допущение вселило в мое сердце небольшую надежду, что однажды мы встретимся и снова будем дружить, как раньше. Нельзя было сказать, что я к этому стремилась или возвращала такую мечту в своем сердце, но крохотная надежда, жившая в дальнем уголке души делала потерю подруги не такой обидной.

Джек опять засиделся допоздна в библиотеке, пытаюсь разыскать информацию о драконах и драконьем пламени. Проснувшись раньше него и глядя, на его смуглое лицо с упорно прораставшей щетиной, я вновь вспомнила подругу и фарфоровую белизну ее кожи. Все в ней было другим, даже спала она, спрятав голову рукой, в отличие от оборотня, который смотрел в потолок закрытыми глазами. Я тихонько выскользнула из постели и пошла в ванну, чтобы начать новый день.

С того самого момента, как Перитас подставил руку, доказав тем самым, что опасность ему не грозит, тренировки с каждым разом проходили все успешнее. Лишь задним числом я вспомнила предсказание чародея на ярмарочной площади, полученное в детстве. «Близкие будут уходить из твоей жизни, пока ты не встретишь дракона», — сколь мне помнится, оно звучало так. А понимающий проницательный дедушка с множеством интересных историй уже давно стал мне близким. Оборотень мог стать самым настоящим драконом, что уже однажды и продемонстрировал. Поляна у Логова была довольно обширной, но даже она едва-едва смогла уместить большого красного дракона с зелеными человеческими глазами.

Перед завтраком я спустилась в тренировочный зал, где меня уже ждал учитель.

— Готова?

Я сняла со стойки Звездный свет и, взяв его двумя руками, ощутила приятную «легкую тяжесть», как ее называла. Это чувство трудно поддавалось описанию, но заключалось оно в том, что этот меч, будучи легким, давал фехтовальщику почувствовать скрытую внутри него мощь.

— Готова.

Раньше мне казалось, что тут нет ничего сложного, просто машешь железякой туда-сюда и все. Не удивительно, впрочем, что все обстояло совсем иначе. За несколько лет тренировок я испробовала разные методы ведения боя. Пробовала отсидеться в защите, парируя удары и дожидаясь, пока выдохнется противник, пробовала обманывать, давая ложную слабинку. После того, как я перестала сдерживаться, в ход пошел новый способ — победить рывком, а именно серией быстрых и мощных ударов. Но, если в этом и была польза, то только от эффекта неожиданности в первый раз, в последующие разы такие попытки проваливались.

Кроме занятий с мечом несколько часов в день я уделяла контролю над сознанием. Сначала Джек тоже изъявлял желание поучаствовать, но после нескольких первых занятий посчитал это скукой. Нарботанные за годы оборотничества, его навыки сильно превосходили мои. Но старательно практикуясь, я все же смогла добиться результатов. Этот

день стал вехой всех моих трудов. Я чувствовала, когда надо усилить натиск, когда ослабить его и когда совершить обманный маневр.

Меч стал продолжением не только моей руки, но и души. Перитас стал уставать от моих неожиданных маневров, но я продолжала вести свою игру, до тех самых пор, пока не поняла, что настал нужный момент. Время будто замедлилось, когда я широко замахнулась и рубанула встреченный меч, который попытался парировать удар. Сапфир в рукояти Звездного света засиял за мгновение до встречи клинков, и оружие в руке учителя разлетелось на сотню кусочков.

— Я рад, что это все-таки произошло, — он довольно улыбался. — Очень своевременно, ведь сегодня у нас будут гости.

В душе разливалось приятное спокойное удовольствие от преодоления нового рубежа, и новость о приезде гостей меня только порадовала.

— Кто они?

— Другие валькирии, которые вместе с тобой будут бороться с армией теней во имя победы света и добра, — голос его звучал почти торжественно. — Не уверен, что правильно запомнил, сама понимаешь, годы. Память уже не та, что прежде, — он очень натурально изобразил грусть, но рассмеялся, получив тычок локтем.

Время до вечера пролетело незаметно, и, как и было обещано, стали прибывать гости. Стоило мне увидеть первую из них, как я остолбенела. Серебристые волосы, резко контрастирующие с черной кожей, все те же нахальные серые глаза, в которых, правда, прибавилось настороженности. Я, будто в первый раз, подверглась придирчивому осмотру «участницы № 5», после которого последовала улыбка и объятия. От такого неожиданного проявления чувств, у меня чуть сердце не остановилось. Выпустив меня, она гортанно поздоровалась:

— Добрый вечер. Я Мисандиса, а как твое имя?

— Добрый вечер, Мисандиса. Я Арьянэт.

Гости прибывали один за другим, постепенно заполняя гостиную. Для того, чтобы всех рассадить, пришлось принести дополнительные стулья из кладовой, но, благодаря дедушке, мы сделали это заранее. К концу вечера мне пришлось запомнить десять имен и каждую из их обладательниц, которых трудно было спутать.

Помимо Мисандисы, к нам прибыли: Виленга с пламенным топором наперевес. Ксюсадэт с мускулистыми кожистыми крыльями за спиной, у Нэлис рот был закрыт железной полумаской, а ее голос звучал прямо у меня в голове. Мортисью оказалась маленькой девочкой с повязкой на глазах, Изида без остановки читала, и даже, когда представлялась, не отрывала взгляд от книги. Калигона, не церемонясь, прочитала мои мысли, а у знойной Мэри на поясе висел свернутый кнут, который беспрестанно шевелился. У Синдрагоры были красные глаза с вертикальным зрачком и острые выглядывавшие клыки. Только Донканзу ничем не особенным не выделялась и оттого казалась самой опасной.

Когда все гости познакомились между собой, с хозяином дома и Джеком, стол наполнился едой и напитками. Мне прежде не доводилось видеть, как это происходит. Потому я была удивлена не меньше остальных при виде того, как на столе из ниоткуда появляются блюда. Не удивились только, пожалуй, Изида, которая не отрывала глаз от книги под названием «Подсчет стоимости земель в расчете на шингельсы», да Перитас, которому приходилось устраивать здесь сборища и прежде.

Мне доводилось читать книги, в которых встречались описания военных советов, и я

ожидала, что все будет происходить также. Но реальность оказалась совсем не такой, как я себе представляла. Стоило валькириям добраться до угощения, как тут же начались громкие разговоры. К моему удивлению, в них участвовала даже маленькая Мортисью, которая непонятным для меня образом безошибочно находила предметы с завязанными глазами. Вилента, положив топор, лезвие которого горело огнем, себе на колени и совсем не опасаясь сгореть, стала оказывать внимание Джеку, который от ее натиска растерял все свое обаяние. Даже Изида умудрялась участвовать в разговоре, перелистывая страницу за страницей. Казалось, что кроме меня молчала лишь одна девушка — Нэлис, но я не была в этом до конца уверена. Может статься, она отвечала всем по отдельности.

Дедушка выждал некоторое время, чтобы дать девушкам утолить голод, после чего постучал по столу рукоятью ножа, привлекая к себе внимание.

— Дамы! — прежде я не слышала, чтобы его голос приобретал такие властные нотки.

Все взгляды, кроме одного обратились к нему.

— Терпеливый посетил вас всех, вам известно, зачем мы здесь собрались.

— Терпеливый? Я зову его Усталым, — пробурчала Вилента.

Перитас не удостоил эту реплику вниманием и продолжил:

— Назначенный день настанет в том мире уже завтра. В Логове время течет медленнее, но даже логово тянется к этому дню, потому у нас есть только неделя. Если она, конечно, нам понадобится.

— По мне, так пойдем и убьем их всех. Чего ждать? — Изида произнесла это скучающим тоном и при том не отводила глаз от страницы.

Ее поддержали одобрительными возгласами. По тому, как заблестели серые дедушкины глаза, я поняла, что именно такой реакции он и ожидал. Мне вдруг вспомнилось, что он ждет этого уже очень давно, а на его век выпало пережить любимую жену и дочь.

— У меня есть к вам лишь три вопроса. Первый и очень важный вопрос состоит в том, известно ли вам может ли драконий огонь убивать тени?

— Огонь создает свет, а тени появляются только при свете, это же очевидно, — я не переставала удивляться тому, как внимательно читая книгу про землю и шпингельсы, Изида успевала не только услышать вопрос, но еще и ответить на него.

Мне вдруг стало любопытно, как она сражается: не отрываясь от чтения или орудуя самой книгой. Джек от такого ответа стал еще более подавленным, чем был прежде. Стоило мне только порадоваться, что новые знакомства смогут его отвлечь от горестных дум.

— Второй вопрос заключается в том, умеете ли вы работать в команде?

В ответ ему, подтверждая себя, прозвучало почти стройное «да».

— И, наконец, третий и последний вопрос: вы готовы выступить с рассветом?

— ДА! — Валькирии застучали кружками по деревянному столу, создавая не только шум, но и боевое настроение.

Посиделки закончились почти сразу после того, как было принято решение. Каждая из валькирий, поужинав, уходила выбирать себе комнату. Оставшись в гостиной втроем, мы еще некоторое время сидели, распивая чай и разговаривая.

На следующее утро, все одиннадцать валькирий (я уж стала причислять себя к их числу), оборотень и Перитас собрались у выхода, столпившись под вывеской «Логово», еще до того, как первый солнечный луч пронзил небеса. Перитас велел всем взяться за руки и, когда мы это сделали, первым открыл дверь дома, чтобы перенестись в нужный мир.

Как объяснил мне дедушка, та карта, что мне выдали в резиденции перед путешествием,

была очень сильным артефактом. Ее присутствие рядом с любой дверью, могло сделать последнюю проходом в другой мир. А для того, что карта выбрала конкретную дверь, нужно было провести «совсем уж смехотворные» манипуляции. Я шла в числе последних, держась за руку Ксюсадэт и следя за тем, чтобы ее крыло не ударило меня по лицу. Переход дался легко и уже спустя мгновение после того, как я занесла ногу за порог, вокруг везде, куда падал взгляд, стал простираться голый серый камень. На здешнем бледном небе солнце уже довольно высоко поднялось в небесах, давая при этом слишком мало света.

— Тот, кто придумал, что битва должна состояться, отлично выбрал место, — послышалось у меня из-за спины, судя по голосу, это сказала Вилента.

— И когда же армия теней явится, чтобы принять свою смерть? — скучаяще поинтересовалась Изида, не отрывая взгляда от строчек.

— Думаю совсем скоро, — пробормотал Перитас и оказался прав.

Солнце едва успело немного проползти по небу, когда явились они. Мне показалось, что камень вдруг взбугрился. Но отделившись, тени стали двигаться бесшумно и неспешно, будто прогуливались. Стоило присмотреться, и можно было различить людские силуэты или уловить ускользающие черты лица.

— Они были людьми, — пробормотал Джек.

— Да, — Вилента встала рядом с ним в боевую стойку, — так что мы должны не только спасти вселенную, но и освободить бедолаг.

Увиденного было достаточно, потому Джек не стал медлить и обернулся. Перед тем, как мы легли спать, оборотень рассказал мне, что обнаружил кое-что интересное в библиотеке. Все это время он копил сведения о необычных животных из разных миров, способности которых не ограничивались простыми телесными характеристиками. Но раскрывать каких именно существ он нашел, не стал. И вот теперь в наши ряды влился черный зверь, сотканный из клубящегося дыма. Его очертания постоянно менялись, но мне казалось, что в них всегда угадывалось животное, похожее обликом на снежного кота.

Но времени рассматривать в подробностях не оставалось, тени уже летели над землей, не касаясь ее, и с каждым мгновением все больше ускорялись. В прошлой жизни это зрелище могло напугать меня до смерти, но теперь достаточно было глубоко вдоха, чтобы мысли стали ясными, как погожий денек. Сжимая серебряную рукоять, я чувствовала, как в предвкушении подрагивает меч. Расстояние между врагом и нашим отрядом стремительно сокращалось. Я успела заметить только то, что, Джек рванул навстречу опасностям, вырвавшись вперед, как и кнут Мэри, который затянулся на шеи у одной из теней, отчего та задохнулась, как обычный человек.

Сразу после этого весь мир смешался. Я ожидала, что тени будут бесплотными, потому сделала не слишком сильный замах, но первый же противник доказал мне обратное. Из-за слабого удара, которым я надеялась развалить тень от плеча до пояса, меч застрял в серой мглистой плоти. Такая оплошность едва не стоила мне жизни, потому что противник, подпущенный мною слишком близко, успел занести кинжал из сгустка тьмы и почти загнал мне его под ребра, когда пламенный топор обрушился ему прямо на голову.

— Не зевай, — бросила Вилента и с рыком бросилась на следующего врага.

Этого случая мне хватило, чтобы впредь использовать оружие во всю силу. Сапфир в рукояти Звездного света сиял, не подпуская теней ближе, чем нужно было для смертельного удара. Мы с мечом стали единым существом, которого трясло от радостного возбуждения. Увлечшись битвой, я не заметила, как оказалась в гуще врагов, и ни одной валькирии не

было рядом.

— Ха-ха-ха, — осознав ситуацию, я рассмеялась в их ускользающие лица.

Произошедшее лишь раззадорило нас, и мы закружились в смертельном танце, каждым взмахом меча, освобождая душу какого-то человека. Будь у теней кровь, я уже выпачкалась бы вся, но умирая, они лишь разлетались клочками тумана. Некоторые из этих клочков пытались на мне осесть, но не могли удержаться из-за постоянного движения.

Ряды врагов редели. Солнце медленно ползло по небу, но к тому моменту, как везде, куда простирался глаз, не осталось ни одной тени, оно уже стояло в зените. По прикидкам пыл битвы завел меня далеко от того места, где мы появились, хотя определить точно, где оно не представлялось возможным. Всех валькирий разметало, и теперь мы медленно стягивались друг к другу. Тело еще подрагивало, но я чувствовала, что скоро вся усталость навалится разом и тогда мне не поздоровится. Я увидела быстро приближающуюся ко мне темную фигуру, и сжала рукоять меча, готовая зарубить последнюю тень, но то оказался лишь Джек в облике все того же зверя. Подойдя ко мне, этот сгусток дыма сделался нагим оборотнем, который почти сразу превратился в лошадь и присел, чтобы у меня появилась возможность на него вскарабкаться.

Без седла и стремян ехать было довольно неудобно, но то было все же лучше, чем медленно волочить ноги по безжизненному камню. В небо поднялась фигура, бьющая кожистыми крыльями.

— Это Ксюсадэт, поехали к ней, — шепнула я на ухо белоснежному скакуну.

После моих слов он пошел иноходью, за что я была ему благодарна, пойдя он галопом, я могла бы свалиться. Когда все потихоньку стянулись к крылатой валькирии, я увидела побледневшего дедушку. Спешившись, я сразу же кинулась к нему, Перитас зажимал ладонь, а на его одежде запеклась кровь.

— Что произошло?

— Мелочи, — он улыбнулся почти также бодро, как и всегда. — Просто одна из теней убрала мне лишние пальцы, — на этих словах он убрал руку и показал, что на левой ладони не хватало двух пальцев. Я облегченно выдохнула, радуясь тому, что из всех бед, что могли произойти, произошла наименьшая.

Все остальные были в порядке, а потому мы не стали задерживаться в том месте дольше и, взявшись за руки, активировали сапфир в моем браслете. О том, что этот артефакт должен был вернуть меня не в столицу, а в Логово, я, конечно же, узнала от Перитаса. Оказалось, что Терпеливый подменил браслет, и спасенная мною первая свалилась чуть ли не на голову дедушке. Он несказанно удивился, но выходил ее и отправил домой. Теперь этот же браслет вернул туда и нас.

Появившись в гостиной, я услышала игривый голос Виленты:

— Что же ты творишь, красавчик?

Было бы странно услышать такое обращение по отношению к моему дедушке, а если исключить его, мужчина с нами был только один. Я обернулась, обнаженный оборотень стоял у стены, а валькирия прикрывала его топором, горящее лезвие которого закрывало Джека от пояса до середины бедра. Видимо при прохождении портала логово сбросило с него форму зверя. Судя по лицу, парню не было горячо, но такое соседство ему определенно не нравилось.

Я пробралась сквозь прибывших, и шепнула оборотню на ухо: «Стань мышкой, я отнесу тебя в комнату». Рядом послышалось: «Я тоже могу отнести тебя в свою комнату». От

натиска валькирии Джек густо покраснел и, в мгновение ока превратившись в маленького серого зверька, скользнул мне в подставленную ладонь.

Глава двадцатая

— И что же ты будешь делать в столице? — Джек неодобрительно глядел на то, как я собираюсь.

— Может, на ярмарку схожу, не знаю. Перитасу виднее.

Шкафы в Логове снабжали меня всей необходимо одеждой, но в этот раз мне захотелось вернуться к старому костюму. Достав его из рюкзака, я подивилась тому, что несколько лет в сложенном состоянии не оставили на нем никакого отпечатка.

— Белый тебе к лицу, — оборотень, стоя за спиной, разглядывал меня через отражение в зеркале.

— Меня бы больше устроил желтый цвет, белый в моем мире является цветом траура. Но я хочу надеть именно этот костюм, потому придется смириться.

Собравшись, я вышла в гостиную, где меня уже ждал Перитас. Одет он был также как и всегда, в плотные темные штаны, плотную же рубашку и кожаную куртку. Единственным отличием было, пожалуй, то, что на рубашке по вороту и рядом с пуговицами пролегал кайма из тонкой вышивки серебряной нитью.

Он поправил небольшую сумку из грубой дубленой кожи, свисавшую у него с плеча.

— Готова?

Я кивнула, и мы взялись за руки. Я обратила внимание на то, что дедушка дал мне здоровую руку, покалеченной же неловко стал открывать дверь. Так как на ней не хватало только двух последних пальцев дело пошло лучше, чем если бы там не было двух первых. За порогом виднелась привычная цветочная поляна, но было видно, что она дрожит, будто знойный воздух. Перитас пошел первым, я шагнула в проход следом за ним, и мы оказались на ярмарочной площади в базарный день.

Кругом стоял невообразимый шум от множества говорящих одновременно голосов, детских криков и музыки. Продавцы нахваливали товар, пытаясь поднять его цену, покупатели наоборот ругали его, старясь цену сбить, и обе стороны получали от процесса удовольствие. Дедушка не выпуская руки, повел меня сквозь разномастную толпу. Я также следовала за Хокеном несколько лет назад, на пути к бару с вывеской в виде кружки пива и кружки молока. Когда мы вышли с площади, я сумела отыскать неприметную дверь этого бара. С вывески, которая и прежде выглядела облупившейся, теперь краска облетела настолько, что кружки можно было различить только по деревянной шапке пены над одной из них.

Но наш путь пролегал в другую сторону, а именно в конюшню. Там Перитас взял на время двух вороных скакунов, которые, несмотря на свою блестящую начищенную шкуру, выглядели неважно. Мне достался тот, что хромал на переднюю и заднюю ногу, из-за чего всадника в седле постоянно потряхивало, а моему спутнику — с бельмом на левом глазу, из-за чего тот постоянно косил в сторону. К нужно нам оконечности столицы, мы ехали, куда дальше, чем могли бы добраться, вези нас резвые скакуны, но мы добрались. Как и все ворота в столице, эти представляли собой только символическую арку, украшенную узором из лепнины.

Вперед теперь вела только одна дорога из утрамбованной земли, с проезженными

колеями, по ней мы и поскакали. За городом можно было бы пустить лошадей галопом, но с такими конями это было чревато, потому мы продолжили свою неторопливую прогулку. В прошлой жизни, такая медлительность вывела бы меня из себя, но не теперь, а потому я просто наслаждалась видом красного хвойного леса и запахом, который он распространял. За время своего отсутствия я успела забыть, как чудесно находиться в лесу, где растут деревья хели.

Когда дорога в очередной раз, я посмотрела направо и увидела крутой склон, деревья, которые росли на нем, искривились, стремясь выпрямиться. Мне вспомнилось, как я прыгала там со скакуна, не чета тому, на котором ехала сейчас и как катилась кубарем вниз, собирая головой все веточки и камешки. Даже умудрилась ни в одно дерево не врезаться. Я уже рассказывала дедушке о том, как пыталась сбежать, потому сейчас лишь указала на склон.

— Вот здесь я спрыгнула с лошади, когда пыталась улизнуть от проблем с замужеством. Перитас цепким взглядом серых глаз оценил склон.

— Без сомнения это был очень продуманный план.

Когда солнце достигло зенита, мы добрались до резиденции, которая была построена по типу княжеской усадьбы. С того места, где мы находились, виднелась верхушка башни, в которой мне пришлось пожить несколько дней. Когда мы подъехали к воротам, нам навстречу вышла старая кастелянша, которая за время моего отсутствия ничуть не изменилась. Это было и неудивительно, ведь в столице успело пройти всего несколько месяцев.

— Добрый день, — она подвергла нас придирчивому осмотру, особенно подробно рассматривая меня.

По тому, как поджалась ее и без того тонкие губы, стало понятно, что меня не мешало бы отмыть с мылом, чтобы я стала выглядеть, как человек.

— Добрый день. Мы хотели бы видеть мсье Чизано, — дедушка был вежлив, но за этой вежливостью слышалась сталь.

— Конечно, — я услышала, как скрипнули ее зубы.

Кастелянша исчезла за дверью, оставив нас ожидать снаружи.

— Кто такой мсье Чизано?

— Так здесь зовут Терпеливого.

Я поерзала в седле, чтобы немного размять затекшие ноги. Упражнения на управление сознанием дали такой хороший результат, что я совсем не волновалась перед грядущим знакомством с одним из богов. Но когда из дверей вышел здешний мастер над оружием, я не удержалась и ахнула.

— Добрый день, — его голос был неизменно тихим, что заставляло прислушиваться. — Перитас, мисс Желтосветная, — он кивнул нам обоим.

— Добрый день.

«Так вот почему он предложил мне тогда попробовать совсем неуместный в дальнем походе двуручный меч!».

Мы спешили.

— Почему ты не зашел? — сразу спросил его дедушка.

— Зачем, позволь спросить?

— Чтобы выпить чаю и поинтересоваться, как все прошло.

— Если этот мир до сих пор стоит, значит все прошло хорошо.

— Хорошо, — Перитас махнул покалеченной рукой. — Мы приехали не за этим.

— Я слушаю.

Пока эти двое разговаривали, я стояла молча и только слушала. Закончив разговор и попрощавшись, мы отправились обратно на новых лошадях. Мсье Чизано отрядил нам двух резвых коней, которые, словно ветер вернули нас обратно. За воротами я спешила, чтобы размять уставшие от долгой верховой езды ноги, дедушка шагал рядом. Мы молча вели лошадей, цокающих подковами по булыжной мостовой, сквозь редкий поток людей.

— Арьянэт! — так как я прибыла в этот мир инкогнито и разительно поменялась во внешности, никто не должен был меня узнать.

Я обернулась, от увиденного сердце пропустило удар. Мне на шею, заливаясь слезами, бросилась Мелисандра.

— Арьянэт! — слышалось между всхлипами.

Я легонько отстранила от себя девушку и высвободилась из ее объятий.

— Арьянэт! Что случилось? Когда мы вошли в ту дверь в подземелье с оружием, я попала сюда и ждала вас, но вы не появлялись, — она снова залилась слезами.

Надежда, теплившаяся в уголке моей души, подняла голову.

Я посмотрела на дедушку, тот лишь покачал головой, будто с самого начала подозревал, что такое может произойти.

— Порождение демонов не сможет пройти в Логово.

Я, будто движимая порывом, схватила их обоих за руки и подбородком нажала на камень в браслете. Через мгновение мы все трое уже стояли в гостиной с резной деревянной мебелью. Дедушка вздохнул:

— Мы не привели лошадей.

Я лишь молча глядела на него, как бы говоря: «Она прошла! Она прошла!».

Лисса озиралась вокруг.

— Где это мы? — прошептала она.

— Это Логово, — я гостеприимно улыбнулась.

Спустя несколько дней все было готово к празднованию. Тренировочный зал преобразился: кругом висели волшебные гирлянды, светящиеся мягким желтым светом и источавшие тонкий аромат цветов. На стойки с оружием были навешаны дубовые венки. Все это нашлось в кладовой, в которой также обнаружилось хитроумное устройство, с несколькими кнопками, при нажатии на которые начинала играть музыка.

Все присутствующие разделись в лучшие наряды, которые смогли достать и напоминали пестрых птичек. Не хватало только Джека и Ксюсадэт, которая с опозданием, но все же пришла на бал. Можно было начинать, потому я поднялась на скамью, стоявшую у стены, и повысила голос.

— Дорогие дамы и господа, — меня переполняло предвкушение. — Мы собрались сегодня здесь, чтобы отпраздновать сокрушительную победу над армией тьмы. Которая, чего уж там, далась нам очень легко, — я изобразила самодовольную ухмылку, в ответ на которую получила одобряющие возгласы. — Бал объявляется открытым!

Лисса нажала на кнопку устройства, и из него полилась незнакомая, но бодрая и ритмичная музыка. Почти все присутствующие разбились на пары и пустились в пляс. Даже дедушка танцевал, пригласив маленькую Мортисью, которая в честь этого события сменила простую тканую повязку на блестящую алую ленту. Спустившись, я подошла к подруге.

— Как тебе праздник?

— Замечательный, напомнил мне о выпускном в пансионе, — она радостно сияла кроваво-красными глазами.

— Прощу меня простить, мне нужно уделить внимание и другим гостям, — сказав это, я взяла бокал вина, разбавленного водой, и пошла к Виленге, которая со скучающим видом стояла в сторонке.

— Как тебе праздник? — в честь этого события согласилась расстаться со своим пламенным топором, положив его в железный сундук, стоявший неподалеку.

— Где этот красавчик? Я бы хотела с ним потанцевать.

Мне представилась реакция оборотня на такие слова, и то, как его щеки залились бы румянцем. От такой картины хотелось рассмеяться, но я лишь улыбнулась и пожала плечами, неосознанно погладив карман.

Обойдя всех, кто не танцевал, я отошла в другую часть зала, которая находилась на некотором возвышении. Как объяснил мне дедушка, это было сделано для того, чтобы можно было устраивать показательные поединки. Усевшись в широкое белое кресло, которое тоже отыскалось в поистине неисчерпаемой кладовой, я стала глядеть на движущуюся пеструю толпу. Со своего места я могла разглядеть каждое лицо и взгляды, которые постоянно на мне останавливались. В белом костюме в белом же, будто мраморном кресле, я сильно выделялась на их фоне. Даже Мортисью искала меня своим невидящим взором. Не обращала внимания на меня только Азалия, тоже отыскавшая себе кавалера, чьи лоснящиеся черные волосы блестели в ярком свете магических кристаллов.

Я глубоко дышала, глядя на то, как то исчезает, то появляется его лицо. Несмотря на это меня сковало волнение, позволяя шевелиться только глазам. Стоило мне моргнуть, как наваждение исчезло. Музыка сменилась, и закончившая танцевать подруга стала пробираться ко мне. Она улыбалась так радостно, что меня на мгновение даже посетило сомнение. Когда разделявшее нас расстояние стало не больше шага, одновременно произошли две вещи. Зал наводнили яростные крики, и я краем уловила то, что Изида вытащила из книги огромный тесак, такого черного цвета, что он, казалось, поглощал свет. Мэри расправила скрытый под пышными юбками хлыст, а Виленга бросилась к сундуку.

Но это не могло меня отвлечь от вида занесенного костью кинжала, испещренного рунами. Я почувствовала несколько легких быстрых прикосновений к своей руке, но даже не заметила момент, как маленькая мышка стала большим мглистым зверем, минуя человеческую форму. Азалия, не ожидавшая такого, стала пятиться, ее лицо исказил страх, такой же гротескный, как был на масках стражников. Но это не могло ей помочь, оборотень повалил суккубу одним прыжком и с рычанием отгрыз голову, которая, отделившись от тела, стала выглядеть так, будто и вправду была сделана из фарфора.

Битва в зале закончилась также быстро. Перешагнув через мертвое тело, я подошла к Перитасу, Джек, не меняя обличия, следовал за мной.

— Много их было?

— Она успела протащить десятерых, — он выглядел так серьезно, будто не танцевал несколько мгновений назад. — И только трое из них были настоящими тенями, остальные суккубы.

Изида, все еще державшая в руке тесак, размером с нее саму, огляделась по сторонам и сунула оружие обратно в книгу. В зале воцарилась тишина, в которой тихий голос Терпеливого был отчетливо слышен.

— Я же говорил, что это было слишком просто, — мсье Чизано выглядел так, будто

смертельно устал быть правым. — Это только начало.

Оставшись одна, я собралась сделать то, что давно планировала и вернулась в свою комнату, разрушенная кровать в которой превращала всю комнату в царство разрухи и бедствий. Для того, чтобы исполнить задуманное нужно было достаточно мужества, но я готовилась к этому слишком долго, чтобы отступить.

Я слышала, что от боли человек может откусить себе язык или сжать зубы так сильно, что они потрескаются. Поэтому я отломила небольшую дощечку от кровати, положив ее рядом с ножом, который остался здесь с моего последнего посещения. Рядом с ними лег белый пиджак. От рубашки я аккуратно отпоролла рукав и обметала срезы ткани. Одежда, добытая в комнате с пророчеством, мне нравилась, и я хотела сохранить ее как можно дольше. Темно-синюю ткань рукавов я распоролла, получив несколько полосок полотна. В ванной комнате я хорошенько почистила нож и рассмотрела его. Широкое лезвие плохо подходило для задуманного, но куда лучше Звездного света. А другого оружия у меня с собой не было. Последним штрихом стала тяжелая кровать, которую я, кряхтя, пододвинула к двери, чтобы не дать той открыться без моего ведома.

Пока я совершала приготовления, решимость моя начала понемногу таять, но волевое усилие заставило ее жить до конца. Я присела на пол, подстраховавшись на случай падения в обморок. Подумав, я также решила снять белые брюки, чтобы случайно не запачкать их кровью. Когда все было готово, я уселась и разложила перед собой нужные инструменты: дощечку, нож и полоски ткани.

Плечо, повернутое так, чтобы перед глазами представала вся татуировка, оказывалось в неудобном положении, но и с этим пришлось смириться. Можно было бы попросить о помощи Джека или Перитаса, но я желала совершить задуманное самостоятельно от начала и до конца. Приведя мысли в порядок, я сунула дощечку между зубов и, не медля, сделала неглубокий надрез. От боли на глаза навернулись слезы, меня сразу бросило в жар и сердце вновь стало колотиться о ребра, как бешеное. Но за несколько лет тренировок с мечом, я привыкла терпеть боль.

Я сделала еще один надрез, на этот раз не церемонясь, будто нарезаю сыр. Тихий вскрик вырвался из горла сам собой, приглушенный лишь деревяшкой. Я глубоко вздохнула и, не давая себе времени обдумать полоснула ножом еще раз, вскрикивая от нового приступа боли. И еще, и еще, и еще. Кровь стекала по руке на ногу, а с нее на пол. С ножа тоже капала кровь. Обычная красная кровь. Свободной трясущейся рукой я оттерла слезы с глаз и посмотрела на дело рук своих. Срезанная кожа кровоточила, пульсировала и ужасно саднила.

На ватных ногах я поплелась в ванную, и опустила израненное плечо под струю холодной воды, когда раздался громкий стук и крики оборотня.

— Арьянэт!

Я собиралась пойти открыть, чтобы у Джека не было повода для беспокойства, но прохладная вода давала небольшое облегчение, тем самым удерживая рядом с собой. Я держала руку под краном, глядя, как стекающие с ладони ручейки светлеют, становясь бледно розовыми. От блаженства меня отвлек жуткий треск, с которым сломалась дверь в комнату, и ворвавшееся рычание. До меня не сразу дошло, что происходит, и я замерла,

держала руку под водой.

Дверь в ванну вылетела с петель от того, с какой силой ее открыли, и упала мне под ноги, едва не отдавив их. За пустым проемом возвышался большой лесной медведь, слишком широкий, чтобы попасть внутрь. Его черные глаза сверкали бешенством. Мы замерли друг напротив друга, глядя друг другу в глаза. Через несколько мгновений он вернул себе человеческое обличье.

— Джек ты меня напугал.

— Откуда кровь? — он метнул взгляд на красную лужицу на полу.

— Да так, мелочи.

Я вернулась, шлепая босыми ногами, и перевязала руку отрезанными от рубашки лоскутами. Оборотень уже закутался в плед и неверяще смотрел на мое плечо.

— Зачем ты это сделала?

Вместо ответа я приблизилась к нему и поцеловала в губы.

На следующее утро меня мерным стуком в дверь разбудил Терпеливый. Я наспех вытащила из шкафа чистую одежду и, кое-как облачившись в нее, открыла дверь.

— Доброе утро.

— Доброе утро, мисс Желтосветная. Мы, наконец, нашли Вам учителя, и я подумал, что вы были бы рады увидеть его сразу по приезду.

— Янэт, — от этого голоса у меня на глаза навернулись слезы.

Встретившись взглядом с родными голубыми глазами, я, чтобы не утонуть в нахлынувшей нежности, кинулась обниматься.

— Папа.

Больше книг на сайте - Knigolub.net